

ДЕТЕКТИВ

Самсонова

Людмила МИТЕВСКАЯ

Сериал «**Далила Самсонова**» —
сердца жен починает
мужей возвращает,
врагов семьи изобличает»

ДАМСКИЙ НЕГОДНИК

С детства
увлеченная химией,
Людмила Милевская
«нахимичила»

в собственной судьбе:

решила писать
детективы!

Попробовала, и...

реакция
пошла!

Людмила МИЛЕВСКАЯ

Далила Самсонова – врачеватель разбитых сердец, регулировщик семейных отношений, а проще говоря – психоаналитик. За время своей практики Далила пришла к выводу, что многие домашние неурядицы постепенно перерастают... в преступления! Так что расследовать их – ее прямая обязанность. Много раз ей удавалось распутывать такие дела, которые милиции оказывались не по зубам. Но последний случай поставил Самсонову в тупик: по всему выходило, что ее подруга Людмила совершила убийство. У барышни типичное психическое расстройство. Сдать ее милиции? Нельзя – бедняжку надо лечить. Но как, если она не желает Далилу видеть?! А тем временем некто, имеющий к преступлению самое прямое отношение, читает книги психоаналитика Далилы и... действует по ее инструкциям! Вот это да! Неужели тут она сама себя перехитрила?..

ISBN 5-699-09492-X

9 785699 094929 >

ЧИТАЙТЕ

ИРОНИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

КОРИФЕЯ ЖАНРА –

ЛЮДМИЛЫ МИЛЕВСКОЙ

Сериал «Соня Мархалева – детектив-оптимистка»

1. Почем фунт лиха	7. А я люблю военных...
2. Цветущий бизнес	8. Фанера над Парижем
3. Кикимора болотная	9. Пять рассерженных мужей
4. Пять рассерженных жен	10. Пусти козла в огород
5. Выстрел в чепчик	11. Жених со знаком качества
6. Веселая поганка	12. Моя свекровь – мырма!

Сериал «Дамы начинают и выигрывают»

1. Карманная женщина	5. Мерзавец на выданье
2. Джинн из консервной банки	6. Ты маньячка, я маньяк
3. У жены под кроватью	7. Дурдом на выезде
4. Вид транспорта – мужчина	

Сериал «Далила Самсонова – сердца жен починает, мужей возвращает, врагов семьи изобличает»

1. Мужской гарем
2. Кто хочет спать с миллионером?
3. Продается шкаф с любовником

Сериал «Муза Добрая – искательница приключений»

1. Любовники чертовой бабушки

Л ю б и м а
МИЛЕВСКАЯ

ДАМСКИЙ
НЕГОДНИК

МОСКВА. «ЭКМО». 2005

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 60

Оформление серии художника *М. Левыкина*

Серия основана в 2004 г.

Милевская Л. И.
М 60 Дамский негодник: Роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 320 с. — (Детектив с клубничкой).

ISBN 5-699-09492-X

Далила Самсонова — врачеватель разбитых сердец, регулировщик семейных отношений, а проще говоря — психоаналитик. За время своей практики Далила пришла к выводу, что многие домашние неурядицы по-степенно перерастают... в преступления! Так что расследовать их — ее прямая обязанность. Много раз ей удавалось распутывать такие дела, которые милиции оказывались просто не по зубам. Но последний случай поставил Самсонову в тупик: по всему выходило, что ее подруга Людмила совершила убийство. У барышни типичное психическое расстройство. Сдать ее милиции? Нельзя — бедняжку надо лечить. Но как, если она не желает Далилу видеть?! А тем временем некто, имеющий к преступлению самое прямое отношение, читает книги психоаналитика Далилы и... действует по ее инструкциям! Вот это да! Неужели тут она сама себя перехитрила?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09492-X

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Глава 1

Высокая миловидная девушка выпорхнула из лифта и, растерянно оглядевшись, с укором воскликнула:

— Ну вот, и приплыла! Что она мне сказала, эта глупая Зинка: направо и до упора? Объяснила! «Очень понятно»! Где право? Где лево? Это смотря куда повернуться лицом. Если к лифту, там право, а если...

Покрутив головой, девушка выругалась:

— Блин! Вокруг ни души, фиг спросишь. Ладно, пойду прямо, — в конце концов, решила она и... цоккая каблучками, повернула налево.

Следуя по коридору от одной двери к другой, она читала таблички, злясь и шепотом приговаривая:

— Не то, не то. Где же этот чертов нотариус? Чувствую, только зря из-за Зинки время теряю.

Таким образом девушка дошла до конца коридора и уперлась в необычную дверь. Эта дверь отличалась от других офисных дверей дорогим резным барельефом, изображающим сценку: хрупкая дева состригает длинные волосы у спящего на широком ложе гиганта. И гигант, и дева совершенно обнажены.

— Ого! — воскликнула незнакомка и скользнула любопытным взглядом вниз по двери.

Под картинкой располагалась табличка следующего содержания: *«Далила — героиня библейской легенды — очаровала Самсона и, выведав, что тайна его силы в длинных волосах, обрезала их, когда он спал.*

Обессиленный таким образом Самсон был взят в плен врагами.

Ваши враги — ваши желания и привычки, которые зачастую лишают вас последней надежды на счастье. Как с ними справиться, знаю я, психоаналитик Далила Самсонова».

Глаза девушки зажглись интересом.

Она изумленно хмыкнула, пропела «да-аа?» и, решительно распахнув барельефную дверь, грациозно впорхнула в приемную.

О том, что это приемная, сказали офисные: пальма, кресла, диванчик. И еще девица с дежурной улыбкой, приклеенной к лицу, пожизненно сохранявшему скуку.

Приветливая улыбка и скука — не правда ли, современное сочетание?

На столе у девицы стояла табличка, возвещающая: «Дарья, секретарь-референт высшего класса».

Расположилась Дарья, «секретарь-референт высшего класса», рядом с еще одной дверью, на которой тоже была табличка. Эта табличка скромно гласила: «Психоаналитик Самсонова Далила Максимовна».

— Здравствуйте, добро пожаловать, — пафосно воскликнула Дарья и, не снимая улыбки с лица, деловито осведомилась: — Могу я узнать ваше имя?

Девушка не склонна была всем подряд представляться, но от внезапности вопроса ответила:

— Я Анфиса Пекалова.

— Очень приятно, — радостно оскалилась Дарья, извлекая из стола огромный журнал.

Не давая Анфисе опомниться, она затрещала:

— У нас все расписано, но для вас постараюсь выкроить часик. Что вас больше устроит, утро, день или вечер? В следующий понедельник есть окно утром, в следующую пятницу — только вечером. Если

ваша проблема экстренная, могу записать на обед на эту субботу, но лишь с позволения Далилы Максимовны. Предупреждаю, в выходные оплата тройная...

В этом месте Анфиса очнулась от гипнотического напора и, перебив секретаршу, воскликнула:

— Вы не поняли, я всего лишь хотела узнать, где здесь нотариус. Не подскажите?

Улыбка сползла с лица Дарьи, а скука, напротив, всецело там воцарилась.

— Натариус в другом конце коридора, — яростно отрезала она, решительно отправляя в стол свой рабочий журнал.

Глаза ее мгновенно уткнулись в компьютер.

Прочитав на лице секретарши запредельную скуку, Анфиса обреченно вздохнула, неуверенно направилась к выходу, но до двери не дошла: остановилась. Постояла, подумав, вернулась к столу и, переходя на шепот, спросила:

— А чем она занимается, эта Далила Самсонова?

— Да вы что? — подпрыгивая, поразились Дарья. — Совсем не слыхали про психоанализ?

— Нет, я слышала, — смутилась Анфиса, — но, как она это?..

Секретарша осведомилась, презрительно процедив:

— Что «это»?

— Неужели она действительно знает, как избавиться от желаний?

Теперь на подвижном лице секретарши отразилось недоумение.

— Это смотря от каких желаний вы хотите избавиться. Что вас беспокоит? — уже деловито поинтересовалась она.

— Меня?

В синих глазах Анфисы заплескалась растерянность. Вместо ответа девушка робко спросила:

— А эта Далила хороший специалист?

Дарья гордо отрезала:

— Лучше в Питере нет. И не ищите.

— А как она все это делает?

— Что — все? — Секретарша начала злиться.

Анфиса сконфуженно пояснила:

— Ну, эти, желания. Как она их убирает?

Дарья вздохнула, словно взваливая на плечи тяжеленный мешок, и проныла:

— Девушка, видите, я работаю. Не отвлекайте.

Вы куда шли?

— К нотариусу.

— Вот и идите.

Уткнувшись в компьютер, она дала Анфисе понять, что бессмысленный разговор окончен.

Анфиса и сама была бойкой девицей. Обламывать таких грубиянок, как Дарья, для нее даже в радость. Дать хороший отпор, считала Анфиса, это как спорт: «фигура» наглости укрепляется, и «мышцы» хамства растут — в мегаполисе такие вещи вовсе не лишние. Сама она была из маленького поселка Зариновка, но в городской жизни быстро поднаторела. Ох, и не поздоровилось бы этой Даше, попадись ей она, скажем...

Однако не сегодня — не заладился день у Анфисы.

«Лучше не связываться», — подумала девушка и, нахмурившись, двинулась к выходу.

Но снова остановилась, задумчиво прошептала «это судьба!» и решительно порхнула к двери с табличкой «Самсонова Далила Максимовна».

Бдительную Дарью немедленно вымело из-за стола.

— Куда вы? Туда нельзя! — возмущенно завопила

она, преграждая налетчице путь своей дорогой силиконовой грудью.

— Мне на минутку, я только спросить, — пытаюсь прорваться, лепетала Анфиса.

— У нас спрашивают только по записи! И за деньги, — сдерживая натиск, зло сообщила Дарья и яростно повторила: — По записи и за деньги!

— Я заплачу, сколько надо, но ждать не могу! Мне очень срочно!

— Другим «срочней» твоего, а ждут, слышь, ты, колхоз! Понаедут тут из деревни! — перешла к прямым оскорблениям Дарья.

Несмотря на свой малый рост, она одержала победу: «налетчица» Анфиса была вытеснена из приемной к выходу. Однако на этом успехи Дарьи и кончились. Анфиса яростно вцепилась в дверной косяк: выставить ее за пределы приемной секретарше не удавалось.

Девушки возились, пытели — борьба шла своим ходом, когда дверь кабинета открылась и на пороге показалась Самсонова. Она провожала миниатюрную белокурую женщину среднего возраста, у которой, похоже, рот никогда не закрывался.

— Ой, Далила Максимовна, ой, огромное вам спасибо, — с невероятной скоростью щебетала она. — Вы мой спаситель, вы бог мой, кумир. Ой, после ваших сеансов я возрождаюсь. Я так дышу! Я улыбаюсь, вижу цветы, облака. Ой, я терплю соседей, подруг, свекровь, даже мужа...

Самсонова одобрительно кивала в такт словам пациентки, осторожно, но очень уверенно направляла ее к выходу.

— Светлана Михайловна, до завтра, жду вас в ваше обычное время, — приговаривала она, даже не

пытаясь остановить поток благодарностей и впечатлений.

Наткнувшись на Дарью с Анфисой (они, вцепившись друг в друга, застыли сиаемскими близнецами), Далила спросила:

— Что здесь происходит?

— Да, что здесь? — подхватила тут же Светлана Михайловна, не выносящая и секундных пауз. — Что здесь? Что здесь?

Дарья, не прекращая своих обязанностей, немедленно доложила:

— Вот, рвется к вам, а я не пускаю!

— Ну, надо же, наглость какая! — возмутилась Светлана Михайловна, жалея, что приличия не позволяют ей подключиться на помощь деятельной Дарье.

Самсонова же, мыслей таких не имея, любезно спросила у возмутительницы спокойствия:

— Почему вы не хотите ко мне записаться?

— Мне срочно! — воззвала Анфиса. — Я ждать не могу!

Далила вздохнула:

— А я, к сожалению, не могу вас принять. У меня срочный вызов. Хотите, вас запишут на завтра?

Дарья зло сообщила:

— Завтра суббота. У вас выходной.

Самсонова возразила:

— Дашенька, раз девушке очень надо, я могу прийти утром в субботу. Назначь на десять часов. Вас устроит? — обратилась она к Анфисе.

Та кивнула. Секретарша не унималась, еще крепче сцепив объятие.

— Дашенька, оставь мою пациентку в покое, — потребовала Далила.

— Ну, как знаете, — сердито бросила Дарья, нехотя отпуская жертву и обиженно направляясь к столу.

— Вот и отлично, — улыбнулась Анфисе Далила и повела полную впечатлений Светлану Михайловну к лифту.

Анфиса, проводив их глазами, наклонилась к секретарше и миролюбиво спросила:

— Самсонова что, всех своих пациентов так провожает или эта особенная?

Даша, раскрывая журнал, хмыкнула:

— Да, эта особенная, эту всегда лучше проводить до самого лифта.

— Почему? — удивилась Анфиса.

— Если вовремя в лифт ее не затолкать, она отсюда никогда не уйдет! — зло гаркнула Дарья и, сунув в руку девушки помятый листок, приказала: — Так, Пекалова, вам завтра быть в десять утра!

Анфиса искренне ей польстила:

— У вас отличная память.

— Профессиональная, — буркнула Даша и, указав глазами на дверь, напомнила: — Нотариус в противоположном конце коридора.

Девушка нехотя вышла, нос к носу столкнувшись с довольной Самсоновой. Далила удачно избавилась от Светланы Михайловны и сияла, а вот лицо Дарьи разочарованно вытянулось:

— Далила Максимовна, вы так быстро?

Та поделилась внезапной радостью:

— Дашенька, мне повезло, Светлана Михайловна встретила в коридоре соседку.

— Да, вам повезло, — констатировала Дарья и со стервозным злорадством добавила: — А вот соседке не повезло.

— Увы, — вздохнула Самсонова.

Анфиса не уходила, словно чего-то ждала. Заметив ее, Далила деловито спросила:

— Вас записали?

Девушка грустно ответила:

— Да, на завтра, на десять утра.

— Тогда до завтра, — не замечая ее огорчения, приветливо улыбнулась Самсонова и скрылась в своем кабинете.

Анфиса по-прежнему не уходила. Дарья демонстративно не замечала ее присутствия. Вскоре из кабинета вылетела Далила. Крикнув Даше: «Кузькина на прием не явилась. Будет звонить, я на вызове!» — она устремилась к выходу.

И снова нос к носу столкнулась с Анфисой.

— В чем дело? — на этот раз сердито спросила она. — Вас записали на завтра?

— Записали, — пискнула девушка.

— Значит, до завтра.

Анфиса внезапно расплакалась и горестно запричитала:

— До завтра я не доживу! Понимаете, не доживу я до завтра!

Глава 2

На лице Самсоновой промелькнула растерянность.

— Вы не доживете до завтра? А что случилось? — озабоченно спросила она.

— Мне нужна ваша помощь, — пропищала Анфиса, вытирая слезы воротничком своей блузки.

— Но почему вы не хотите дождаться утра? — удивилась Самсонова.

— Я очень хочу дождаться утра, но, возможно,

раньше умру, — заверила девушка и виновато добавила: — Это зависит не от меня.

— Думаю, и не от меня. Советую вам обратиться в милицию, — взглянув на часы, сказала Далила.

— Чтобы там надо мной посмеялись?

В синих глазах Анфисы заплескалась мольба.

— Спасите меня! — закричала она. — Спасите!

Секретарша презрительно хмыкнула, покрутив у виска пальцем с накладным ногтем.

Самсонова развела руками:

— Я бы рада помочь, но как? Чего вы от меня ожидаете? — спросила она, делая шаг к кабинету.

— Я хочу разлюбить одного человека, — выпалила Анфиса. — Срочно! Иначе мне гибель!

Самсонова растерянно воззрилась на Дашу. Та с меланхоличным презрением сообщила:

— Эта вруша направлялась к нотариусу.

— Это правда? — строго спросила Самсонова, снова мельком бросая взгляд на наручные часы.

Анфиса кивнула и страстно призналась:

— Да, я шла не к вам! К вам я случайно попала, но это судьба! Сам бог привел меня к вашей двери!

— Да в чем, собственно, дело? — теряя терпение, спросила Самсонова.

Анфиса открыла рот, но сказать не решилась. Лишь с опаской покосилась на Дарью, а та, играя бровями, немедленно сообщила:

— У Далилы Максимовны нет от меня секретов. Почти все вопросники я сама обрабатываю.

— Помолчи, дорогая, — мягко сказала Самсонова и обратилась к Анфисе: — Пойдемте ко мне в кабинет, но больше минуты я вам не обещаю.

— Спасибо, — обрадовалась девушка и, показав Даше язык, порхнула в дверь за Самсоновой.

— Слушаю вас, — сказала Далила, присаживаясь

в кресло. — И покороче, пожалуйста, у меня вызов на дом.

Брови девушки изумленно подпрыгнули:

— Вы ездите по домам?

Самсонова пояснила:

— Меня ждет человек, который серьезно болен, он нуждается в срочной помощи.

Анфиса воскликнула:

— Но я тоже нуждаюсь в помощи! Почему бы вам не приехать ко мне?

Теперь изумленно подпрыгнули брови Далилы.

— Я не езжу домой к незнакомым людям, — сердито сообщила она.

— Тогда скажите, пожалуйста, о какой Куськиной вы говорили? — спросила Анфиса. — Не о злой ли карге, Генриетте Карловне?

— Вы ее знаете? — удивилась Самсонова.

— Да. Она соседка моя. По даче. Точнее, дача у Генриетты Карловны, а у меня там дом.

— В чем же различие?

— Я там живу, а Генриетта Карловна отдыхает.

— Там, это в Сестрорецке? — уточнила Далила.

Анфиса с гордостью изрекла:

— Да, я живу в элитном курортном районе. — И поспешно завершила: — Я не бедная, я хорошо заплачу.

Самсонова пошутила:

— Рада за вас и особенно за себя.

Анфиса с надеждой спросила:

— Теперь вы сможете приехать ко мне?

— Нет, пока не узнаю вас лучше, все равно не смогу.

— Но почему?

В который раз взглянув на часы, Далила поднялась из кресла и строго сказала:

— Услуги на дому я оказываю лишь тем пациентам, которых записала в друзья. А вы, возможно, в моей помощи вообще не нуждаетесь. Если вы собирались к нотариусу, то поспешите, — направляясь к двери, посоветовала она и пояснила: — Марк Борисович вот-вот уйдет.

Анфиса взмолилась:

— Пожалуйста, не бросайте меня! Знаете, зачем мне нужен нотариус?

Самсонова, стоя уже у двери и нетерпеливо приотпывая ногой, пожала плечами:

— Понятия не имею.

— Я шла к нотариусу, чтобы срочно составить завещание! На меня покушается мой собственный муж!

Наткнувшись на скептический взгляд, Анфиса запнулась и быстро поправилась:

— Он, правда, не муж, но хочет на мне жениться. Да-да, он действительно собирается.

Далила раздраженно спросила:

— Не пойму, что именно он собирается с вами сделать: жениться или убить?

— Он с первого дня клялся, что мечтает на мне жениться, — пискнула Анфиса, капнув слезой.

Умудренная опытом, Самсонова констатировала:

— Типичный мужской прием. Желая получить наслаждение, мужчина говорит то, что хочет услышать женщина. Вы уверены, что он вас не обманывал?

— А зачем тогда дом мне купил? — закричала Анфиса и, переходя от скудных слез к энергичным рыданиям, начала причитать: — Я ничего не понимаю! Он меня так любил! Он наплевал на свою жену! А теперь он меня убивает! Раз травил! Два травил! Травит и травит, то мороженым, то грибами! Еле выжила!

— Как это, травит? — удивилась Далила.

— А вот так! После каждого свидания с ним я блюю! Наизнанку меня выворачивает!

— А вы не беременны?

— Если бы! Я была у врача.

Самсонова растерялась:

— Погодите, но как это, травит? Как такое возможно? Вы с ним говорили об этом?

Девушка вытерла слезы и фыркнула:

— Я не сошла с ума. Он не за тем меня травит, чтобы мне же потом искренне каяться. Я травлюсь и делаю вид, что не вижу, не понимаю.

— Почему вы так глупо себя ведете? — поразились Самсонова.

— Чтобы он одумался и меня пожалел.

— Но зачем он вас травит?

— Не знаю. Наверное, передумал жениться и решил избавиться от меня.

— Разве люди так расстаются? Он что, ненормальный?

— Очень даже нормальный, — заверила девушка и в доказательство слов добавила: — Он очень богатый.

— А вы не ошибаетесь? — спросила Далила. — Я навидалась такого. Он к вам охладел, вы паникуете вот и придумываете бог знает что.

— Нет! Он действительно меня убивает!

— В таком случае советую срочно обратиться в милицию.

Анфиса в отчаянии потрясла головой и воскликнула:

— Хорошо, вам я скажу. Я одна здесь, совсем одна. Отец давно умер, мать алкашка, тетка не любит меня, бабушка вот-вот умрет. И все они там, в поселке, а я тут, в Петербурге, совсем одна. Есть, правда,

подруга, но она глупая, круглая дура. Есть еще одна, но я ей не доверяю. Есть у меня друг, он сначала не верил, а потом, когда я те грибочки ему дала, он поверил.

— Почему он поверил? — содрогнулась Далила.

— На экспертизу грибочки отнес. А затем и мороженое, точнее, ту лужу, что от него осталась.

— И что же?

— Выяснилось, что и там, и там яд, — хлюпнула носом Анфиса и горестно спросила: — Ладно, грибочки, но откуда взяться яду в мороженом? Мороженое импортное, дорогое, он мне приносил. И там обнаружили яд.

— Какой яд? — поразились Самсонова.

— Я не помню название. Оно сложное, длинное и химическое, а у меня по химии тройка была.

— Почему же друг вас не защитит?

Анфиса пожаловалась:

— Друг приказал его бросить.

— Правильно приказал.

— Но я не могу. А он пользуется этим и травит, травит меня на каждом свидании; хотя и клянется в любви!

— Так прекратите эти свидания или обратитесь в милицию.

— Не могу! Я люблю его! Очень люблю! И сегодня он должен приехать! Он даже на ночь останется! Я ужасно боюсь! Чует сердце, этой ночью погибну! Спасите меня!

— Как же я вас спасу? — раздосадованно изумилась Далила.

— Помогите его разлюбить!

Это был вопль отчаяния. У Самсоновой отлегло от души.

«Про грибочки девочка наврала, — мысленно заключила она. — Для сгущения красок придумала. Все фантазии детские, но ей действительно плохо и одиноко. Любовник бросает, она мечется, наверняка ему угрожает, возможно, и шантажирует. Так часто бывает. В итоге его терпение лопнуло и разразился скандал. Девочка сорвалась, гадостей наговорила — все, теперь виноват не он, а она. Под скандал он, хитрец, и улепetyвает.

Но я ей зачем?

Как зачем? Не знает, что делать, увидела табличку на двери, решила привлечь меня, авторитетную личность, он сегодня придет. Она хочет, чтобы я на него повлияла, вот и тащит к себе.

Что ж, попробую повлиять, но, конечно же, не сегодня».

Анфиса тем временем громко рыдала.

Нервно взглянув на часы, Самсонова попросила:

— Не надо плакать. Уверю вас, все наладится. Почему бы нам не встретиться завтра утром, как и собирались?

— Поймите же наконец, я не могу ждать до завтра! Я очень боюсь!

— Не капризничайте, сколько тут осталось уже до утра?

— Хорошо, идите, — хлопнула носом Анфиса. — Но знайте, если я не доживу до утра, виноваты будете вы!

— Ладно, — вздохнув, согласилась Далила, — виноватой считайте меня.

Она вышла из кабинета и, устремляясь к лифту, подумала: «Вот вам и городская жизнь. Куда мы придем, если уже у таких молодых страхи, навязчивые состояния и истерия?»

Глава 3

Самсонова не дождалась Анфису следующим утром. То, что девушка не пришла, Самсонову не взволновало, а рассердило.

— Знала бы ты, Дашенька, как жаль времени, потраченного впустую, — посетовала она секретарше в следующий понедельник. — Над книгой некогда поработать, столько домашних дел, а тут...

— Что? Не пришла Пекалова! — ахнула Даша.

— Не пришла. Все, никогда больше не попадусь на уловки несерьезных людей, — в который раз поклялась с досадой Самсонова.

Секретарша кивнула с сочувствием, но напустилась:

— А все ваша доброта, Далила Максимовна, сколько раз я вам говорила...

Наткнувшись на горестный взгляд патронши, Дарья одумалась и проворчала:

— Я и сама виновата. Впредь буду умней. Теперь не стану тревожить вас из-за взбалмошных и вздорных девиц.

— Тебя я не виню, она дерзко ко мне прорвалась.

— Уж найду способ, как обламывать наглючек, — заверила секретарша.

— Спасибо, — поблагодарила Самсонова и вздохнула: — Увы, порывы юности подвижны настроением. Я слишком занята, чтобы потворствовать этим порывам. Правильно, Дашенька, не пускай больше ко мне случайных девиц. Я на тебя очень рассчитываю, — заключила Самсонова и больше не вспоминала Анфису.

Не вспоминала до тех пор, пока не увидела сон. Это был кошмар в стиле голливудских ужасиков. Анфиса опять рвалась на прием к Далиле, но выгля-

дела она безобразно. Это была не стройная симпатичная девушка, а черный раздувшийся труп. В гниющей плоти его кишели белые черви. От трупа исходил удушливый смрад, но труп надвигался и зловеще вопил:

— Ты! Ты виновата! Ты меня не спасла!

— Почему я должна была вас спасти? — вежливо интересовалась Далила во сне. — Почему именно я? Я психоаналитик, а не милиционер.

Труп громыхал inferнальным хохотом:

— Ха-ха! Почему ты?! Потому, что я просила тебя о помощи! Тебя, а не ментов! Теперь знай, это ты! Ты убила меня! Своим равнодушием ты меня погубила!

Самсонова хотела бежать и не могла: ноги словно в землю вросли. А труп неотвратно надвигался: удушливый и ужасный — ходячая плантация белых червей. Жуткие руки угрожающе тянулись к застывшей от страха Далиле. Сейчас они тронут ее, сейчас схватят, сойдутся на шее и...

И... в этот миг раздался неопиcуемый звон.

Проснувшись Далила в холодном поту. Подскочила, нащупала кнопку будильника, зло вдавила ее и подумала: «Что за гадость мне снится? Магнитная буря, что ли, сегодня? Но вставать все равно пора».

После развода с мужем нервишки пошаливали, Самсоновой иногда снились кошмары (перед магнитной бурей), но таких ужасных еще не бывало.

Далила сбросила с себя мерзость сна, приняла душ, наспех позавтракала и понеслась на работу.

Но сон не отпускал: решительно выставленный из сознания, он повис над Самсоновой отвратительным фоном: тревожным, зловещим.

На этом фоне и протекала ее успешная жизнь: Далила выпорхнула из подъезда, понеслась на рабо-

ту, лихо посылая в обгоны юркий «Форд», вошла в кабинет.

Первой пациенткой в тот день была трещотка Светлана Михайловна. Едва она принялась ругать «мучителя-муженька», фон мгновенно исчез. Далила с удовольствием погрузилась в работу.

Светлана Михайловна была из тех пациентов, которые с ходу бросаются в объятия психоаналитика. Они смотрят на специалиста как на бога, как на кумира. Светлана Михайловна на Далилу только что не молилась. Она так упорно и так настойчиво тянула Самсонову в близкие отношения, в дружбу, что сопротивление было смерти подобно.

Опытная Самсонова не сопротивлялась. Несмотря на чрезмерную словоохотливость, Светлана Михайловна была ей симпатична. Все тесты разом показали Самсоновой: пациентка умна, мудра, покладиста и уживчива, благожелательна, открыта, откровенна, чиста. Милая, добрая женщина, затюканная злобным несдержанным мужем. Болтливость ее скорее всего блок, защита — вот только против чего? Или против кого?

Пожалуй, лишь на этот вопрос не могла ответить Далила, так понятна была ей Светлана Михайловна. У добрых отзывчивых людей излишней болтливости быть не должно. Почти все болтуны эгоисты, почему же болтает она, эта славная женщина? От смущения? Или пытается что-то скрыть? Заболтать?

У нее есть тайна?

Гадая, Самсонова твердо знала: чем бы ни была вызвана болтливость Светланы Михайловны, в любом случае вызвана она чувством стыда. Ее болтливость — признак нечистой совести.

Возникал новый вопрос: перед кем нечиста ее

совесть? Перед мужем? Перед Далилой? Перед собой?

Впрочем, тайна Светланы Михайловны не мешала работе. Больше мешало то, что Самсонова не имела возможности изучить психическое состояние мужа своей пациентки. Светлана Михайловна наотрез отказалась привести его на прием.

— Что вы, что вы, — округляя глаза, пугалась она, — мой Пусик меня побьет, если узнает, что я его деньги пускаю по ветру. Он озверееет, если услышит про психоанализ и все такое. Пусик не верит в эту науку.

Таким образом, Самсонова почти вслепую решала сложнейшую и тривиальнейшую задачу: пыталась выяснить, есть ли условие, при котором тяжелые отношения между супругами переродятся в счастливую семейную жизнь. Светлана Михайловна мужа своего обожала, а не просто любила, но обид накопилось так много, что она готова была пойти на развод.

— Это не жизнь, — кадая слезами, жаловалась она, — это сплошной скандал. Порой мне кажется, что Пусик меня ненавидит.

Действительно, складывалось именно такое впечатление, что не удивляло бывалого психоаналитика Далилу Самсонову. Адам Юг, аналитик из лондонского психологического Центра, утверждал, что все мужчины — женоненавистники. В своей книге «Почему мужчины ненавидят женщин?» он докопался до истины. Далила не совсем была с ним согласна, но Юг утверждал, что явление «потери детского нарциссизма», которое происходит у мальчиков в возрасте 6—15 месяцев, когда мать «отторгает» ребенка, влияет на отношение мужчины к женщине на протяжении всей его жизни. Некоторые мужчины в целом изменяют это свое отношение, но чаще «агрессивность»

к женщинам у мужчин остается и поддерживает их чувство власти над ними.

Этим объясняется причина, по которой мужчина тяжело переносит критику женщины. Обидчица женщина (от груди оторвала!) критикует еще: находит во мне (идеале!) какие-то недостатки. Такая «несправедливость» преследует мужчину с младенчества и до смерти. Его, бедолагу, «пинают» все: мама, бабушки, тетушки, сестры, воспитательницы, учителя. Все женщины его критикуют и поучают. Жизнь мужчины ужасна, в результате он просто звереет и набрасывается... на жену.

Прав Юг или не прав, но муж Светланы Михайловны изумительно походил на описанный в его книге образ мужчины. Пусика Светланы Михайловны раздражало в своей «дрожащей» половине все: от выбора подруг, кофемолок и банков до ее любимых певиц, телепередач и журналов. На любое невинное слово жены он реагировал резко и шумно. Порой доходило до драк. Но на вопрос Самсоновой: «С чего начался скандал?» — затравленная Светлана Михайловна лишь пожимала плечами:

— А бог его знает, уже и не помню. Слово за слово и поехало.

Но все же в процессе работы Самсоновой удалось выяснить, что является постоянной причиной скандалов: критика! Точнее, протест супруга против критики Светланы Михайловны.

(Вот вам и Юг — попробуй ему не поверить.)

Пусик настолько боялся критики, что ждал ее там, где и не предвиделось. Он частенько упреждал надуманный им удар грубостью и протестом, хотя жена и не собиралась на него нападать. Светлана Михайловна, полная благих намерений, раздражала его потому, что внешне она была слишком похожа на мать

Пусика, властную и грубоватую женщину. В конце концов Далила вынуждена была вынести приговор: брак не подлежит переделке. Пусик и Светлана Михайловна — несовместимы. Штопать и клеить их отношения бесполезно.

Казалось бы, все — о чем еще разговор?

Нет же, Светлана Михайловна продолжала посещать кабинет Далилы Самсоновой. Теперь ее обуревало новое любопытство:

— А с кем он совместим, мой ненаглядный Пусик?

— С женщиной волевой, грубоватой и властной, — сожалея, призналась Самсонова. — Пусик с ней будет мучаться, но хамить такой не решится. А ей безразличны все его неувязочки. Она не будет переживать, как вы, она занята собой. Брак приобретет форму вялотекущей склоки, которая будет привычна и Пусику, и его новой жене. Вечный бой — их нормальное состояние. Вы же склонны к теплым, дружеским отношениям. Склока для вас губительна.

Вроде бы исчерпан вопрос. Наступила пора решительных выводов.

И что же? Светлана Михайловна сделала вывод и развелась?

Ничуть. Она... попросила у Самсоновой чуда.

— Не могли бы вы помочь мне преобразиться, — попросила она.

— В кого? — поразилась Далила.

Бедняжка проямлила:

— Да в эту самую грубоватую, властную женщину, к которой Пусик уйдет.

На какие только самопожертвования не решаются бедные жены ради семейного счастья!

Теперь Далила (мысленно обливаясь слезами)

совершала страшное преступление — с точки зрения общества, разумеется. Она давала рекомендации Светлане Михайловне, как испортить ее на редкость хороший характер. Не давать рекомендаций было нельзя: настроилась пациентка чрезвычайно решительно. Откажи ей Самсонова, другого специалиста найдет, а где гарантии, что новый специалист отнесется к ее проблеме честно и добросовестно? Да и будет ли он мастером своего дела — вот в чем вопрос. Слишком много развелось шарлатанов.

Но с другой стороны, как опытный специалист, Самсонова знала: пациентке просто не повезло, навралась на подлеца. Женщины с ее характером редко бывают несчастными, им обычно «везет» — слово взято в кавычки лишь потому, что везения нет. Здесь работает народная поговорка: посеешь характер, пожнешь судьбу. Обычно у женщин с таким характером все в жизни ладится: дом — полная чаша, любящий муж, отличные дети.

Почему ладится, спросите вы? Потому что они сильны, ответит вам психоаналитик Самсонова. Уж кто-кто, а она знает, что эгоисты лишь кажутся сильными, на самом деле они слабаки. Лишь слабаки живут по принципу: дай бог себя ублажить, а ублажая, ни в чем себе не отказывай, и фиг с ними, с друзьями, родственниками, сослуживцами. Поэтому эгоисты несчастны — их радость равна единице.

Истинные силачи духа, конечно же, альтруисты. Поскольку они счастливы, видя радость в чужих глазах, их радость так бесконечна, как бесконечна Вселенная. Альтруистов немного, но все они действительно счастливы. (Если, разумеется, принять формулу: счастье — радость дарить людям радость.) Альтруи-

сты себя раздают, но и получают от мира достаточно. Светлана Михайловна была альтруисткой.

Неудивительно, что от создавшейся ситуации Далила страдала. Она мучительно искала решение этой проблемы, опасаясь за дальнейшую судьбу Светланы Михайловны. Та героически работала над душой, пытаясь повернуть вспять свой редкий характер и двинуть от надоевшего альтруизма к манящему Пусиком эгоизму.

Слава богу, выслушивая ее отчеты о проделанной работе, Самсонова видела: успехов практически нет. Но Светлана Михайловна проявила недюжинное упрямство: она над собой трудилась мятежно и героически, однажды даже посмела крикнуть на мужа: «Дурак!» За что, правда, немедленно получила пощечину, но надежд не утратила: «А вдруг в ближайшее время пощечину отпустит моя рука?»

Почему именно в этот день лопнуло терпение Далилы, она и сама не знала, но терпение лопнуло.

— Если вы превратитесь в грубую властную женщину, Пусик вас бросит, — спокойно сообщила она.

Светлана Михайловна схватилась за голову и, бледнея, спросила:

— Но почему?

— Испытав над вами беспредельную власть, он своим браком доволен. Пусик вам доверяет, он может на вас положиться, ему очень уютно рядом с такой женой: захотел — пнул, захотел — приласкал. А вы собираетесь поломать ему удовольствие. Он слабый и инфантильный. Вы опора его, защита от жизни.

— Опора, которую он ненавидит? — поразилась Светлана Михайловна.

Самсонова подтвердила:

— Да.

— Но за что он ненавидит меня?

— За то, что вы сильнее его. Но с вами ему хорошо. Пусику не страшно заплывать в самые холодные воды жизни, зная, что вы всегда рядом со своим теплым плечом и добрым советом. Вы понимаете, чего хотите его лишить?

Светлана Михайловна растерялась:

— Чего?

— Да плеча! Своего плеча, — рассердилась Далила и строго спросила: — Чему я вас уже месяц учу?

— Как быть эгоисткой.

— Именно. Но это абсурд. Вы страдаете, отбывая. Радость жизни для вас состоит в том, чтобы всем себя раздавать: родственникам, друзьям, коллегам, соседям. Этим вы счастливы.

Самсонова хлопнула по столу ладонью:

— Все, не могу больше смотреть на то, как вы себя ломаете!

— Почему? — вздрогнула Светлана Михайловна.

— Это вредно для вас, — принялась увещевать Далила. — Поймите, как только у вас это получится, как только вы изменитесь, как только Пусик поймет, что вы эгоистка, он бросится на поиски другого плеча.

Светлана Михайловна жалобно похлопала глазами и, горестно пискнув, напомнила:

— Вы же говорили, он будет искать эгоистку.

— Он будет искать «плечо», а найдет эгоистку, — горестно просветила ее Далила.

— Но почему он женился на мне?

— Думаю, это произошло случайно.

— И что теперь? — охнула Светлана Михайловна. — Что я должна, по-вашему, делать?

Далила решительно постановила:

— Вы должны немедленно развестись с вашим Пусиком.

И грустно добавила:

— Пока он сам вас не бросил.

— А если не разведусь?

— Он вас погубит.

— А если мне все равно? Мне страшно жить без него.

Самсонова уверенно сообщила:

— У вас впереди отличное будущее. Потерпите немного, счастье не за горами.

Светлана Михайловна обиженно шмыгнула носом, сказала «спасибо» и поднялась. Было очевидно, не этого она ждала от Далилы. Дверь захлопнулась твердо и даже сердито, на том прием и закончился.

Едва Далила осталась одна, появился назойливый фон: труп Анфисы — кошмар этой ночи...

Возможно, фон вызвала Генриетта Карловна — Куськина мать. Следующей за Светланой Михайловной по графику шла она, соседка Анфисы — как тут не вспомнить про сон?

Куськина мать запаздывала, Далила (неосознанно) нервничала, ждала с нетерпением.

Наконец дородная Генриетта Карловна, прижимая к груди собачонку, всплыла в кабинет. Падая в кресло, она драматически простонала:

— Ах, он доконает меня!

В этом месте (по сценарию Куськиной) Далила должна бы спросить:

— Что еще выкинул этот прохвост?

Но против всех правил Самсонова не спросила. Против ожиданий Генриетты Карловны Далила воскликнула:

— Скажите, пожалуйста, как поживает ваша соседка?

Лицо Генриетты Карловны вытянулось.

— Какая соседка? — спросила она.

— Анфиса, — пояснила Самсонова.

В ответ раздалось возмущенное:

— Эта тварь давно умерла!

— Умерла? Давно? — поразились Далила. — Но, кажется, мы недавно с ней виделись.

— Вы были знакомы с этой шалавой? — холодно осведомилась Куськина, прижимая к себе собачонку так, словно возникла острая необходимость закрыть ее своим корпулентным телом от всей грязи мира.

Вместо ответа Далила воскликнула:

— Девушку отравили грибами?

Генриетта Карловна безразлично пожала плечами:

— Кто сказал, что отравили?

Самсонова растерялась:

— Сама Анфиса мне говорила, что ее травят, что ее хотят отравить.

— Это кто же?

— Вроде ее жених.

— Да-а?! У этой твари был и жених?

Куськина громко заржала.

— Девочка умерла, что здесь смешного? — рассердилась Далила. — Она предчувствовала свою гибель. К сожалению, я ей не поверила, но, возможно, ее действительно отравили.

Генриетта Карловна зло сообщила:

— Коли так, то, скажу я вам, она упиралась! О-о, как она упиралась! Как теща в том анекдоте, которая умерла от грибов, но есть их до смерти не хотела.

Самсонова попросила:

— Поясните, пожалуйста.

И Куськина пояснила:

— Девчонку грубо убили. Ссадин и синяков на теле Анфиски не счесть.

Глава 4

Самсонова схватилась за голову и ошеломленно воскликнула:

— Бог мой! Выходит, она не лгала! Ей и в самом деле грозила опасность! А я не поверила! И теперь Анфиса мертва!

— Да, эту мерзавку грохнули, наконец, — злорадно подтвердила Куськина мать и в довершение заключила: — Поделом ей, развратнице.

— Не надо так, — мягко попросила Далила. — Я знаю, вы добрая женщина. Скажите, за что вы невзлюбили Анфису?

— Будет знать, как заигрывать со стариками!

— О чем вы?

— Эта Анфиска строила глазки соседу, — возмущенно поведала Генриетта Карловна, зверски целуя сонную собачонку.

Та, маленькая, как плюшевая игрушка, не реагировала на суету чужой жизни — она была погружена в свой загадочный мир.

— Сосед — это Изверг? — прозревая, уточнила Далила.

— Он, — величаво согласилась Куськина мать, опуская на колени затисканную собачонку.

Та удивленно зевнула и обмякла, повиснув безвольной тряпочкой, и задремала.

— О-он! — повышая голос, повторила Генриетта Карловна.

Далила удовлетворенно кивнула:

— Ясно.

Он, Изверг, сосед — все это относилось к пожилому мужчине, с которым у Генриетты Карловны шла война: временами ожесточенная, шумная, но (как ни

странно) добросердечная, временами вялая и бесцветная, зато полная ненависти.

По сути, из-за этой войны старшая Куськина и отдалась Самсоновой «на растерзание», как сама она выражалась, вваливаясь в ее кабинет. Плюхаясь со своей собачонкой в кресло (обиженно кричащее от непривычного веса), Генриетта Карловна так и стояла:

— Далила Максимовна, я опять к вам на растерзание!

И Самсонова начинала ее «терзать» своими вопросами, а Куськиной только того и надо. Измотала ее вражда. Впечатлений поднакопилось, надо бы высказаться и обсудить. За тем и ходила.

До того дня, как въехал на соседнюю дачу новый сосед, жизнь Генриетты Карловны подчинялась одной идее: открыть глаза бедному сыну на козни его очередной жены, то бишь ее невестки.

Младший Куськин в бизнесе преуспевал. Делить «доходы семьи с чужой и кошмарной девицей» его матушка органически не могла: ей это «как бы не в жилу».

(Генриетта Карловна молодилась и для шику употребляла молодежный жаргон, мешая его с манерной псевдоаристократической речью. Временами получалось забавно.)

Так вот, поскольку природа наделила матушку энергией сокрушительной, сын вынужден был часто жениться. Поначалу дела Генриетты Карловны шли превосходно: сын богател, она процветала, невестки (несолоно «хлебамши») удалялись из дома одна за другой.

Но с годами сын начал сдавать, что сказывалось уже и на бизнесе. То почки зудят, то в печени тянет, то сосуды подводят, а то и вовсе сердечко шалит.

И нервы! Разумеется, нервы. Нервы лишали его жизненных сил, какие тут могут быть сделки?

Тут бы Генриетте Карловне и задуматься над своим поведением, она же свалила все беды сыночка на злодейку-депессию (которую сама же, кстати, и звала). Взвалила и восхитилась:

— Все атасно сложилось! Сынок, мы пойдем в ногу с модой!

И потащила несчастного Куськина к самому модному психоаналитику, коей и оказалась Самсонова.

Далила была призвана Куськиной матерью «вправить сыну мозги».

Она и вправляла под неусыпным оком Генриетты Карловны — занятие, стоит заметить, отнюдь не из легких. По пути выяснилось, что у самой Куськиной ранний климакс случился (ранний? Это в 58 лет?!). Лечили и климакс уже, и депессию. Но депессию все же больше. И все под оком. Под оком!

Но даже под этим придиричивым оком Далила рискнула лечить на свой лад: согласно законам морали и психологии. Поэтому Куськин в ходе лечения прозревал и начинал понимать, кто в действительности пожизненно пьет его кровь.

А Самсонова понимала, что долго так продолжаться не может: Куськин-сын «катастрофически» идет на поправку. Его мать, того и гляди, заметит, что сыночком все трудней управлять, а окончательно она это постигнет, когда в ее необъятном доме надолго (а может, и навсегда) «угнездится» очередная невестка.

Вот когда наступит разрыв: не между Куськиным и женой, а между Куськиной матерью и Далилой. Дело стремительно шло к тому, и вышло бы так (на радость Самсоновой), не подвернись Изверг-сосед.

«Сумасшедший старикан» (кстати, он младше Куськиной на два года!) купил на соседней улице дачу и «обалденно» весело въехал в нее — Куськину перекосило. С этого праздника и начался их «шкандаль». Ведь только считалось, что дача Куськиных находится на параллельной улице. На самом деле отделена она от соседской хлипким и низким заборчиком да рядом кустов.

(Через этот заборчик впоследствии Генриетта Карловна и подглядывала за игривым соседом.)

Так вот, въехал «старикан» «отпадно». Новоселье удалось. Ночь напролет песни, пляски, коктейли, вино, порханья в бассейн и обратно под жуткий девичий визг, под крики «брат, наливай!», под фейерверки...

Куськина еле дождалась утра, чтобы высказаться перед Извергом и заявить о себе как о грозной, но справедливой даме высшего света. Она долго приводила себя в порядок и привела!

И высказалась!

И заявила!

И что же сосед? (Он, кстати, был еще мутен, пьян и помят.)

Гневный куськинский словопад сосед изящно отразил одним комплиментом. На редкость умелым.

Пока Генриетта Карловна вращала глазами, пытаясь проникнуть в самую суть комплимента, сосед ее элегантно «добил».

— У меня есть мечта! — сказал он.

— Знаю, опохмелиться, — беззлобно «лягнулась» Куськина.

Сосед уточнил:

— Нет, мечта связана с вами.

От изумления Генриетта Карловна вытаращила глаза.

— Лобстеры! Свежие сочные лобстеры! С пивом! Я вас приглашаю! Сегодня! Прямо сейчас!

— Я не одета! — механически охнула Куськина.

— Увы! К сожалению, вы одеты! Я бы даже сказал, чересчур, — с досадой воскликнул сосед и радостно констатировал: — Я любитель раздетых женщин, но вы одеты для самого лучшего общества!

— Для лобстров!

Сосед сказал:

— Нет.

Под самым лучшим обществом он подразумевал (несомненно) себя.

Когда же, пользуясь паузой, он добавил: «Вы потрясно красивы!» — Куськина мать вошла в раж.

— Приглашаете? Вы? Меня? Куда? В пивнушку? — взвизгнула Генриетта Карловна, зловредно не замечая «дурацких его комплиментов».

— В ресторан! — «осчастливил» ее сосед.

Приглядевшись к мужчине (напомню, ночь его была тяжела, подобная ночь не красит), Куськина немедленно заключила, что нахал уже не молод...

Да он просто дряхлый козел!

Искренне считая себя вполне сорокалетней и все еще восхитительной, она и подозревать не желала, как заблуждалась. А тут какой-то абсолютно семидесятилетний ванёк (тогда она не знала еще, что сосед младше ее и стильный мужчина) вдруг решил осчастливить красивую даму — свежую! чистую! — каким-то своим дурацким и пошлым вниманием.

«Это что же он себе позволяет?! — пропечаталось в мыслях обиженной Куськиной. — Знал бы этот козел, сколько я заплатила за последний свой лифтинг!»

Как автор могу с ней согласиться: да, косметические операции нынче стоят так дорого, что не каждая Куськина может на них пойти.

Вспомнив про последний свой лифтинг, Генриетта Карловна возлютовала: «Как посмел какой-то старик делать мне комплименты?! Как посмел...»

В двадцать лет подобное происшествие вызвало бы у Куськиной лишь усмешку, не более, но в пятьдесят восе... (ой, простите) в сорок лет это казалось ей ужасающе оскорбительным.

— Как посмел ко мне клеиться старый пердун? — трагически вопрошала она Далилу в этот же день. — До чего же я докатилась! Я что, так плохо выгляжу?

— Ни в коем случае! — возразила Далила. — Выглядите вы ослепительно!

— Тогда почему пенсионер пригласил меня в ресторан? Меня!

Самсонова вставила:

— Юную, свежую.

— Да! Что он себе позволяет, этот разнузданный педофил? — горестным вопросом согласилась с ней Куськина. — Ха! Ничего! Я ему так...

— Врезали?! — ужаснулась Далила.

— Нет, отказала!

— И что?

— С горя ушел!

— Куда?

— Да к себе! В свой трехэтажный сарай!

Самсонова поняла, что у Генриетты Карловны вместо однообразного климакса назревает интересная, подростковая «морковь» и «тусовка», полная отороческих радостей и печалей. С соседом ей подфартило. Такой колоритный сосед украсит любую жизнь, а жизнь увядающей женщины прямо-таки возродит. Разумеется, при условии, что та одинока.

Самсонова так подумала и, как всегда, не ошиблась. Вскоре выяснилось, что сосед утешился юной девой. Да не одной.

— Он их пачками, Изверг, в сарай свой трехэтажный таскает, — возмущенно бухтела Куськина, терзая сонную собачонку.

Самсонова, прекрасно зная, о ком идет речь, для поддержания диспута осведомлялась:

— Кого?

— Да проституток этих, шалав, — гневно просвещала Самсонову Куськина и горестным стоном немедленно вопрошала: — Разве приличная женщина к нему в дом пойдет, к педофилу и негодяю?

С той поры Он и сосед превратился в Изверга и Педофила. Давая ему так много имен, Куськина не подозревала, что подсознательно признается, как много места отводит ему она в своей климактерической жизни. В доклимактерический период она развлекалась боями с невестками, теперь же, когда появился сосед, Генриетта Карловна излечилась.

Вскоре она восхищенно призналась Далиле:

— У меня нет больше приливов!

И Самсонова мысленно констатировала: «Начался постклимактерический период: пора зрелой и самой пылкой любви!»

Оскорбленная изменой соседа, Генриетта Карловна забросила личную жизнь сыночка и завела свою. Он, сосед, Изверг и Педофил не сходил с ее языка. Куськина ненавидела этого «хама», о чем без усталости сообщала Далиле.

Самсонова понимала, что под маской ненависти скрываются сильные неудовлетворенные чувства, причем (и слава богу!) с обеих сторон. Сосед учуял в своей симпатичной соседке вулкан нерастраченных сил. Теперь он жаждет погибнуть в этом вулкане, но не знает, как в него угодить. Генриетта Карловна так увлеклась в своем обольщении (полном садизма), что потеряла контроль. Подсознательно призывая Из-

верга и соседа к соитию, она не позволяла ему к себе подступиться.

Далила не сомневалась, что бедняга не хуже Генриетты страдал, таская в свой «трехэтажный сарай» юных и милых крошек. Это хлопотно в его возрасте. Разумеется, таким способом он дразнил Генриетту, а годы уже не те.

Вот такая вам (вкратце!) картина страстной души мадам Куськиной.

Самсоновой приходилось эту душу лечить.

Она честно старалась, но, узнав о гибели Анфисы Пекаловой, вдруг поняла: «Нет, не сегодня! Сегодня я не могу!»

Куськина, тиская собачонку, с жаром трещала (все про соседа!), но кто ее слушал!

На самом деле Самсонова добросовестно слушать пыталась, но в голове вертелось: «А теперь он хочет меня убить! Раз травил! Два травил! Травит и травит, то мороженым, то грибами! Еле выжила!.. И сегодня он должен приехать! Он даже на ночь останется! Я боюсь!»

Перед глазами стояло заплаканное лицо Анфисы. Сердце Самсоновой сжалось: «Бедная девочка».

В горестную мысль ворвался капризный и злой голос Куськиной:

— Он утром целует мне руки, обкладывает комплиментами, а вечером водит девиц...

Устыдившись, Далила ее прервала:

— Генриетта Карловна, простите, но сегодня я что-то не в форме. Давайте прервемся до завтра.

Чувствовалось: Куськиной есть что сказать. Было видно: в ее жизни произошло кое-что «сверхопушенное», нечто, похожее на стихию, на смерч. Этот смерч поднял ее и понес в кабинет Далилы. Выска-

заться! Немедленно высказаться! Донести! Выплеснуть! Окатить! Обличить! Уличить! О-оооооооо!!!

И вот этот смерч Самсонова остановила. Остановила на всем лету.

Однако Генриетта Карловна не рассердилась. Она поняла.

— Да, милочка, я завтра лучше приду, сегодня вы плохо выглядите, — сказала она.

Несмотря на вздорный характер, Куськина была известной добрячкой.

Глава 5

Вопрос, который не устаю задавать: куда едет женщина, когда ей ужасно плохо?

Кое-кто скажет: к мужчине.

Ни в коем случае: мужчинам мы нужны легкие и веселые, а горестная женщина едет только к подруге: там ее с горем ждут, с горем ей всегда рады.

Далила, отменив остальные сеансы, помчалась к Галине Семеновой. Запыхавшись, прямо с порога пересказала свой сон, и Галина незамедлительно сон расшифровала. Весьма затейливо, стоит заметить.

— Покойник к дождю, черви к покойнику, раз битва, значит, кто-то прибьется, — сообщила она и подытожила: — Короче, жди сегодня дождя и крушения всех надежд.

— Здравствуй! Успокоила, называется! — сбрасывая туфли, рассердилась Далила.

— До свидания! Я здесь при чем? — поразились Галина. — Это все сонник.

Удобно устраиваясь на диване в гостиной, Далила скептически осведомилась:

— Если черви к покойнику, не логичней разве

признать, что умрет кто-то из моих пациентов? При чем тут мои надежды?

(Расставаться с надеждами ей категорически не хотелось — с пациентами, видимо, легче.)

Семенова, раздраженно дернув плечом, возвестила:

— Ну не знаю! Тебе, подруга, не угодишь! Перевожу, как умею!

— Я тоже перевожу, как умею, а умею я по науке, и по науке все по-другому.

— И как же?

— Это сон нездоровой совести, — пожаловалась Далила. — Совесть-сатрап терзает меня кошмарами.

— Чем же на этот раз ты ей не угодила? — изумилась Галина.

На снисходительный взгляд Галины, подруга жила стерильной жизнью монахини.

— О-хо-хо, — вздохнула Далила, — недавно девушка рвалась ко мне на прием, Анфиса Пекалова. Ей было плохо, бедняжка нуждалась в помощи, а я не нашла свободного времени.

Семенова грозно подперла кулаками бока и обиженно рывкнула:

— Только не говори, что ты распереживалась из-за какой-то девицы!

— Здрате! Именно это сказать и хочу!

— До свидания! Не смей беспардонно себя раздавать! — приказала Галина и выдала афоризм: — Здоровье надо беречь! И не забывай, у тебя на руках моя Ангелина! — призвала она.

— Только-то? — удивилась Далила.

— Ну, может, еще капельку я и тетушка Мара с Бондом и Димкой. А Лизке Бойцовой фиг! — Галина скрутила дулю. — Захватчица Лизка пользуется тобой незаконно, — заявила она.

Семенова ничего не имела против общих и старых подруг, особенно школьных, Бойцову же Елизавету она ненавидела. Раз Лизка появилась в жизни Далилы каких-то несколько лет назад, следовательно, и лицо она незначительное, считала Галина. А раз так, Далила не может принадлежать Бойцовой, поскольку у той должны быть свои подруги. Нечего посягать на чужое.

Сообразив, откуда ветер подул, Далила возмущенно спросила:

— Галя, ты шутишь?

Подруга отрезала:

— Я не шучу! Мне надоело, что ты постоянно себя изводишь: ах, я делаю все не так, ах, это, кажется, аморально, — передразнила Галина подругу и приказала: — Не смей ерундой себя изводить! Кто из нас психолог, ты или я?

— Я себя не извожу, — отмахнулась Далила. — Сомнения — атрибут мыслящего человека. Не сомневаются лишь дураки. А то, о чем я хочу тебе рассказать, совершенно исключает сомнения. Анфиса рвалась ко мне очень настойчиво, она жаловалась на любовника, якобы тот хочет ее отравить. Я была занята и перенесла нашу встречу на следующий день.

— Правильно перенесла, — похвалила подругу Семенова. — Всех не ублажишь.

— В том-то и дело, что зря я перенесла. Девушка на следующий день не пришла. Я про нее забыла, а сегодня вдруг этот сон. Я постаралась выбросить ужас из головы, но Куськина сон подтвердила. Генриетта Карловна сообщила, что Анфиса недавно погибла.

Галина закатила глаза:

— О боже! И здесь Куськина мать! Везде эта чума! Ну, тетка! Каждой дырке затычка!

— Генриетта Карловна соседка — Анфисы, — пояснила Далила. — У нее нелады с соседом. По этому поводу она сегодня была у меня на приеме. Под впечатлением сна я думала об Анфисе, вспомнила, что Куськина соседка ее, спросила, та рассказала. Это ужасно. Я сама не своя.

— Ты и в самом деле сама не своя и под впечатлением, — согласилась Галина. — Так длинно и путано говоришь, ничего не пойму. Скажешь ты наконец, что с этой Анфисой?

Далила удивилась:

— Разве я не сказала? Анфиса недавно погибла.

— Как погибла? Под машину попала? Утонула в реке?

— Нет, Анфису нашли в ее доме. Генриетта Карловна утверждает, что тело девушки было в ссадинах и синяках. Словно ее жестоко забили.

Семенова ахнула:

— Любовник пришел!

И деловито добавила:

— Раз вся в синяках, значит, сильно умирать не хотела, сопротивлялась.

Пребывая в прострации, Самсонова подтвердила:

— Думаю, да, Анфиса умирать не хотела.

— Ну, Далька, ты просто колдунья! — восхитилась Галина. — Сумасшедшая у тебя интуиция!

— Интуиция — это всего лишь хорошо развитая логика, — возразила Далила. — Видимо, моему подсознанию опасения Анфисы не показались такими уж глупыми, как решило мое сознание. Подсознание произвело работу и под воздействием совести выплеснуло мне информацию в такой страшной форме.

— В виде кошмара? Чуть!

— Ясное дело, тебе приятней общаться с духами. Ты объясняешь мой кошмар потусторонними силами?

Галина заверила:

— Так и есть. Анфиса с того света призывает тебя разыскать убийцу и предать его наказанию. А ты — отпетая материалистка. Зачем ты психологию и сюда приплела? На кой психология бедным покойникам? Вечно ты ищешь сложности в элементарном.

— Это глас с того света элементарное? — горько усмехнулась Далила, но призадумалась.

Призадумалась крепко.

Семенова поняла, что опять ляпнула лишнее, и забеспокоилась, что не тем озадачила свою добрячку подругу.

— Э-э, ты чего тут окаменела? — ругательным тоном спросила она и приказала: — Далька, и не помышляй лезть в новое темное дело. Понесешься опять: кто убил? За что? И когда? Тебе оно надо? У тебя своих дел по горло.

— Сердобольная ты наша, сама меня завела и сама же теперь отговариваешь, — упрекнула подругу Далила.

— Я просто так, пошутила, а ты уже нос повесила и призадумалась.

— Хочешь сказать, нет причины?

— Конечно, нет. Сон и гибель Анфисы, обычное совпадение. Так бывает. Мне вот, к примеру, приснилось, что Люськин Карачка ей изменил.

Самсонова усмехнулась:

— Эка невидаль. Да он изменяет ей на каждом шагу, конечно, если верить твоим рассказам.

— Да, изменяет, но Люська-то лишний раз знать не должна. А во сне Люська узнала. Как я разволновалась! — Галина закатила глаза. — Сама еще сплю, а рука уже телефонную трубку нащупывает...

— Неужели ты глупый свой сон нашей ревнивице пересказала? — поразились Далила и осудила под-

ругу: — Семенова, ну когда ты начнешь прежде думать, чем делать и говорить?

— Ой, да ладно, — отмахнулась Галина. — Ничего плохого не сделала. Представляешь, я Люське сон рассказала, а на следующий день Карапет и в самом деле в дом бабу привел. Сон не в руку, а прямо в ногу.

— Это как?

— Осуществился один к одному. Люська собралась с ночевкой на дачу к мамаше, но в последний момент вспомнила сон мой и передумала, дома осталась. А Карачка, полагая, что Люська на грядках горбатится, решил подразвлечься. Она, дуреха, обед муженьку старается, варит сюрпризом, а он с бабой ломится в дом.

Далила схватила за голову:

— Представляю, какой был скандал!

— Еще бы! — рассмеялась Галина. — Как Люська бабе той морду била, одно заглядение!

— Ты это видела? — поразились Далила.

Семенова с гордостью сообщила:

— Своими глазами.

— Как ты там оказалась?

— Мимо проходила и случайно зашла. Это ты, Самсонова, забываешь старых подруг, а я у Людмилы частенько бываю.

Действительно, одноклассница Людмила Зайцева когда-то была очень дружна не только с Галиной, но и с Далилой, однако жизнь, как говорится, их развела. У Самсоновой работа, у Людмилы — Карачка, Карапет Ашотович Сасунян, ласковый восточный красавец. Если верить Галине, Людмила безумно в него влюблена.

— Зачем же ты влезла в их жизнь с этим дурацким сном? — пожурела подругу Далила.

— Я влезла? Я этим сном измену Карачки пред-

сказала; — гордо заявила Галина. — Люську от хищницы уберегла.

Самсонова рассердилась:

— Да что там было предсказывать? Люська тоже додумалась мужа в соблазн вводить. Разве можно такого мужа на целые сутки бросать? Да Карапет Ашотович с его восточным темпераментом и рад бы верность Люське хранить, да не знает, как это сделать, когда вокруг столько женщин. И все в него влюблены.

— Вот ты бы Люську и научила, как ей с мужем себя вести. Она, кстати, мне на днях жаловалась, что у Карачки большие проблемы с нервами. По твоей, между прочим, части. Но тебе же не до подруг, ты же у нас занята.

Далила на упрек не обиделась.

— А что с Карапетом Ашотовичем? — разволновалась она.

Галина пожала плечами:

— Я-то откуда знаю? Я не специалист. Люська нервы лечит ему, он не спит, все вздыхает.

— И есть причины? На работе не ладится? Может, влюбился? С мужчинами его темперамента такое бывает частенько, — пояснила Далила, заметив, как округлились глаза подруги.

— Какой там, влюбился, — рассердилась Галина. — Друга его убили недавно.

Самсонова профессионально отметила:

— Это хорошо.

— Что ж тут хорошего, — поразились Галина. — Друга убили, а ей хорошо.

— Друга уже не вернуть, а неврозы лечить всегда легче, когда известна причина возникновения. Сегодня же позвоню Людмиле, пусть приводит ко мне Карапета.

— Он не пойдет. Люська уже пыталась водить его по врачам. Карачка наотрез отказался.

Далила вздохнула:

— Хорошо, я сама загляну к ней на днях.

— Загляни, — оживилась Галина. — Там ужас такой приключился; — застрекотала она. — Представляешь, друга убили, чуть ли не на глазах у Сасуняна. И если бы только у Карачки. На глазах у жены.

— И Людмила была там? — испугалась Далила.

— Нет, при чем здесь Людмила? У друга жена есть. Короче, рассказываю, все было так: рано утром друг Миша Калоев Карачке позвонил и попросил срочно приехать. Когда Карачка узнал, что Миша звонит с работы, а не из дома, он испугался. Подумал, у того неполадки в семье. Ну, кому охота выступать в роли арбитра?

— Да, мужчины в таких делах трусоваты.

— Еще бы! — компетентно согласилась Галина. — Карачка или струсил, или из политических соображений (может, помирить супругов хотел), уж не знаю, но только решил он прихватить с собой и Марину. Так зовут жену Миши Калоева. Зачем Миша звал его, Карачка так и не узнал. Когда они с Мариной подходили к зданию, раздался выстрел. Миша показался в окне своего кабинета, вскрикнул и тут же исчез. Когда Карачка влетел в кабинет, друг был уже мертв. Вот такая история, — заключила Галина.

— Да-а, жуть, — задумчиво произнесла Далила. — Знаешь, я, пожалуй, прямо сейчас к Людмиле и загляну. Все равно отменила сеансы.

Семенова усомнилась в своевременности такого визита.

— А может, сегодня не надо? — спросила она, сочувственно глядя подруге в лицо. — У тебя у самой неприятности, вон как переживаешь.

Самсонова осведомилась:

— Что, так заметно?

— На тебе лица нет. И причина имеется. Страшная вещь: девчонка просила о помощи, ты ей отказала, а она взяла и погибла. И явилась во сне и во всем обвинила тебя.

— Умеешь ты успокоить, — горько усмехнулась Далила. — Да, я очень расстроена, но знаю профессионально: когда лечишь чужую боль, быстрее проходит своя. Работает неотменимая формула: помогая другим, помогаешь себе. Сострадание необходимо даже животным.

— Ну, ты даешь, — подивилась Галина, но тут же и призадумалась: «Не мало ли я друзьям помогаю?»

Впрочем, поразмыслив слегка, она рассудила, что вовсе не мало. И даже наоборот, надо бы урезать аппетиты собственной сострадательности.

Глава 6

Самсонова и припомнить уже не могла, как давно не видела Зайцеву.

«Интересно, сильно ли Люсенька изменилась?» — гадала Далила, утапливая кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и стало ясно, что Людмила не изменилась совсем: такая же юная, шустрая, заводная. Своей оптимистичностью Зайцева еще в детстве легко заражала людей. У нее было много друзей. Людмилу любили, несмотря на ее неукротимость. Там, где появлялась она, становилось шумно, но весело.

— Петрова! — радостно завопила Людмила. — Далька! Дай я тебя расцелую!

— Я давненько уже не Петрова, — рассмеялась Далила.

— Да знаю, что ты Самсонова, но для меня ты Петрова пожизненно! Ну? Как я тебе? Не виделась, кажется, вечность!

— На самом деле двенадцать лет, — вдруг припомнив, уточнила Далила и восхищенно добавила: — Люська, выглядишь потрясающе. Совсем не изменилась.

— А ты изменилась, но выглядишь стильно и молодо. Я бы даже сказала, что обалденно.

Подруги сердечно расцеловались, после чего Людмила потащила Далилу в детскую, показывать свой шедевр: дочь Марину — совместное произведение с красавцем Карапетом Ашотовичем.

Восьмилетняя Марина действительно была хороша: изумительно чистая матовая кожа, румяные щечки, невероятной красоты армянские глаза, опущенные густыми ресницами, яркие пухлые губы. Далила ахнула:

— Люся, глаз оторвать нельзя, так прелестна твоя малышка!

Девочка смущенно опустила кудрявую голову, а Людмила, краснея от удовольствия, пошутила:

— То-то будет страданий мужчинам, когда вырастет эта скромница. Пусть, пусть отомстит им за всех нас, бедных обиженных баб.

Далила, дернув подругу за руку, прошептала:

— Что ты болтаешь.

— Правду, — рассмеялась Людмила и, прикрывая дверь детской, скомандовала: — Пойдем, покажу свою гордость.

— Что, вторая малышка?

Людмила потрясла головой:

— Нет, пока одной ограничились, я говорю про квартиру.

Квартира тоже впечатлила Далилу — стало ясно: Карапет Ашотович мастер во всем.

— Муж, видимо, хорошо зарабатывает? — спросила она риторически, лишь за тем, чтобы дать повод подруге похвастать.

Людмила повода не упустила.

— О-о! Этого у него не отнять! — зашебетала она. — За что ни возьмется, везде сам себя превзойдет! И с бизнесом управляется, и семью не обижает. Живу как королева. Шуба за шубой, золотишко, бриллианты... Дарит и дарит. Представляешь, новенький «Опель» недавно мне подарил, белый, отпадный.

— Ну, надо же, какой молодец, — искренне восхитилась Далила.

— Да! И деньги сам заработает, и в дом все сам принесет. Отдыхаем только на модных курортах. Ой, Далька, счастливая я! На работу хожу лишь от скуки! Одна беда, слишком красивый. Бабы прохода ему не дают. Но ничего, и от баб пока отбивается, — оптимистично заключила Людмила, распахивая очередную дверь. — А здесь у нас зимний сад, — с пафосом сообщила она. — Карачка и ботаникой увлекается.

Внимание Далилы привлекла пышная растительность на окне.

— Что это? — спросила она.

— Карачкины комнатные помидоры. Специальная подоконная культура. Дорогушая! На вкус ерунда, а на вид ничего. Видишь, уже цветут, — с гордостью сказала Людмила и всполошилась: — Ну, надо же, забыла полить! Я сейчас!

Она схватила лейку и, щедро орошая растительность, запричитала:

— Мой Карачка думает, что я в командировке, а

я тут, хлопочу над его «ботаникой». Он их обожает, чертовы помидорчики, он их холит, лелеет.

Под воздействием своего же сюсюканья Людмила расчувствовалась и, чмокнув колючий лист помидора, воскликнула:

— И я их люблю, эти никчемные овощи!

Ублажив растительность, она принялась за подругу.

— Сейчас таким кофе тебя напою! — воскликнула Людмила, увлекая Далилу в столовую. — У меня есть торт, прямиком из Германии. Карачка мой, он заботливый, для нас с доченькой покупает все самое лучшее и дорогое.

Присаживаясь к столу, Далила грустно подумала: «Бедная Люська, страдает она капитально, но почему? Из-за измен? Или есть и похуже причина?»

Веселая и хвастливая суетня подружки не смогла обмануть опытного глаза Далилы. Ей было очевидно: в том, что счастлива, Людмила и окружающих, и себя убеждает настойчиво, но бесполезно. Карачка не оставляет места иллюзиям.

— Далька, ты не представляешь себе, как порадовала меня своим появлением, — заглядывая в окно, говорила Людмила, — как хорошо, что ты вдруг зашла, как хорошо, что мы встретились, просто удача, что сорвалась моя командировка...

Увидев на улице мужа и с ним рядом женщину, она осеклась и, рухнув грудью на подоконник, охнула:

— Ах, он сволочь, снова бабу в дом наш ведет. И даже дочка, Маринка, его уже не смущает!

Людмила яростно сплюнула вниз и вынеслась из столовой, голоса на ходу:

— Ну, гад! Ну, сволочь! Сейчас я ему покажу!

— Куда ты? — испугалась Далила, вылетая вслед за подругой.

Людмилу она нашла в зимнем саду: та крошила несчастные помидоры, которые недавно еще целовала.

— Люська, будешь жалеть. Немедленно прекрати, — попросила Далила.

— Вот ему, гаду! Вот! На, кобель, получай! — вопила Люська, выбрасывая за окно красивые деревянные ящички с пышной рассадой.

Кудрявые беззащитные помидоры со второго этажа молчаливо пикировали, но зато сообщали о своем приземлении душераздирающим грохотом.

— Нашла на чем злость срывать! — возмутилась Далила и уже грозно прикрикнула: — Немедленно прекрати!

Но подруга не унималась: ящики порхали с подоконника один за другим. Откуда-то снизу донеслось женское изумленное:

— Людка! Ты что там, совсем охренела?!

И следом мужское:

— Ритка, успокойся, не трогай людей. Без тебя разберутся.

— Да она мне все цветы под окном поломала, — не успокоилась Ритка и с утроенной силой запротестовала: — Людка! Немедленно прекрати на мой участок гадость свою бросать!!!

Людмила яростно согласилась с соседкой.

— Правильно! Гадость тут в доме развел! — завопила она, посылая в полет очередной ящик и хватая другой.

Сердце Далилы не выдержало. Она грудью закрыла окно и пригрозила:

— Сейчас я тебя скручу!

Людмила оставила ящик в покое, закрыла руками лицо и громко завывала:

— Ой! Не могу больше-ее! Не могу-у!

Далила хотела подругу обнять и утешить, но та, охваченная страстью увидеть «своего кобеля», сорвалась в столовую: дорогу, по которой Карачка возвращался домой, из зимнего сада не было видно. Пока Далила ошарашенно столбенела, соображая, что предпринять, девочка Марина на цыпочках вошла в зимний сад, подкралась к окну, глянула вниз и пропищала:

— Помидорчики наши. Разве так можно, мамочка?

В этом риторическом детском вопросе было так много правды, что у Далилы защемило в носу. Выглянув вниз, она с облегчением констатировала:

— Ящики приземлились удачно. Помидорчики еще можно спасти.

Девочка, одарив ее благодарным взглядом, хотела что-то сказать, но в этот миг из глубины квартиры вырвался вопль иступления:

— Кошмар! Что я натворила! Марина! Скорее! Сюда!

В зимний сад ворвалась растрепанная Людмила. Глаза ее блуждали, отражая ужас и панику.

— Что случилось? — испугалась Далила.

— Я ошиблась! — истерически возвестила подруга. — Карачка не кобель! То не баба, то соседка была! Господи, как же я обозналась! Марина! Быстро! Сюда!

— Я здесь, мама, — пискнула девочка.

Людмила лихорадочно запричитала:

— Господи! Помидоры! Кара меня убьет! Что ты стоишь? — напустилась она на ребенка. — Вниз! Скорее беги! Помидорчики подбирай!

Девочка со всех ног припустила выполнять материнское приказание.

Глава 7

Приставив ребенка к делу, Людмила свесилась с подоконника и взялась за соседей.

— Ритка! Подруга! Спасай! — завопила она.

Снизу донеслось недовольное женское:

— Что там еще?

— Я Карачкины помидоры случайно смахнула, а он уже во дворе. Беги, скорей зубы ему заговаривай, чтобы мужика удар не хватил!

— Еще чего! — гаркнула Ритка.

— Христом богом прошу, как-нибудь придержи мужика, пока мы с Мариной помидоры обратно за-тащим, — взмолилась Людмила.

— Как ты мне надоела, черт с тобой, побегу, — раздалось в ответ сердитое женское.

И следом злое мужское:

— Ритка, сказал тебе, не встревай. Сами пускай разбираются.

Людмила, наткнувшись на испуганный взгляд Далилы, подругу немедленно успокоила:

— Ритка добрая, побежит.

В окно влетело писклявое:

— Мама! Ну что?!

— Маринка у помидоров уже! — спохватилась Людмила и, рухнув на подоконник, свесилась и запричитала: — Ой, боже мой! Помидорчики! Маришенька! Что же нам делать?!

Ребенок рассудительно посоветовал:

— Мама, что толку кричать, веревку бросай.

Вскоре ящики один за другим начали возвращаться на место. Людмила с гримасой горя расправляла помятые листья и хныкала:

— Помидорчики, миленькие мои, простите, простите. Далька, что ты стоишь? — вдруг всполошилась

она. — Дуй в столовую, посмотри, Карачка с Риткой еще тут или они уже разбежались.

Далила сломя голову влетела в столовую, улеглась на подоконник и, рискованно свесившись, установила: Карачка Риткою основательно обезврежен. Он, правда, рвался домой, но Ритка вцепилась клещом и тараторила неустанно — Карапет Ашотович вежливо ей кивал. Ритка предусмотрительно развернула соседа к подъезду спиной. По этой причине лица его Далила не видела, но она точно знала, что на лице запечатлена любезная скука.

— Ну что? — натужно, втаскивая на подоконник последний ящик, спросила Людмила.

Далила ее успокоила:

— Полный порядок.

— И у нас, — сообщила Людмила. — Успели, управились. Марина, детка, беги домой, — завопила она и с укоризной добавила: — Как же ты испачкалась, недотепа.

«Она еще ребенка ругает, — подивилась Далила. — Никакой благодарности».

А Людмила уже прилетела в столовую и, отпихнув от окна подругу, радостно завопила:

— Карачка! Ты домой?

Соседка Рита вытерла со лба пот. Вздыхнув с облегчением, она разом остановила свою трескотню и, не закончив мысли, сказала:

— Ну, я пошла.

Карапет Ашотович проводил ее удивленным взглядом, запрокинул голову и радостно спросил у жены:

— Люсенька, ты разве дома?

— Командировку мою неожиданно отменили, — с неясной гордостью сообщила Людмила.

Позже выяснилось, что Карачка, бросив работу,

спешил поливать помидорчики. Сраженная этим открытием, Людмила посеменила за ним в зимний сад, а Далила осталась в столовой. Вскоре из зимнего сада раздалась трагические вопли Карапета Ашотовича:

— Люсенька, что это? Что это с ними?

— Сама не пойму, что случилось с нашими помидорчиками, — растерянно вторила Люсенька. — Карачка, я так заботливо их поливала.

— Поливала? Да они же поломаны!

— Ну что ты, все в порядке, родной, — лепетала Людмила.

— В порядке? С ума ты сошла! На них нет места живого! Марина! Сюда! — как резаный завопил Карапет Ашотович.

По торопливому топоту Далила поняла, что девочка явилась на зов.

— Мариша, что это такое?! — хором спросили у дочери мать и отец.

Отец — искренне, мать — лицемерно, пряча глаза. Марина не растерялась.

— Это не я, это кот, — заявил умный ребенок.

Карапет Ашотович немедленно постановил:

— Кот приговорен к смертной казни!

Супруга жестоко с ним согласилась:

— Давно пора, Карачка, шерсть его и мне надоела.

И в сторонку добавила:

— Пуще всех помидоров.

Но глава семьи кота внезапно помиловал, потому что прозрел.

— Да при чем тут кот?! — грозно воскликнул Карачка, затопав ногами. — Что я, слепой? Ящики треснули!

Людмила поспешно заверила:

— Раз кот лазил здесь, значит, он ящики и спихнул.

— Что?! Кот спихнул ящики, которые больше его раза в три?

Марина, оценив фантастичность версии, поддержала отца:

— Мама, ты не права. Как кот спихнет эти ящики?

— Боком или задом, — оптимистично предположила Людмила.

Карапет Ашотович рывкнул:

— Чушь! Плохо воспитываешь наследницу!

— Я?!

— Да! Ты вечно ее выгораживаешь! — заявил Сасунян и выдвинул альтернативу: — Вот что, Марина, или ты сама сейчас сознаешься, или я тебя накажу!

«Ишь, куда их понесло! — всполошилась Далила. — Пора мне выходить».

Покинув столовую, она решительно устремилась восстанавливать справедливость, а заодно и ребенка спасать.

Увидев на пороге своего зимнего сада симпатичную незнакомку, Карапет Ашотович мгновенно забыл про любимые помидоры. Он приосанился и благодушно воскликнул:

— Люсенька, что же ты не сказала? Оказывается, у нас в доме гости, а я не проявил должного гостеприимства.

Люсенька одной рукой подперла бедро, второй же зло дернула себя за нос, яростно буркнув:

— Сейчас проявишь.

Далила поспешила доложить ловеласу:

— Я школьная подруга вашей жены.

Людмила, оценив ее сестринский маневр, благодарно кивнула, но сообщила:

— Его это не остановит. Даже наоборот.

Самсонова мысленно констатировала: «За пси-

хику Карачки можно не беспокоиться. У него завидные мужские рефлексy: активен и даже игрив».

Однако уже за обедом она вынуждена была изменить свое мнение. Карапет Ашотович то и дело впадал в рассеянность: соль путал с перцем, сахар с солью, а когда подносил ложку ко рту, рука его заметно дрожала.

Далила грустно подумала: «Значит, все-таки есть проблемы. Он оптимист, скрывает свое состояние и хорохорится. Таких лечить тяжелей, да и сам он ко мне не пойдет. Попробую заманить его хитростью. А надо ли?» — вдруг усомнилась она.

Однако вскоре решила, что надо.

«У людей его типа неврозы первым делом сказываются на потенции. Не дай бог, Карачка станет вдруг импотентом, тогда бедная Люська точно сойдет с ума. Ловелас-импотент — это слишком! Уж не знаю, что может быть хуже», — содрогнулась Далила и умело подвела разговор к своим пациентам.

Речь шла о невротических состояниях, упор делался на то, что они излечимы.

Случаи из психотерапевтической практики Карапета Ашотовича впечатлили, он призадумался. Людмила разгадала маневры подруги и, озабоченно постреливая в мужа глазами, ждала. Сама поднимать разговор о стрессе она не решалась. А Карапет Ашотович не спешил. Он с восточной неторопливостью размышлял; время шло; Людмила нервно поглядывала на часы.

«Ему пора на работу, он скоро уйдет, не решившись», — догадалась Далила.

И не ошиблась: Карапет Ашотович вытер губы салфеткой, поблагодарил жену за обед, гостью — за компанию и покинул столовую. Людмила вздохнула и растеряннo уставилась на подругу.

— Я не могу помочь ему силой, — виновато пожимая плечами, прошептала Далила.

— А что делать?

— Пугать.

— Чем?

— Последствиями невроза.

— А какие будут последствия?

— Импотенция.

— Импотенция?! — немедленно испугалась Людмила.

Тайная беседа подруг была неожиданно прервана. Карапет Ашотович вернулся и настороженно спросил:

— Далила Максимовна, а что будет, если не лечить эту бессонницу?

Самсонова с нарочитой небрежностью сообщила:

— Да, в общем-то, ничего. Со временем бессонница пройдет и сама...

Карапет Ашотович победоносно взглянул на жену и воскликнул:

— Ну! Что тебе говорил!

Далила поспешно продолжила:

— Но даже при слабом неврозе могут быть нежелательные последствия, если его не лечить.

— А что за последствия? — включилась в игру Людмила.

— Как правило, импотенция, — с оптимистичной беспечностью пояснила Далила.

Не успела она договорить, как у Карапета Ашотовича возникло желание немедленно полечиться.

Самсонова отклонила его предложение:

— Дело слишком серьезное. Придется вам прийти ко мне на прием.

— Когда?! — выпалила Людмила, разумеется, адресуя вопрос специалисту.

Но ответ дал ее ненаглядный Карачка.

— Завтра же утром я на прием и приду, — сказал он.

— Отлично, — заключила Далила, мысленно усмехнувшись: «Он считает себя невероятным подарком».

Приняв волевое решение, Карапет Ашотович (действительно довольный собой) удалился — его ждали большие дела.

Глава 8

У Людмилы с Далилой дела тоже намечались немалые: подруги собирались подробнее обсудить проблему Карапета Ашотовича. Точнее, они хотели отыскать истоки этой проблемы.

— Не знаю, — нервно дергая себя за нос, рассуждала Людмила. — Ничего не пойму. Миша Калоев, конечно, погиб, но Карачка все же мужчина.

— Несомненно, мужчина, — профессионально подтвердила Далила.

Припомнив, как жадно Сасунян смотрел на ее бюст, бедра и ноги, она тут же добавила:

— Он мужчина, причем со всеми яркими проявлениями, присущими его полу.

— Тогда почему он не спит из-за гибели друга? — трагически спросила Людмила и мимоходом добавила: — Кстати, он почти и не ест.

— Да-а? — удивилась Далила. — Этого я не заметила. По-моему, ел он рассеянно, но с большим аппетитом.

— Ты не видела, как мой Карачка раньше лопал. А помидоры его? Подумаешь, некоторые помялись. Ты слышала, как он вопил? Из-за сущего пустяка коршуном на дочку набросился. Раньше он голоса на

Маришу не повышал, а сегодня готов был родное дитя убить. Из-за чего? Из-за какой-то травы? Даля, я тебе говорю, он становится невыносимым. Ты должна его вылечить.

— Вылечу, — пообещала Далила.

Людмила, удовлетворенно кивнув, зло дернула себя за нос и с напором продолжила:

— Карачка Мишу Калоева, конечно, любил, но не до такой же степени, чтобы ночами не спать. Миша все же не девушка, не жена и не мать, он просто друг, хоть и любимый. Да, друга убили, так и что из того? Вдова, между прочим, спит превосходно.

Самсонова удивилась:

— Откуда ты знаешь?

— Я с ней дружу, если это можно назвать дружбой.

— Пожалуйста, поясни, — попросила Далила.

— Ха! Поясни! Что тут пояснять? — риторически спросила Людмила и заявила: — Мой Карачка помешан на Марине Калоевой. Только и слышу: бери с нее в этом пример, бери пример в том. Ты скажи, это ли не маразм: он дочку мою назвал в честь жены друга. Куда только Мишка покойный смотрел.

Людмила глянула на Далилу с возмущением (адресованным мужу) и вновь риторически осведомилась:

— Теперь представляешь, как сильно я возлюбила эту Марину и какая роскошная у нас с этой святошей дружба?

Самсонова удивилась:

— А почему «святошей»?

— А потому, что она не баба, а черт с хвостом и копытами, но перед мужчинами притворяется ангелом.

— Каким же образом она притворяется? — заинтересовалась Далила.

— Самым обычным, — яростно выплюнула Людмила, безжалостно дернув себя за нос (уже покрасневший). — Овцу из себя перед мужем строила всю дорогу, всю их брачную жизнь. Перед соседями беспомощностью прикидывается, перед друзьями добренькую разыгрывает, а сама эгоистка, злючка и пофигистка. Как я ненавижу эту ломаку! — взвыла она.

Самсонова с легким укором спросила:

— Ты уверена, что справедлива к Марине Калоевой? Твой муж восхищается женой друга, история вовсе не редкая. Я согласна, тебе трудно любить эту женщину, но и ты согласишься: в таком случае невозможно быть объективной.

Людмила зверски дернула себя за нос, хмыкнула и взорвалась:

— Невозможно быть объективной?! Ха! Да, мой муж восхищается этой притворщицей, а ее муж покончил с собой, почему же она спит как убитая? Еле на днях ее разбудила, эту Марину. А неряха какая! Три домработницы и садовник мусор за ней разгребают, а я работаю и с хозяйством одна управляюсь. Но пример почему-то должна я брать с Марины, а не Марина с меня.

— Хорошо, — согласилась Далила, — Марина плохая хозяйка. Зная тебя, допустить это вовсе не трудно. Лично я второй такой чистюли, как ты, не встречала. И оставь ты в покое свой бедный нос, — скрывая раздражение, попросила она.

Людмила горестно сообщила:

— Нос у меня шелушится.

— Еще бы, так его дергать.

— Все нервы.

Далила вздохнула:

— Вот именно, нервы, побольше себя накручивай, то ли будет еще. К черту все постороннее. Давай лучше подумаем, что происходит с твоим родным мужем, зачем нам чужая Марина?

— И на фиг она не нужна, — пробурчала Людмила. — А с мужем что...

Подумав, она (совсем как в далеком их детстве) спросила:

— Хочешь правду?

Далила припомнила: «И Семенова до сих пор любит так говорить».

Поеживаясь, она сказала:

— Хочу.

— Давненько он обожает эту Марину. Подозреваю, что с детства, хоть и скрывает. А тут случай такой: Марина вдова, — выпалила Людмила и сердобольно вздохнула: — Ох, вот мужик сна и лишился. Как говорится: и хочется, и колется, и мамка не велит. С одной стороны, вроде семья: жена, и дочку он обожает, а с другой — освободилась баба его мечты. Мужская дружба уже не мешает, хоть сегодня бери и женись, — зло заключила она и яростно сплюнула.

Рука потянулась вверх, но под строгим взглядом подруги дернуть свой нос Людмила уже не решилась.

— Странная у тебя логика, — удивилась Далила. — Разве не разумней признать, что Карапета Ашотовича потрясла гибель друга?

— Не разумней. Я уверена, с Мишкой Калоевым Карачка только из-за Марины дружил.

— Да с чего ты взяла?

— С того. Где он был, этот Мишка? Я про него лишь тогда и узнала, когда он на свадьбу нас пригласил. А до этого Карачка про него не вспоминал, зато не расставался с Рубеном, со своим компаньоном. Вот с кем были они друзья неразлейвода.

Далила изумленно спросила:

— Почему были?

Людмила хлюпнула носом:

— Потому, что Рубен погиб. Вот из-за кого я по-настоящему горевала, — призналась она, вытирая слезу. — И до сих пор горюю, в отличие от Карапетя.

— А что Карапет?

— Представь себе, — победоносно сообщила Людмила, — Карачка переживал, на похоронах даже всплакнул, но сон его не расстроился. А все потому, что Марина, видите ли, Рубена терпеть не могла. Карачку ревновала она. То и дело Карапету нашептывала, какой Рубен негодяй. И все, конечно, врала. Рубен был отличным парнем.

— А как он погиб? — поинтересовалась Далила.

— Лишку глотнул и заснул с сигаретой в руке. Сгорел наш Рубеша в своей квартире. Как факел сгорел. А Марину Калоеву он, между прочим, ненавидел так же, как я.

— Почему?

Людмила собралась было дернуть свой нос, но передумала и пожала плечами:

— Не знаю. Видимо, чувствовал покойный Рубен, что эта змеюка моего Карачку против него настраивает.

— Настраивает? — удивилась Далила. — Зачем?

— Чтобы Карапет на Рубена не отвлекался. Сасу-нян мой поначалу с Мишкой не слишком дружил. Мишка ведь осетин. Что за дружба у армянина и осетина? Говорю я тебе, он все больше с Мариной. Марина, кстати, наполовину армянка. У нее отец арменин.

Самсонова удивилась:

— Как же твой муж с армянкой Мариной при живом муже осетине дружил?

— А вот так, — прошипела Людмила и украдкой дернула-таки себя за нос. — Та, овца, то и дело Карачке моему звонила: «Ой, Миша домой не пришел. Ой, пойдем со мной к нему на работу. Ой, я на него опять накричала, ой, он меня не простит, ой, я виновата». Пока Карачка сопли Марине своей утирал, она за мужем, за Мишкой чокнутым, бегала.

— Почему за «чокнутым»?

— Да был он ни рыба ни мясо. Зато охочий до баб. Зверски Маринка его ревновала. Скандалы закатывала! Житья мужику не давала. Он несколько раз хотел от нее уходить, она ползала на коленях, в покорности и любви клялась. Не жизнь у Мишки была, а могила. Довела мужика, вот он и застрелился. Зато Марина теперь крепко спит. Но Карачка мой почему-то за двоих переживает.

— Ну, не знаю, — вздохнула Далила. — Нормально ориентированные в сексе мужчины чаще сдержанны в проявлении чувств. Возможно, твой муж был значительно больше привязан к Калоеву, чем тебе показалось. Во всяком случае, мне, как врачу, очевиден такой ход изменений в его организме: смерть Рубена пагубно сказалась на нервной системе Карапета Ашотовича, а гибель второго друга усилила это отрицательное действие.

На самом деле, по всему выходило, что Людмила права. Далила так близко приняла боль подруги, что растерялась и не нашла нужных слов.

«Да что это я так странно с Люсей-то заговорила? — рассердилась она на себя. — С посторонними людьми сама задушевность, а с подругой шпарю каким-то дурацким бездушным текстом. Что, не могла по-простому ее успокоить?»

Чтобы исправить ошибку, Далила смущенно добавила:

— В народе про такое отрицательное действие говорят: событие человека добило.

Снова вышло не так, как надо бы. Зардевшись, Далила подумала: «Нет, я сегодня не в форме. Лучше мне помолчать».

А Людмила закрыла лицо ладонями и зарыдала. Этим она окончательно добила Далилу (как говорят в народе про такое отрицательное действие). Она поняла, что не помогла старой подруге, а напротив, усилила ее страдания. Далила вздохнула и горестно прошептала:

— Кажется, я плохой психолог.

— Дело не в тебе, — взывала Людмила. — Я теряю его! Марина нагло уводит моего мужика!

— Это еще не факт, — возразила Далила и, возненавидев себя, обреченно подумала: «Опять не то говорю. Да что это я сегодня горбушки леплю? Одну за другой! Просто срам! А ну, быстро взять себя в руки!» — мысленно приказала себе она.

Но как тут возьмешь, когда подруга прижалась к Далиле и, горько рыдая, взмолилась:

— Далька! Ты же умная! Ты же все это умеешь! Сделай что-нибудь! Помоги! Он меня точно бросит! Он к Марине своей уйдет!

Горе Людмилы было таким отчаянным, что Далила из первоклассного специалиста превратилась в обычную несчастную женщину: запершило в носу, к горлу ком подкатил, задушили рыдания.

— Да как же я тебе помогу?! — по-бабьи завывала она. — От меня от самой муж сбежал! Своего мужика я не удержала, как другим помогать?! Дура я, дура-а!

Все, что зрело давно, но было научно подавлено, вдруг прорвало. Психоаналитик Самсонова голосила, жалуясь на сына, на мужа, на пациентов, подруг, конкуренцию и соседей...

Людмила ей вторила, но отставала. По накалу страданий Далила так далеко рванула вперед, что начала уже заикаться, в то время как Людмила лишь безобидно шмыгала носом, попискивая:

— Я теряю его, теряю.

Какой там «теряю, теряю»? То, что происходило с Далилой, тянуло уже на истерику. Когда она начала задыхаться, пытаясь что-то сказать, Людмила испуганно подскочила и с воплем «Далька, сейчас!» вылетела из комнаты. Вскоре она вернулась с пузырьком и стаканом:

— Выпей, тебе полегчает. Лекарство самое лучшее, самое дорогое, Кара...

Она осеклась и застыла, испуганно уставившись на подругу. Далила прекратила рыдать и задыхаться.

— Давай уж сюда твое самое дорогое, — сказала она, отбирая у Людмилы стакан.

Вылив в него половину пузырька, Далила лихо, не поморщившись, выпила горькую жидкость и согласилась с Елизаветой Бойцовой, давней своей оппоненткой.

— Лизка права, — горестно сказала Далила, — нет женщине счастья рядом с мужчиной. Нет.

— А кто эта, Лизка? — почему-то шепотом спросила Людмила.

— Президент женского клуба. Хочешь быть его членом?

Людмила вылила в рот остатки лекарства и заявила:

— Членом быть не хочу! Тогда уже лучше членшей!

— Членшей и будешь, — пообещала Далила и твердо заверила: — А мужика твоего мы в стойло вернем. Ой, отпустило, — порадовалась она, игриво добавив: — Что-то я захмелела.

— Правильно, капли-то на медицинском спирте. Карачка сам их делал...

— По лучшему в мире рецепту, по самому дорогому, — беззлобно «лягнулась» Далила и, чмокнув в щеку подругу, призналась: — А все же мы, бабы, стервы, завидуем мы друг другу.

Людмила охотно с ней согласилась:

— Завидуем, а завидовать нечему. В какую семью ни глянешь, одно и то же: муж притесняет жену.

Далила напонила:

— А как же Марина Калоева? Из твоих слов я поняла, что Марина неплохо устроилась. Все шло по схеме: неврастеничка доставала хорошего парня на все лады, бедняга же отбивался.

— Так, как Марина устроилась, врагу не пожелаешь, — отмахнулась Людмила. — Мало, что Миша гулял, их взгляды расходились по каждому пустяку. Марина уступала, Мишка наступал. Сама посуди, что за мед вечно кланяться? Калоев и сделал из жены неврастеничку. А потом понял, что перестарался, и руки на себя наложил.

— Что-то я не пойму, — удивилась Далила. — Я вроде слышала, что Миша Калоев убит.

— Это Карачка так считает, а «менты» в один голос твердят: самоубийство.

Далила деловито осведомилась:

— Почему они так решили? И почему твой муж думает по-другому? Какие Карапет Ашотович аргументы приводит?

— А вот этого я не знаю, — обиженно сообщила Людмила. — Кара со мной не очень-то откровенничает. Так что делать будем, психолог? — горестно спросила она.

— Надо подумать.

Подумали и решили, что Далила в ходе лечения

выяснит, в каких отношениях Карапет Ашотович состоит с Мариной Калоевой.

— Если у них действительно далеко зашло, не переживай, — успокоила она подругу. — Есть масса способов расстроить их пылкие чувства. По опыту знаю, относительно истинных качеств любимых женщин мужчины склонны погружаться в иллюзию.

Людмила воспряла:

— Вот именно, нужно срочно открыть Карапету глаза. Еще не известно, как погиб бедный Миша.

— Ты о чем? — насторожилась Далила.

— Может, Марина сама же мужа и пристрелила. Сколько ее ни расспрашиваю, она про тот день категорически не хочет со мной говорить. Сразу в слезы, притворщица. А Кара вообще на днях заявил: «Не суй нос в чужие дела». Где справедливость? — возмущенно спросила Людмила. — Его-то нос там уже побывал. Выходит, у него с Мариной дела, которые мне чужие?

— Получается, так, — согласилась Далила. — Но ты не горюй, я осторожно все разузнаю, а после этого предпримем серьезные меры. Можешь не сомневаться, семью сохраним.

— Только на тебя и надежда, — простонала Людмила.

На том и расстались.

Ах, не знала Далила, как опрометчивы ее обещания.

Глава 9

Существуют три вещи, которые Далила с детства терпеть не могла: она органически не любила подслушивать, подглядывать и выпытывать.

Но зато Далила прекрасно умела прислушивать-

ся, подмечать и вникать в чужие проблемы — качества, пригодные для психоаналитика. Обещая Людмиле разведать о тайнах Карапета Ашотовича, Далила не собиралась ничего специально выпытывать. Она знала: в ходе анализа психического состояния пациента откроется все само.

Так и вышло. Какое-то время муж Людмилы вежливо мялся. Памятуя, что доктор — подруга жены, он дипломатично старался не отвечать на вопросы. Тогда Самсонова ввела его в курс:

— Если отыщем корень бессонницы, возможно, вам сразу же полегчает. Так часто бывает. Но в любом случае вам надо выговориться, а мне надо искать. Не отыскав причины невроза, я не знаю, как вас лечить, а если вас не лечить, могут быть нежелательные осложнения.

— Осложнения всегда нежелательные, если они касаются нас, — поправил ее Сасунян, не подозревая, что Самсонова умышленно дала ему эту возможность, приглашая пойти на контакт.

— Вы правы, — подхватила она ответный посыл, — я вообще-то дружу с родным языком, но иногда допускаю ошибки. Зато ваша речь безупречна. Так безупречна, что возникает сомнение, знаете ли вы армянский язык.

Карапет Ашотович расплылся в самодовольной улыбке:

— Конечно, знаю. Я с детства на нем говорю, как и на русском. Моя русская мама говорила только по-русски, а теперь уже и я обрусел, перестал говорить по-армянски.

— Почему?

— На армянском не с кем общаться. Жена армянского вовсе не знает, дочка так себе. Не хочет учить. Рубен, друг мой, погиб, теперь вот и Миша...

— Миша Калоев говорил на армянском? — удивилась Далила.

— Да, Миша хорошо знал армянский. Марина, его жена, наполовину армянка, а говорит лишь на русском. Ну, Людмила моя, понимаете сами. Бывало, собираемся семьями, жены рядом всегда, а нам с Мишей надо личную жизнь обсудить. Вот мы и пользуемся тем, что жены не знают армянского. Пользовались, вернее... — мрачняя, поправился Сасунян.

— И богатая была у покойного личная жизнь? — спросила Далила.

Карапет Ашотович усмехнулся:

— Миша не был монахом. Молодой здоровый мужчина. Женщины у него были.

— Он что, жену не любил?

Сасуняна рассмешила наивность вопроса.

— Миша Марину очень любил, но это другое. Вам ли не знать, вы же психолог.

Далила не стала читать пациенту лекцию об этике и морали, а поспешила заверить:

— Да-да, это я понимаю со всех сторон, и с физиологической, и с психологической. Мужчина природой так сложно и противоречиво устроен, что зачастую не в силах выполнять самые элементарные требования общественной морали. Зачастую он самой природой лишен возможности сохранять верность женщине. Во всяком случае, глобальная верность ему недоступна. Сделать мужчину верным могут лишь сильные свежие чувства, и то лишь на время. Разумеется, я говорю об активном периоде жизни мужчины. Как сказал классик, «да, крепнет нравственность, когда мертвеет плоть».

Сасуняну так понравилась речь Самсоновой, что он восхитился:

— Вы умная женщина! Как было бы хорошо, если бы вы и Людмиле моей это все объяснили.

— При случае объясню, — пообещала Далила. — А Марина мужа своего понимала?

Карапет Ашотович погрустнел:

— Марина умница, она все понимает, но Миша частенько позволял себе лишнее. Я его не виню. Миша был робким и неуверенным, вот женщины им и крутили. Марина страдала, они часто ругались.

— А вы откуда об этом знаете?

— Я их мирил. Но это не значит, что они не любили друг друга. Миша Марину очень любил. Скажу даже больше, они были друзьями.

— А почему вы их часто мирили?

Сасунян замялся:

— Вообще-то, я не хочу говорить о Калоевых. Про себя все скажу, а про друзей — это лишнее.

— Так не пойдет, — запротестовала Далила. — Карапет Ашотович, дорогой, поймите, психоаналитик сродни врачу и священнику. Я должна знать про вас все, и все ваши тайны останутся в стенах моего кабинета.

Сасунян вдруг смутился:

— Все про себя даже я не знаю.

— Правильно, — согласилась Далила, — самое сложное — разобраться в себе. Я хочу вам помочь. Понимаю, вас смущает, что я подруга вашей жены. Но на это и существует профессиональная этика, которую я никогда не нарушаю. Если Людмила узнает о содержании нашей беседы, я перестану себя уважать и как специалиста, и как человека.

В глазах Карапета Ашотовича мелькнуло легкое недоверие.

— Хотите, я расскажу вам все, что узнала о вас? — вдруг предложила Далила.

Он подался вперед и, пугаясь, воскликнул:

— От кого?

— От вас же. Вы только что мне рассказали о своих привычках, о своем состоянии да много о чем. Я умею читать между строк, мне знаком язык мимики, жестов. Что же будет, когда мы до тестов дойдем? Там уж держитесь! — шутливо погрозила она и посетовала: — Если вы мне не доверяете, я не смогу вас лечить.

Сасунян хитро улыбнулся и пропел на восточный лад:

— Надо по-торгова-аться.

— Торгуйтесь, — улыбнулась Далила.

— А что вы про меня узнали? — спросил он с кокетливым интересом. — Если скажете, тогда и я вам все расскажу.

Самсонова рассмеялась:

— Согласна. Начну с самого главного. Совершенно очевидно, что вы влюблены в жену друга.

— В Марину?

— В Марину.

Карапет Ашотович с досадой воскликнул:

— Это Люся моя растрепала. Она просто ревнует меня к Калоевой.

Далила пожала плечами:

— Мое мнение сформировалось отнюдь не под давлением вашей Людмилы. Хотела бы я похвастать профессиональной проницательностью, да не могу. Случай не тот. Ваша беда в том, что вы не умеете лгать.

— Это я не умею лгать? — с обидой спросил Сасунян и заверил: — Ошибаетесь. Все мужчины умеют лгать. Им не выжить без этого.

— Видимо, вы хотели сказать, что лгут все мужчины. Лгут все люди, но не все делают это умело.

Карапет Ашотович согласился:

— Хорошо, возможно, вы правы, тогда скажите, что меня выдает?

— Ваше лицо, ваши руки. В ходе беседы становится ясно, что Марина вам очень нравится.

Уловив его возмущенный жест, Далила поспешно добавила:

— Я ни в коем случае не утверждаю, что между вами есть те отношения, которые принято считать выходящими за рамки морали.

Карапет Ашотович отрезал:

— Марина святая!

— Вы с ней дружны?

— С чего вы взяли?

— Вы об этом сами сказали.

— Я сказал? Я этого не говорил.

Далила напомнила:

— Вы мирили Марину с Мишей. Если мужчина выступает арбитром, значит, он дружен с тем, кого защищает. Вы защищали Марину, значит, с ней вы и были больше дружны.

Сасунян возразил:

— Нет, это значило только одно: что Миша несправедливо поступал с женой. Марина просила помощи, а я не умею отказывать женщинам.

— Возможно, это ценное качество вас и подводило, — предположила Далила.

— Каким образом?

— Прибегая к вашей помощи, Марина невольно сеяла зерна вражды между вами и Мишей. Боюсь, этот скрытый конфликт и явился причиной невроза.

Карапет Ашотович искренне поразился:

— Какой конфликт?

— Конфликт между вами и Мишей. Согласитесь, мужчины не любят вмешательства в свою личную жизнь. Особенно им обидно, когда это делает друг,

который и сам не святой. Вы уверены, что Миша не обижался на вас?

— Поначалу он обижался, о чем мне прямо и говорил. Я учил его тому, что сам постигал, набивая шишки. Миша понимал, что я вмешиваюсь из лучших побуждений. Он меня даже благодарил.

— За что? — заинтересовалась Далила.

Карапет Ашотович с достоинством пояснил:

— За то, что оберегал его от ошибок. Впоследствии он сам ко мне обращался за помощью. И в то роковое утро он сам мне позвонил.

Самсонова удивилась:

— Разве он? Не Марина?

— Вам Людмила сказала, что нас разбудила Марина, — догадался Карапет Ашотович и покачал головой. — Нет, Марина разбудила жену, а меня разбудил Михаил.

Он неожиданно замолчал.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросила Далила.

Сасунян отмахнулся:

— Зачем? Все дальнейшее к моей болезни отношения не имеет.

Самсонова возразила:

— Боюсь, что имеет. Во всяком случае, оценить это сами, без специалиста, вы не можете. Поймите, я действительно очень хочу вам помочь. Не забывайте, вы муж моей школьной подружки.

Карапет Ашотович пришел в замешательство. Далила с горечью осознала, что как раз этот факт больше всего его и смущает.

«Он любит Марину и надеется на взаимность, — окончательно убедилась она. — Выходит, Людмила права: угроза развала семьи велика. Теперь, думаю, все зависит лишь от Марины. Захочет она связать

свою жизнь с Сасуняном, и Людмила останется на бобах».

— Карапет Ашотович, — проникновенно сказала Далила, — вы мой пациент, вам нужна помощь, и я хочу вам помочь. Пожалуйста, будьте со мной откровенны.

— Да как вы не поймете! — вспыхнул Сасунян. — Да, мне нужна помощь! Я и сам рад все рассказать, но после моей откровенности ваша помощь понадобится Людмиле! Причем срочная!

Самсонова поняла, как ему нелегко: он мучается от любви, решается на рискованный шаг, он любит дочку, привязан к жене, его терзают сомнения.

По опыту она знала, что в таких случаях люди особенно нуждаются в собеседнике. Выговориться, снять груз с души даже молчунам органически необходимо. Сасунян же потерял своих близких друзей. Ему не с кем поделиться болью, сомнениями.

— Вы можете на меня рассчитывать, — сердечно сказала Далила. — Я вас не подведу.

Карапет Ашотович поверил ей и растерялся:

— А как же Людмила?

— Если надо, Людмила поймет. Я ей помогу.

— Что Людмила поймет?

— Что это жизнь, что чувства на то и чувства; они, появляясь, овладевают рассудком. Вы не вольны себе приказать: не люби. Вы несчастны, страдаете, с каждым днем повышается риск серьезно и надолго заболеть. Людмиле нужен муж, зачем ей невротик? Дочке вашей тоже не нужен папаша-невротик. Если вы действительно влюблены в Марину давно, если чувства ваши уже проверены, то вам лучше уйти из семьи.

Сасунян воскликнул в отчаянии:

— Куда?!

— К Марине Калоевой. Вы же любите эту женщину, любите очень давно? — спросила Далила.

Карапет Ашотович сник:

— Да, люблю. Места себе не нахожу.

— В чем же дело?

— После гибели Миши, после того, как его застрелили, она и видеть не хочет меня!

— Почему вы думаете, что Мишу именно застрелили? Я слышала, что он сам застрелился.

Карапет Ашотович со вздохом признался:

— Да не я так думаю, а Марина.

— Неужели она подозревает в убийстве вас? — испугалась Далила.

Сразу мелькнула мысль: «А что, у Сасуняна был сильный мотив желать смерти друга».

— Слава богу, до этого еще не дошло, — сообщил Карапет Ашотович и без всякого понуждения принялся рассказывать загадочную историю гибели Михаила Калоева.

Глава 10

Ранним субботним утром Карапета Ашотовича разбудил телефонный звонок.

— Т-ты м-можешь приехать п-прямо сейчас? — спросил Михаил Калоев не своим, глухим заикающимся голосом.

Карапет Ашотович, предполагая очередную ссору супругов, настороженно осведомился:

— А что случилось?

— Приезжай, расскажу, — бросил Калоев и без пояснений прекратил разговор.

Карапет Ашотович аккуратно, чтобы не разбудить жену, выбрался из постели и направился в ванную бриться. За шумом воды он не услышал второго

звонка, который и разбудил Людмилу. На этот раз звонила Марина Калоева.

— Карачка, что с Мишей случилось? — всхлипывая и не здороваясь, спросила она, едва Сасунян взял трубку.

Он изумленно воскликнул:

— Сам хочу знать. Его голос мне показался странным. Вы опять поругались?

Марина заверила:

— Нет. А что, он и тебе звонил?

Карапет Ашотович удивился:

— Что значит, и тебе? Ты где, Марина? Ты что, не дома?

— Я-то дома как раз, а вот Миша остался ночевать в офисе, в своем кабинете.

— Миша на фабрике ночевал? — не поверил ушам Сасунян, ведь такого еще не бывало.

Калоев мог ночевать у дамы, мог в гостинице, мог провести ночь в клубе, на даче своей, на даче друзей — где угодно, но не на работе. И уж никак не в ночь с пятницы на субботу. Он подобрал надежных опытных управляющих и «фабрикой», как говаривала Марина, себя не слишком обременял.

— Что он там делает? — тревожно спросил Сасунян, не поверив ни на секунду в то, что Калоев на фабрике.

Марина сквозь рыдания пискнула:

— Приводит в порядок дела.

— Какие дела?

Карапет Ашотович знал последнее «дело» друга. Это была синеокая стройная дева — не к ней же Калоев приглашал Сасуняна.

— Я не знаю, какие дела, — пропищала Марина, — Миша сказал, что ночевать будет на фабрике в офисе. Сказал, что надо срочно привести в порядок

бумаги. И все. Больше я ничего не знаю. А сейчас он меня разбудил и просил немедленно приехать. Зачем?

— Он и меня об этом просил и мне не сказал, зачем и куда я должен приехать. Спасибо, хоть ты сообщила, где он находится, — поблагодарил Сасунян, уверовав наконец, что Калоев на фабрике.

— Ты поедешь к нему? — Марина хлюпнула носом.

— Конечно. Раз Миша просил, значит, я ему нужен.

— Но я-то ему зачем, там, на фабрике, да еще так рано, в субботу?

— Говорю же, не знаю. — Сасунян поразился: — Неужели он тебе совсем ничего не сказал?

— В том-то и дело, что ничего. Сказал: «Приезжай, немедленно». И все.

— Трубку повесил?

Марина всхлипнула:

— Да, я теперь ехать боюсь. В последние дни он был очень странный.

Карапет Ашотович удивился:

— В каком смысле? Я видел его позавчера, он был обычный, веселый, нормальный.

— Это с тобой, а со мной Миша был очень странный. Он постоянно о чем-то думает в последние дни, стал рассеянный, злобный. На все вопросы рычит. А когда не рычит, то молчит. Совсем со мной говорить не хочет, а тут вдруг «приезжай, немедленно».

— Ну, так и поехали, — постановил Сасунян. — Через десять минут за тобой заскочу, не переживай, разберемся.

Когда подъехали к проходной, Марина испуганно вспомнила:

— Там же сторож. Как мы пройдем? Без пропусков не пропустят.

Сасунян удивился:

— Тебя что, совсем здесь не знают?

— Я ни разу на фабрике не была, — краснея, призналась Марина.

Карапет Ашотович ее успокоил:

— Не волнуйся, сторож позвонит Михаилу, Миша распорядится нас пропустить.

Однако вышла заминка, сторож не смог дозвониться до владельца фабрики: кабинетный телефон Калоева не отвечал. И мобильный был отключен.

— А далеко ли до офиса от проходной? — спросила Марина.

— Да вот он, офис, рядом совсем, — сторож кивнул на открытую дверь, в проеме которой виднелось серое здание. — Кабинет шефа на моей стороне, второе окно от угла.

— На каком этаже? — спросил Карапет Ашотович. — Может, мы до него докричимся?

Сторож не возражал:

— Да, пожалуйста. Он точно там, не выходил, у него и окошко открыто, видите, на третьем этаже оно единственное распахнуто.

— Миша-а! — поставив ладони рупором, закричала Марина. — Мишенька-а! Мы приехали!

Ее голос потонул в грохоте грузовика, который подкатил к проходной, скрежеща и гроыхая прицепом. Сторож не спешил открывать ворота; грузовик затормозил, из кабины высунулся сердитый водитель.

— Трофимыч, ты че стоишь? Давай открывай, — рывкнул он, не выключая двигателя.

Трофимыч махнул рукой:

— Да погоди ты, не до тебя! Шеф куда-то пропал!

И выключи ты свою тархтелку, а то мы не докричимся.

Водитель послушно заглушил двигатель, и Марина закричала, снова ставя ладони рупором:

— Миша-а! Нас не пускают!

К ней подключился и Сасунян.

— Михаил! Выходи, подлый трус! — дурашливо завопил он, запрокинув голову и глядя на третий этаж.

Дальнейшее произошло неожиданно и мгновенно. Из распахнутого окна вдруг вылетел громкий звук, похожий на выстрел; Михаил Калоев выглянул, что-то вскрикнул и снова исчез.

— Убили-и! — заголосила Марина.

Она смела с пути сторожа и сломя голову понеслась на территорию фабрики, к офису. Сасунян помчался за ней, сторож кинулся за Сасуняном, но водитель грузовика зафырчал вновь мотором, оглушительно забибикал и заревел:

— Трофимыч, ты что, обалдел?! А ну раздвигай ворота! Я простаивать не могу, у меня график!

Трофимыч, поспешно открыв входную дверь офиса, впустил Калоеву и Сасуняна, а сам вынужден был вернуться на пост.

Марина с Карапетом Ашотовичем ворвались в холл. Лифта в здании не было, на третий этаж бежали по лестнице. Марина первая влетела в кабинет и так пронзительно завизжала, что у Сасуняна волосы встали дыбом. Он бросился следом за ней в комнату и отшатнулся.

Михаил лежал на полу в луже крови с простреленной головой. Марина, прислонясь к стене, истошно вопила. Карапет Ашотович кинулся к другу. От отчаяния и в последней надежде он попытался нащупать пульс Михаила и тут-то обнаружил в его руке

пистолет. Сасунян растерянно оглянулся на умолкнувшую Марину и, не слыша себя, глухо спросил:

— Мишка, что, застрелился?

Она неистово затрясла головой и, прижимая к груди побелевшими пальцами сумочку, вновь завизжала:

— Его убили! Убили-и!

Марина забилась в истерике. Карапет Ашотович выглянул в окно и крикнул Трофимычу:

— «Скорую» и милицию вызывайте!

* * *

— А почему милиция не прислушалась к Марине? Почему сразу отклонили версию об убийстве Калоева? — спросила Далила, когда Сасунян закончил рассказ.

Красивые брови Карапета Ашотовича стремительно изогнулись.

— Да как же эту версию серьезно рассматривать? — спросил он. — Дверь на улицу там одна, на всех окнах решетки, а здание офиса отлично просматривается по всему периметру.

— Каким образом?

— С постового монитора. Трофимыч клянется, что с этого монитора глаз не спускал с тех самых пор, как дверь нам открыл.

Далила напомнила:

— Но на территорию фабрики въезжал грузовик, значит, Трофимыч мог на секунду отвлечься.

Сасунян отрицательно потряс головой:

— Открыть ворота проще простого: нажал кнопку и жди, когда они сами разъедутся. Нет, Трофимыч за зданием офиса четко следил.

— Почему? Он же еще не знал, что Калоев убит.

— Но выстрел он слышал, к тому же дверь открыл

нам с Мариной, а мы для него чужие. Нет, я думаю, Трофимыч не врет, он четко следил и правильно утверждает, что вокруг здания не было ни души. Да и позже проверили все решетки. «Опера» их осматривали.

— И что?

— Целехоньки. Марина в шоке. Она просто не может поверить в самоубийство. Я сам не могу, но факт есть факт: пистолет был у Миши в руке, а в кабинете, как и во всем офисе, ни души.

Далила задумалась:

— Да-а, история странная. Пока вы рассказывали, меня не покидало ощущение, что эту историю я уже слышала.

Сасунян удивился:

— Где же такую услышишь?

— А не мог убийца спрятаться в офисе, а потом, когда приехала милиция, «Скорая» и поднялась суматоха, под шумок незаметно выскользнуть с территории фабрики? — спросила Далила.

Карапет Ашотович согласился:

— Мог, но не выскользнул. Суматоха и в самом деле была, но с видеокамер ведется запись. Позже все ленты тщательно просмотрели, подсчитали всех вышедших и вошедших. И ночью к офису никто чужой не подходил. Видеокамера над входом зафиксировала, как поздно вечером в дверь вошел Миша, и все. Больше никакого движения не было. Следующие, уже утром, были мы: Трофимыч, я и Марина. Время фиксируется. Потом я вывел Марину, затем, минут десять спустя, вошли «опера».

Далила удивилась:

— Вы покинули офис, не дожидаясь милиции?

Сасунян, тряхнув аккуратно стриженной головой, подтвердил:

— Ну да. Я повез в больницу Марину.

— И сторож вам разрешил выехать с территории фабрики?

— А что он мог сделать? У Марины слабые нервы, она потеряла сознание. Я не мог рисковать ее жизнью, дожидаясь «Скорую помощь». Между прочим, доктора утверждают, что я ее спас.

— Даже так, а что ей угрожало? — поинтересовалась Далила. — У нее неполадки с сердцем?

На лице Карапета Ашотовича отразилось сочувствие.

— Нет, — сказал он, — сердце Марины в порядке, у нее сахарный диабет. От стресса сахар в крови подскочил до опасного уровня. Не успею я вовремя доставить Марину в больницу, она могла бы впасть в кому и умереть.

— Да, — согласилась Далила, — диабетическая кома — это очень опасно. Вы действительно спасли Калоевой жизнь. Она это понимает?

Сасунян грустно кивнул:

— Думаю, да.

— И все равно не желает вас видеть?

— Даже слышать не хочет. Я ей звоню, Марина трубку бросает.

Самсонова поразились:

— Но почему?

Карапет Ашотович, растерянно пожимая плечами, признался:

— Не знаю. Она же со мной не говорит.

— Но вы что-то предполагаете?

Он вздохнул:

— Предположений несколько. Марина и слышать

не желает о самоубийстве. Твердит: «Миша не способен, он жизнелюб». Возможно, поэтому она сердится на меня. Ведь я поверил в самоубийство.

Сасунян замолчал.

— Вторая версия связана с женщиной? — догадалась Далила. — С чьей? С вашей? Или с женщиной покойного Михаила?

Карапет Ашотович опять вздохнул и ошарашил Далилу:

— И то и другое. Сначала Анфиса была моей девушкой, — смущенно признался он, — но Михаил серьезно запал на нее, пришлось уступить.

Самсонова побледнела:

— Вы сказали, Анфиса?

— Ну да.

Карапет Ашотович продолжал говорить, но голос его доносился словно издалека.

— Из благородства я уступил девушку другу. Так часто бывало. Мишка никогда не умел очаровывать дам, приходилось ему помогать, — откровенничал Сасунян. — И все нам сходило с рук, а вот про Анфису Марина как-то узнала. Хуже всего, что узнала она даже то, что я познакомил Михаила с Анфисой. Думаю, именно этого она мне и не может простить. Марина мне доверяла, а, выходит, я ее предал. Иной раз подумаю, будь проклята эта Анфиса! В недобрый час она мне подвернулась.

— А как фамилия этой Анфисы? — нервно сглотнув, перебила его Далила.

Карапет Ашотович призадумался и виновато признался:

— К своему стыду, кажется, я забыл.

— Может, Анфиса Пекалова?

Глава 11

— Точно, Пекалова, — обрадовался Сасунян. — Анфиска Пекалова, девчонка с хитринкой, но очень забавная. Как я забыл? Ведь поначалу я над Мишкой так и подшучивал: «Ну что, опекаешь свою Пекалову?» Он ее хорошо опекал, дом огромный купил в Сестрорецке, в самом престижном месте, в курортной зоне. К дому мебель, машину. Теперь трудно Анфисе придется без Миши. Как это все содержать?

Самсонова задумчиво произнесла:

— Анфиса Пекалова.

Карапет Ашотович наконец поразился:

— Я как-то не совсем уловил, вы что, с ней знакомы, с Пекаловой?

— Однажды виделись, недавно совсем.

— А я давненько ее не видел. Интересно, как она теперь поживает?

«Он не знает, что Анфиса не поживает уже?» — удивилась Далила и сообщила:

— Пекалова умерла. Точнее, погибла.

Сасунян отшатнулся:

— Не может быть! Погибла? Когда?

— А вот мы сейчас и узнаем.

Самсонова решительно придвинула к себе телефон и, торопливо набирая номер Кузькиной, заметила:

— Как тесен мир, — и осеклась: в трубке шелкнуло.

— Генриетта Карловна, — оживилась Далила, услышав голос своей пациентки, — это Самсонова вас беспокоит.

На том конце провода тоже произошло мгновенное оживление:

— Ах, Далилочка, милая, я вас сразу узнала. Очень рада слышать вас снова.

Еще бы, Куськина пропустила половину сеанса: ее час Самсонова вынуждена была отдать Сасуняну. Поскольку график приема был слишком плотно расписан, приходилось выкручиваться за счет менее нуждающихся в помощи доктора пациентов. Но сама-то Куськина считала, что уж она-то в помощи крайне нуждается. Ее раздувало от информации. Далила не сомневалась, что далее речь пойдет о соседу-Изверге — речь, в которую трудно будет вставить и слово. Поэтому она поспешила повернуть разговор в нужное русло.

— Генриетта Карловна, — с напором зашебетала она, — простите за неуместный каламбур, но я вас побеспокоила из-за покойной вашей соседки. Дело в том, что среди моих старых друзей отыскиались общие с ней знакомые. Довольно близкие, надо сказать. И представьте себе, в связи с этим выясняется, что не все слышали о гибели Анфисы. Они хотели бы знать, когда погибла Пекалова. Вы не помните точной даты?

Генриетта Карловна с гордостью сообщила:

— Помню, конечно, шестого числа этого месяца. Этой даты я никогда не забуду. В тот день и в моей жизни произошло событие, даже не знаю, хорошее или плохое. Хотелось бы получить вашу оценку. Я вам рассказывала уже, но, боюсь, не со всеми деталями, все как-то наспех...

Далила ее прервала:

— Спасибо огромное, завтра расскажете.

— Да, конечно. У меня тьма новостей!

— Шестого числа этого месяца, — прошептала Самсонова, задумчиво вешая трубку.

Карапет Ашотович изумился:

— Шестого?!

И, бледнея, промямлил:

— А Михаил застрелился седьмого.

Далила растерянно заключила:

— Похоже, он Пекалову и убил.

— Совсем не похоже, — восстал Сасунян. — Вы не знаете Михаила. Он был мягким и добрым. Миша был нерешительным. Он с каждой мелочью бежал за советом к жене. Или ко мне.

Заметив в глазах Далилы сомнение, Карапет Ашотович махнул рукой и с обидой воскликнул:

— Ладно, правду скажу, хоть и не принято о покойниках. Если уж на то пошло, знайте: женщины про таких, как Миша, говорят «размазня». Хотя я его размазней не считал. Он так выглядел от излишней порядочности. Порядочность ему мешала везде: в бизнесе, в дружбе, с женщинами, в семье. Стараясь никого не обидеть, он только и делал, что врагов наживал.

— Погодите, — перебила его Далила. — Зачем вы мне это рассказываете?

— Хочу вас убедить. Миша был моим другом.

— Но он покончил с собой, значит, была причина.

— Я с ним виделся пятого. Мишка был на подъеме, полон планов, собирался ехать к Анфисе, предвкушал ночь любви. Правда, до этого Мишка месяца три ходил задумчивый и смурной. Я спрашивал, помощь свою предлагал. Мишка отнекивался, убеждал меня, что у него все о`кей. Потом, видимо, утряслось. Мишка ожил, а пятого мне даже сказал: «Кара, я счастлив. Всё оказалось так просто».

— Что — все? — поинтересовалась Далила.

Карапет Ашотович пожал плечами:

— Я не расспрашивал. У мужчин не принято лезть

друзьям в душу. Знаю одно: Мишка был счастлив и умирать не собирался, а затем вдруг взял и застрелился.

— Ясно, — кивнула Самсонова и вызвала секретаршу.

— Дашенька, — попросила она, — пожалуйста, загляни в наш журнал. Хочу знать, на какое число в этом месяце записывалась ко мне Анфиса Пекалова.

Дарья кивнула и выплыла из кабинета, особо бессовестно виляя стройными бедрами. Подбил ее на такую игривость чрезвычайно мужской взгляд Сасуняна (даже в такой грустный момент он был верен себе).

Вскоре Дарья вернулась и сообщила:

— Анфиса Пекалова была записана на седьмое и не пришла.

— Спасибо, Дашенька, ты свободна, — кивнула Самсонова и, бледнея, уставилась на Карапета Ашотовича.

— Что случилось? — заметив перемену в ее лице, взволнованно спросил он.

— А вы разве не поняли? — удивилась Далила. — Впрочем, что это я, вы же не знаете, — спохватилась она. — Дело в том, что вечером шестого числа Анфиса рвалась ко мне на прием, но я уже уходила.

Карапет Ашотович осведомился:

— Как она к вам попала?

— Случайно, направляясь к нотариусу. Его офис в другом конце коридора.

Сасунян опешил:

— К нотариусу? А что она там забыла?

— Лепетала что-то про завешание, говорила, что на нее покушается муж.

— Какой еще муж? У Анфисы не было мужа!

Самсонова пояснила:

— Так она называла любимого человека, кажется, он обещал на Анфисе жениться. Как я теперь понимаю, речь шла о Михаиле Калоеве.

— Чушь! — Карапета Ашотовича передернуло. — И вы ей поверили?

— К сожалению, нет, — вздохнула Далила. — Анфиса твердила про отравление, говорила, что еле выжила, что ей опасность грозит, что она любит мужа, но он ее почему-то хочет убить. «Травит и травит», — рыдала она.

— Травит? Ха-ха! — нервно рассмеялся Сасунян и огорошил Далилу:

— Анфиса умерла от побоев, — сказал он и добавил (увы) без сочувствия: — Ее насмерть забили.

Даже злорадство почудилось Самсоновой в его голосе.

«Выходит, Карапет знал о смерти Анфисы, он только что проболтался. Но зачем он пытался скрыть от меня это?» — мысленно изумилась Далила.

Она не стала ловить Сасуняна на лжи.

— В тот вечер, шестого, мне пришлось уйти по срочному вызову к пациенту, — сказала она, — поэтому принять Анфису я действительно не могла. Даша записала ее на субботу, седьмое. Поджидая Анфису, я провела в офисе половину своего выходного, но девушка, как теперь выяснилось, прийти не могла. В живых ее уже не было.

Карапет Ашотович взвыл:

— Но Мишка не мог ее так зверски заби...

Он осекся и впал в задумчивость. Далила ему не мешала и спокойно ждала.

— Почему Михаил не сказал мне про гибель Анфисы? — нарушил он тишину воплем отчаяния.

— Вы о чем? — удивленно поинтересовалась Далила.

— Михаил от меня ничего не скрывал, почему же он скрыл смерть Анфисы? — уже растерянно спросил Сасунян.

Самсонова холодно осведомилась:

— А когда бы он вам сказал про неё? Шестого, как я поняла, вы не виделись, а седьмого он застрелился.

— Правильно, но мы виделись с Михаилом пятого. Он был весел, строил различные планы, собирался Анфиску везти на моря. Шестое — пятница. По пятницам он всегда приезжал к Анфисе и частенько оставался у нее ночевать. Что заставило Михаила за ночевать на фабрике перед самоубийством? Хотел разобраться в себе? Нет, это вряд ли. Мишка был в панике, но почему не обратился ко мне? Почему ничего не сказал про Анфису?

Сасунян схватился за голову.

— Да, странно, — согласилась Самсонова и задумчиво поинтересовалась: — А какой был характер у этой Анфисы? И как девушка выглядела?

Умудренная опытом, она усомнилась, Анфиса ли к ней приходила? Или кто-то другой исполнял роль Анфисы.

— Выглядела отлично, — вздохнул Сасунян. — Высокая, стройная, синеглазая, очень красивая. И характер нормальный. Веселая, озорная, но вообще, по жизни, рассудительная и спокойная. Расчетливая слегка, но женщин это не портит.

— А могла она, скажем, подраться?

Карапет Ашотович отшатнулся:

— Подраться? С кем?

— Скажем, с девушкой. Например, с Дашей, моей секретаршей. Вы ее только что видели.

Сасунян потряс головой:

— Ни в коем случае. Анфиса умела поставить на место любого. Я сам когда-то ее научил, но драться,

это вряд ли. В этом смысле Анфиса была скромной и даже застенчивой, провинциалка до мозга костей.

— Но она с дракой ломилась в мой кабинет, — сообщила Далила. — Из этого делаю вывод, что Анфиса была на взводе. И кричала она про отравление. У Пекаловой действительно были проблемы.

Карапет Ашотович буркнул:

— Об этом я слышу впервые. Даже не знаю, что вам сказать. Если думаете, что Миша сначала Анфису убил, а потом сам застрелился, то это полный абсурд. Так думать может лишь тот, кто совсем не знал Михаила.

— Хорошо, — согласилась Далила, — вернемся к вашей бессоннице. Само собой вырисовывается предположение, что дело в Марине Калоевой.

Сасунян оживился:

— Я и сам так предполагал. Хочу с ней помириться. А вы не могли бы мне в этом помочь? — спросил он, мигом лишаясь симпатий Далилы.

— Все в нашей власти, будем работать, завтра жду вас в это же время, — сказала она.

Проводив Карапета Ашотовича, Далила подумала: «Ну и наглец. Просит меня, подругу жены, наладить контакт с любовницей».

Она не сомневалась уже, что у мужа Людмилы был роман с Мариной Калоевой, был. Был, но почему-то вдруг поломался.

«Что настроило Марину против Карапета Ашотовича? Возможно, существование Анфисы. А может быть, и нечто другое. Чувствуется, в этом деле много загадок. Не дай бог, муж моей школьной подруги окажется жестоким убийцей. Если Михаил не говорил ему про гибель Анфисы, то как Сасунян об этом узнал? Был там? Или все хуже: сам Анфису убил? Не

в этом ли корень его нервного состояния и бессонницы?»

Самсонова потрясла головой, сбрасывая страшные мысли, и приказала себе: «Не делай поспешных выводов. Работай. Ищи».

Вспомнив о своем плотном графике, в который необходимо как-то втиснуть мужа подруги, она вызвала секретаршу.

— Дашенька, — попросила Далила, — дозвонись до Светланы Михайловны. Выясни, почему она опять не пришла.

— Сто раз уже этой болтуше звонила, — пискнула Дарья, сердито дернув плечом.

— И что?

— Телефон не отвечает.

— Тогда отдаю ее часы Сасуняну, а к тебе будет огромная просьба.

— Что, зайти к ней после работы? — догадалась Дарья и зло сообщила: — Была я уже вчера у вашей Светланы Михайловны. Она там не проживает.

— Неужели чужой адрес дала мне? — поразилась Далила. — Зачем? Но телефон точно ее. По этому номеру я ей частенько звонила.

Даша сердито напомнила:

— Телефон не отвечает.

— А ты все же звони, вдруг дозвонишься, — попросила Самсонова и, нахмурившись, пояснила: — Я волнуюсь. Светлана Михайловна неожиданно перестала посещать мой кабинет, без объяснений, без предупреждений. Это странно. Я думала, мы подружились. Она человек серьезный.

— Что тут странного, — хмыкнула Дарья. — Она из-за мужа сюда ходила, хотела его под себя переделывать, а вы ее убедили, что с мужем не выгорит. Он же хам, он ненавидит всех женщин. А хам, он и в Афри-

ке хам. Так нечего для него и стараться, вот она и перестала ходить.

Самсонова не согласилась:

— Про мужа твержу я давно, но ты видела, как Светлана Михайловна упорно старалась. Она, кстати, переделывала себя уже, а не его, пыталась стать дерзкой, напористой, энергичной. А тут вдруг от зати своей отказалась.

— И правильно сделала. Я бы таких мужиков своими руками душила. А Светлана Михайловна хоть и болтушка, но милая, симпатичная женщина.

— Хочешь сказать, она прислушалась наконец к нашим рекомендациям и развелась?

— А почему бы и нет, — фыркнула Даша. — Давно уж пора.

— Дай бог, — вздохнула Далила, — но почему она не звонит? В таких случаях пациенты обычно звонят, хвастают своими успехами. Я за нее переживаю.

Дарья махнула рукой:

— Не переживайте, Светлану Михайловну я разыщу. Вы меня знаете, мертвого из-под земли достану, если, конечно, захочу.

— Ой, захоти, пожалуйста, Дашенька, — с улыбкой попросила Самсонова.

И грустно подумала: «Только не мертвой. Слишком много образовалось вдруг мертвецов».

Глава 12

После разговора с Карапетом Ашотовичем Далила пришла в смятение. Страшная история, казалось, коснулась ее совсем не случайно. Почему погибла Анфиса? Почему она накануне смерти искала нотариуса именно в том здании, где расположился офис Самсоновой? Кто направил Пекалову к Марку Борисови-

чу? Он известный нотариус, имеет в Питере отличную репутацию, но есть и другие, не хуже его.

«А Сасунян? Разве он не загадка? Так ли уж случайно он попал ко мне на прием? — задалась вопросом Далила и тут же себя осадила: — Да что это я, Сасунян муж Людмилы. После истории с Соболевой¹ мне везде мерещатся заговоры. Коли так, то против меня должна быть Галина, моя Галина. Ведь это она рассказала о проблемах Людмилы и толкнула меня к ней пойти».

Далила себя «успокоила»: «Если моя простодушная Галка в заговорщицу превратилась, тогда я точно схожу с ума. Анфиса ко мне забрела случайно. В жизни и не такие совпадения приключаются, мне ли об этом не знать».

И все же Самсонова заглянула к нотариусу:

— Марк Борисович, вы не припомните, Пекалова составляла у вас завешание?

Нотариус подтвердил:

— Анфиса Пекалова, да, составляла. Я кабинет закрывать собирался, она слезно просила. Пришлось задержаться, хоть я и спешил.

— И задержались вы не напрасно. Анфиса Пекалова в тот же день умерла. Точнее, погибла, — сообщила Далила.

Марк Борисович отшатнулся:

— Что вы говорите! Молодая красивая девушка! Я не знал. Наследники не объявлялись еще. И когда это произошло? — рассеянно спросил он и сам же ответил: — Ну да, вы же сказали, в тот самый день. Я, правда, не помню числа. Когда это было?

— Шестого.

¹ Об этой истории можно прочитать в книге Л. Милевской «Мужской гарем».

— Недавно совсем.

Марк Борисович выглядел очень растерянным. Далила его состояние объяснила щекотливостью ситуации. С одной стороны, он Самсонову уважает, но все же боится бестактных вопросов.

Если Марк Борисович и боялся вопросов, то напрасно. Далила не стала интересоваться содержанием завещания. Она лишь спросила:

— А вы не в курсе, кто Пекалову к вам направил?

— Нет, не в курсе. У нас не обнаружилось общих знакомых. Девушка была подавлена и немногословна. Мне показалось, она тоже спешит.

Толком ничего не узнав, Далила собралась уходить. Марк Борисович вздохнул с облегчением, когда Самсонова взялась за ручку двери, но она вдруг спросила:

— А вам не знаком Карапет Ашотович Сасунян?

— Нет, не знаком, — глухо раздалось в ответ.

Оглянувшись, Далила прочитала испуг в глазах Марка Борисовича и скрепя сердце пошла на бестактность.

— Сасунян упомянут в завещании Анфисы Пекаловой? — спросила она.

— Простите, но я не могу вам сказать. Это тайна, — виновато пробормотал Марк Борисович.

— Значит, да, — поникла Далила. — Анфиса завещала все Сасуняну. Интересно, много ли у нее добра?

Нотариус помрачнел.

— Простите, я не права, — образумившись, извинилась Самсонова и стремительно вышла из кабинета.

Марк Борисович проводил ее задумчивым взглядом. Испуг надолго поселился в его глазах.

А Далила села за руль «Форда» и призадумалась: «Куда ехать?»

Домой не хотелось. На сердце печаль и тревога. В таких случаях она отправлялась к подругам: особенно помогала Галина.

«Рассказать Семеновой о том, что я подозреваю в убийстве Анфисы мужа нашей Людмилы? — спросила себя Далила и содрогнулась: — Этого делать нельзя. Как нельзя оставаться одной. Я стала свидетелем проблем школьной подруги, есть над чем призадуматься.

А Людмилу как жалко!

Теперь мыслями себя изведу, не засну без снотворного, а завтра у меня два сложных сеанса. Я должна быть в отличной форме. Поеду-ка в клуб, к Елизавете...

Да, Бойцова — правильный выбор! Вот кто прольет мне на сердце бальзам, вот кто дурные мысли развеет и направит на верный путь», — с усмешкой симпатии заключила Далила.

Однажды в одной «умной» книге она с ужасом обнаружила совет так называемого модного психоаналитика. Раскрученная прессой полуграмотная дамочка пафосно призывала: «Женщины, берегитесь подруг! Все беды только от них!»

Далее эта дамочка щедро делилась опытом потерпевшей. По ходу она давала советы, как покрепче ухватиться за «штаны» и как отгонять от этих драгоценных «штанов» всех женщин мира. По ее, выходило: женщина рождена не для жизни, а для борьбы за мужчину.

Самсонова представила себе существование несчастной, решившейся следовать подобным советам. Вот сидит она, одна-одинешенька, вцепившись в муж-

чину, незнамо зачем, а тот, бедолага, рвется к своим друзьям, ведь с ними ему интересней. Но жена его не пускает: «Будешь рядом со мной, негодяй! Не пойдешь!»

Почему «будешь рядом со мной»? Зачем «не пойдешь»? Для чего женщине, как цепной собаке, сторожить мужа? Разве нет у нее своих интересных дел?

Так уж устроен мир: у мужчин свои интересы, у женщин — свои. И все эти женские интересы почему-то ведут женщин к подругам. И в самом деле, не с мужчиной же получать удовольствие, отправляясь разгуливать по магазинам. Не любовнику же рассказывать, какой купальник в бутике тебя поразил. А о бедах своих кому поведать? Неужели мужчине?

Да мужчина умрет от тоски, если женщина заставит его вникать в суть своего внутреннего состояния, в тот мир, куда с удовольствием погрузится любая подруга.

Как эксперт межличностных отношений Самсонова убеждена: подруги благо. Женщины знают друг дружку лучше, чем их родные мужья. Так от кого, в таком случае, быстрее получишь поддержку, сочувствие и совет? Разумеется, от подруги.

Другое дело, что надо уметь подруг выбирать. И нужно уметь выбирать, к какой подруге пойти с наболевшим. Хорошие подруги — бесплатные психоаналитики. И в ситуации разберутся, и помогут снять стресс, и дадут дельный совет. Подруги полезны для сохранения жизненного баланса. Мужчины приходят и уходят, а хорошие подруги остаются. И потом, без подруг очень скучно, ведь мужчины (порой) такие зануды. Что у них на уме: автомобили-оружие-политика и кроссворд-рыбалка-выпивка-секс.

Женщины значительно многообразней — так считала Далила.

Однако до Елизаветы Бойцовой она не доехала. По дороге решила, что и Лизе нельзя всего рассказывать. Слишком деликатное дело: замешан муж школьной подруги, а мир, как известно, тесен. Сасунян бизнесом занимается. Елизавета Бойцова — тоже. Вдруг они пересекались уже?

«Куда в таком случае ехать?» — растерялась Далила.

Отправляться домой категорически не хотелось. Подсознание предательски выплеснуло имя бывшего мужа: «Матвей!» Вот кому (когда-то!) доверяла самое тайное.

А потом сколько слез пролила, вспоминая минуты той близости. Из-за этих минут предательство мужа становилось невыносимо мучительным.

«Матвей будет рад, если ему позвоню, — грустно усмехнулась Далила, — но у него сейчас много работы, жена и ребенок. Он по-прежнему хочет быть моим другом, но в разговоре станет поглядывать на часы и думать о них: о работе, жене и ребенке. И мне станет плохо. Нет, Матвей не годится. Тогда уж лучше поеду домой. Может, Димка, сынуля, от грустных мыслей меня отвлечет».

Далила развернула автомобиль, хотя знала, что отвлечь ее от нахлынувших мыслей одними посторонними разговорами невозможно. Она человек действия, не успокоится до тех пор, пока не найдет решение. Значит, надо искать.

Вдруг ее осенило: «А почему бы не поехать к Людмиле? Не за тем, чтобы о догадках своих рассказать, а за тем, чтобы получить новую информацию. Не нуни же мне распускать, нужно работать».

* * *

Людмила Далиле обрадовалась.

— Как мой Карачка? Рассказывай, что разузнала? Какие сделала выводы? — с ходу атаковала она подругу вопросами.

— Пока ничего не узнала, — уклонилась от ответа Далила. — Информации не хватает. Хочу подробно тебя расспросить, а потом уже делать выводы.

Людмила насторожилась:

— А что тебя интересует?

— Все, что касается бизнеса Карапета Ашотовича.

— Бизнеса? — разочарованно спросила Людмила. — Бизнес-то здесь при чем?

— Может, и ни при чем, надеюсь, сейчас это выясним. Ты упомянула о смерти Рубена. Расскажи подробней, кто он, покойный Рубен?

— Карачкин компаньон.

— И давно он погиб?

— Года, кажется, не прошло. Карачке принадлежит половина их предприятия. Другая половина принадлежала Рубену.

— И кто же унаследовал его половину? — спросила Далила, подавшись вперед.

Людмила дернула себя за нос и зло сообщила:

— Анфиска наследница.

Далила едва не вскрикнула, но удержалась и невозмутимо спросила:

— Что за Анфиса?

— Невеста Рубена, — вздохнула Людмила. — Анфиса Пекалова.

Далила подумала: «Сасунян и здесь мне солгал. Даже его жена знает фамилию Анфисы, как же он умудрился забыть фамилию своей компаньонши?»

Глава 13

— Выходит, Карапет Ашотович почти год сотрудничает с этой Анфисой? — спросила Далила.

Людмила презрительно фыркнула:

— Да как с ней сотрудничать, если она в бизнесе ни бум-бум. Просто овца. Анфиса откуда-то из глубинки, а тут нужны связи. Да и глупая еще она. Девчонка совсем, не шиша в жизни не понимает. Карачка платил ей проценты какие-то с дела, она и рада была.

Самсонова осторожно осведомилась:

— А чем занимается эта Анфиса?

Людмила презрительно фыркнула:

— А фиг ее знает. Очень она мне нужна. Я ее ни разу не видела.

— Разве невеста Рубена не была на похоронах своего жениха? — удивилась Далила.

— Была. Там-то все о ней и узнали. Эта невеста свалилась на нас, словно снег на голову.

— Да-а? А как думаешь, что заставило Рубена скрывать невесту от лучшего друга?

— Вот уж не знаю, — пожала плечами Людмила и, горько усмехнувшись, предположила: — Рубен был так себе внешне, а Карачка мой кобель и симпатяга. Может, поэтому Рубеша и не спешил показывать свою красотку-Анфису. На похоронах она, конечно, была. Там с ней Карапет и познакомился, да меня на тех похоронах не было. Я с Маришей на даче у мамы застряла. Отец приболел, пришлось за ним ухаживать.

— А Миша Калоев с Мариной были на тех похоронах? — спросила Далила.

Людмила потрясла головой:

— Нет, Марина сама не пошла, и Мише идти запретила.

— Почему?

— Я же говорила, она враждовала с Рубеном.

В беседе с подругой Самсонова надеялась развеять страшную версию, но полученной информации хватило как раз на то, чтобы утвердиться в возникших ранее подозрениях: муж Людмилы — убийца Анфисы Пекаловой. И даже хуже: если до этой беседы были лишь голые подозрения, жидко замешенные на любви, то теперь вырисовывался и материальный мотив.

Далиле стало очевидно: о том, что Анфиса любовница Миши Калоева, Людмила не знает, как не знает о том, что и Карапет состоял с девушкой в связи.

Сделанное открытие лишило Самсонову равновесия.

— Что с тобой? — удивилась Людмила, взглянув подруге в лицо. — Ты какая-то стала зелененькая.

— Ой, Люсь, что-то мне плохо, — артистично простонала Далила. — Я, наверно, лучше пойду.

— Да куда ты такая пойдешь? — всполошилась Людмила. — Никуда я тебя не пущу! Говори, что у тебя болит?

— Ничего не болит. Просто слабость. Кажется, я сегодня не ела, — пролепетала Далила, ругая себя за отсутствие изобретательности.

Маневр не удался. Людмила легко отразила ее неуклюжий ход, строго постановив:

— Сейчас я тебя накормлю.

Пришлось Самсоновой отправляться в столовую нахваливать плов.

Впрочем, плов действительно был ароматным и вкусным — Людмила, под стать своему Карапету, мастерица во всем. Далила ела, нахваливала и размышляла.

«Совершенно очевидно просматривается трезвый расчет Сасуняна, — раскладывала она по полочкам полученную информацию. — Как только Карапет Ашотович выяснил, кому досталась доля Рубена, он кинулся утешать невесту покойного. Такие, как Сасунян, утешают женщин в постели. Туда он Анфису и уложил.

Похоже, Пекалова не из тех, кто слишком сопротивляется.

Но зачем он передал ее Михаилу?

Или не передавал? Или Анфиса сама к Михаилу ушла?

Возможно. Сасунян к победам привык. В поражении на любовном фронте он вряд ли признается.

— Как там Галка? — впелся в мысли Далилы вопрос. — Ты ее видела?

— Да.

— Что «да»? — рассердилась Людмила. — Как она? Почему не заходит?

— Что?

— Да она не слышит меня! О чем это ты так сильно задумалась?

— Так, ни о чем, — встрепенулась Далила и отмахнулась: — У Галки полный порядок.

— Мне так не показалось.

— Да, Семенова в последнее время странная, совсем на себя не похожа, — машинально согласилась Далила, собираясь отдаться своим прежним мыслям.

Но как бы не так: Людмила немедленно подхватила:

— Вот именно, Галка в последнее время странная. Она тебе говорила про Голос?

Самсонова удивилась:

— Про какой еще голос?

— Ну, как же, второй год ей звонит незнакомый мужчина. Сначала в трубку дышал, потом заговорил. Галка уши мне все протрещала, что у нее телефонный роман, а потом вдруг как отрезало. Расспрашиваю ее, Галка отмалчивается, а ведь раньше о нем болтала без умолку. А теперь она и вовсе пропала. Я думаю, это связано.

— Связано с чем? — удивилась Далила.

Людмила всплеснула руками:

— Ты меня что, совсем, подруга, не слушаешь? Семенова стала реже ко мне забегать, потому что я пытаюсь у нее про Голос.

— А ты не пытайся.

— Я так не могу. У Галки девочка подрастает, ребенку срочно нужен отец. Кстати, а ты почему одна до сих пор? Почти два года прошло, как вы разбежались с Матвеем. Пора бы уже.

Далила опешила:

— Ты о чем?

— Ну, заладила! — рассердилась Людмила. — «С чем» да «о чем»! Спрашиваю открытым текстом: почему замуж не выходишь? Ты что, по-прежнему любишь Матвея?

— С чего ты взяла?

— Не я взяла, а Галка.

— Ну, Семенова! Сплетница! Я ей задам, — возмутилась Далила.

Людмила осадила подругу:

— Да погоди ты, задаст она, быстрая. Семенова испереживалась вся за тебя. Я, кстати, тоже переживаю. Как вспомню, какая красивая пара вы были с Матвеем... Ах! Знаешь, — подмигнула она, — сейчас

уже в прошлом, скажу: и я ведь была в него влюблена. Честное слово!

Самсонова рассмеялась:

— Нашла чем удивить. Все девчонки были тогда влюблены в моего Матвея.

— Точно. Даже наша первая красавица, Машка Степанова, помнишь? И та была в него влюблена, а он глазами на всех-то постреливал, но гулял только с тобой. Удивляюсь, как ты его подцепила? Это сейчас ты расцвела, а тогда была худюшая, аж страшно смотреть. А ну, Далька, колись, чем ты красавца взяла?

— Ребеночка родила, — отмахнулась Далила и, хмурясь, добавила: — Сдуру, в четырнадцать лет. До сих пор за глупость свою расплачиваюсь.

— Да-а, — простонала Людмила, — здорово ты тогда всех удивила. Учителя в один голос взвыли: «В тихом омуте черти водятся!» Но Матвей тебя сильно любил. Он и сейчас тебя любит. Галка твердит: «Стоит Дальке пальцем его поманить, Матвейчик с радостью прибежит».

Далила пожала плечами:

— Возможно, она и права.

— Что ж не манишь? Вижу, ты его тоже любишь.

— Я? Матвея? — поразилась Далила.

Изумленно уставившись на подругу, она сердито спросила:

— С чего ты взяла? Я его ненавижу, предателя.

— А тогда почему фамилию не меняешь? Ты же Петрова была. Если Матвей тебе ненавистен, зачем его фамилию сохранила?

— Из корыстных соображений, — вяло пояснила Далила. — Во-первых, не хочу быть с сыном на разных фамилиях.

— Ладно, — согласилась Людмила, — ответ принимается. А во-вторых?

— А во-вторых, дверь менять не хочу.

Подруга опешила:

— Какую дверь?

— Дверь офиса моего, — усмехнулась Далила.

— А какое отношение дверь имеет к Матвею?

— Самое прямое. На ней барельеф дорогой: девушка состригает волосы у спящего гиганта. А под барельефом табличка: *«Далила — героиня библейской легенды — очаровала Самсона и, выведав, что тайна его силы в длинных волосах, обрезала их, когда он спал. Обессиленный таким образом Самсон был взят в плен врагами.*

Ваши враги — ваши желания и привычки, которые зачастую лишают вас последней надежды на счастье. Как с ними справиться, знаю я, психоаналитик Далила Самсонова». Последнее — жирным шрифтом. Ну, как?

— Отпадно, — оценила Людмила.

— Сама видишь, как выгодно я использовала удачное наложение имени на фамилию. Как тут менять?

— Да, такую фамилию и я, пожалуй, оставила бы. Но дело ведь не только в фамилии. Матвейчик любовь твоя первая...

— Которая не стала последней, — поспешила закончить мысль подруги Далила.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Людмила. — Столько лет душа в душу прожили, сына ты ему родила. А что такое эта его Ирина? Тыфу! Сколько лет он знает ее? Галка сказала, что женился Матвей только из мести, тебе назло. Ты ему с Иркиным мужем с этим, как его...

— С Козыревым, — подсказала Далила.

Людмила вдохновенно продолжила:

— Да, ты ему с Козыревым изменила, Ирка тебя сдала, вот Матвей на ней и женился¹. И Ирка не любит Матвея, и он не любит ее. Она своему Козыреву отомстила, Матвей тебе отомстил, и оба опомнились, а у них уже брак, ребеночек. Что, разве я не права?

Далила грустно кивнула:

— Кое в чем, похоже, права.

— Вот и скорей Матвея прощай. Хватит, помучила, и сходитесь. Он хороший мужик, такого не грех и простить. Я вон своего кобеля прощаю, и ничего. Живу ради дочки, да еще за него и борюсь, всяких баб отгоняю. Ох, будь он неладен, — ругнулась Людмила и, жалобно глядя подруге в глаза, с надеждой спросила: — Далька, как думаешь, на этот раз у меня получится вернуть Кару в семью? Бросит он эту свою Марину?

— А стоит ли его возвращать? — смущенно спросила Далила и скалambuрила: — Жизнь с твоим Карой становится слишком похожа на кару божью.

— А что делать, если люблю? И знаешь, иногда даже счастлива.

Далила ласково попросила:

— Люсь, а давай спецкурсик пройдем, а? Честное слово, я с тобой поработаю, и всю любовь к Карачке снимет, словно рукой.

— Зачем это? — отшатнулась Людмила. — Да я лишь благодаря любви этой и могу еще как-то его выносить! Если б не эта любовь, точно прибила бы кобеля!

— Да зачем его прибивать? Разведись.

— Умная ты, «разведись»! Развестись проще все-

¹ Подробнее об этой истории можно прочитать в книге Л. Милевской «Мужской гарем».

го, а кто нас с Маринкой будет кормить? На мою зарплату не пошикуешь, а я привыкла жить в комфорте, в достатке. Нет, ты мне Карачку сохрани, а я уж как-нибудь с ним помучаюсь. Лет десять осталось.

— Почему — лет десять? — поразились Далила.

Людмила с надеждой призналась:

— Через десять лет ему стукнет полтинник. Уж к этому возрасту, думаю, угомонится, зараза. А нет, так я импотенцию на него нашлю. В пятьдесят импотенция не такая уж редкость.

Самсонова предупредила:

— Смотри, Люська, импотенты злые-презлые.

— Ничего. Я как-нибудь потерплю. Все лучше, чем от разных нехороших болезней лечиться. Одним СПИДом еще не болела, а так уже от всего лечилась, благодаря ему, кобелю.

— Ты-то потерпишь, да потерпит ли он? — скептически осведомилась Далила.

Людмила насторожилась:

— А что?

— Ранняя импотенция частенько ведет к гомосексуализму, что в наше время даже и модно.

— Да ты что! — всплеснула руками Людмила и, нервно дернув свой нос, поразились: — Ну, ты погляди! Никакого сладу нет с этими мужиками! А еще говорят: или забор забей, или кобеля убей. Выходит, теперь уж и забор забивать бесполезно. Этот кобель и хозяина трахнет. Да-а, осталось одно: убить кобеля!

— Что ты болтаешь? — испугалась Далила.

Людмила, зло сощутив глаза, задумчиво уставилась в пол:

— Что думаю, то и болтаю. Иной раз так разозлит, что и бога попросишь: «Хоть бы сдох родной муже-

нек!» Здоровье и молодость ему отдала, а теперь он к другой уйдет, а я нищей останусь.

Сердце Далилы сжалось: «Похоже, Люська близка к отчаянию».

Глава 14

Домой Далила вернулась в ужаснейшем настроении. Сбрасывая на ходу туфли, она устремилась в свой кабинет. Не присаживаясь к столу, стоя, торопливо набросала схему, созревшую по дороге, и ахнула. Рас-терян-но, почти вслепую нащупала кресло руками, осела в него и призадумалась: «Как теперь быть?»

Выходило нечто ужасное. Смерть Рубена явилась для Сасуняна большим горем. Мало того, что друг погиб и Сасунян лишился помощника, к тому же появилась нахлебница: Анфиса Пекалова.

Пришлось Карапету Ашотовичу за Пекаловой приударить. И все бы пошло хорошо, но Анфиса (скорее всего случайно) познакомилась с Михаилом и влюбилась в него. Любовь оказалась взаимной.

Михаил Калоев, может, и в самом деле был ленив, но определенной хваткой он, видимо, обладал. Иначе как бы ему удавалось, не напрягаясь, удерживать свою фабрику в процветающем состоянии. Судя по всему, Михаил умел, образно выражаясь, держать руку на пульсе.

И вот такой Михаил полюбил провинциалку Анфису. Основательно полюбил: дом в курортной зоне тому доказательство. Следовательно, Калоев и присматривал за долей Анфисы в деле Карапета Ашотовича. Под неусыпным взглядом Калоева Сасуняну пришлось делиться с Анфисой по-честному.

В конце концов ему это надоело. Сасунян затеял игру. Он умеет быть душкой. К тому же Анфиса его

променяла на Михаила, следовательно, испытывала перед Сасуняном чувство вины. Поэтому он легко втерся к Анфисе в доверие, наверняка «разбитое сердце» перед ней изображал, полное благородства. Известные речи: «Буду вечно любить, все простил, не в обиде, счастлив тем, что ты счастлива, живи и люби, я всегда рядом, мне и этого хватит».

Какая женщина не мечтает о верном и благородном паже? Он обожает ее, вздыхает, заботится, не требуя ничего взамен.

Разумеется, Анфиса доверяла Карапету Ашотовичу: благородный, солидный, умный и честный — отличный друг.

О том, что Пекалова считала Сасуняна единственным своим верным другом, свидетельствует завешание.

Далее, пользуясь расположением девушки, Карапет Ашотович начал настраивать Анфису против любовника. Наверняка это было непросто, но в конце концов он каким-то неведомым образом Пекалову убедил, что Михаил хочет ее убить.

Здесь Далила припомнила слова покойной Анфисы. «Есть у меня друг, — сказала девушка, — друг сначала не верил, а потом, когда я те грибочки ему дала, он поверил. На экспертизу грибочки отнес. А затем и мороженое, точнее, ту лужу, что от него осталась. И выяснилось, что и там, и там яд...»

Скорей всего Карапет Ашотович и был тем «сердобольным» другом, сам он и инсценировал отравление. Зачем? Видимо, Сасунян рассчитывал, что Анфиса по-женски будет делиться своими страхами с подругами и знакомыми. Это в последующем (когда понадобится Сасуняну) бросит тень на Михаила Калоева. Все будут знать, что Калоев травит любовницу.

Сразу припомнились другие слова Анфисы. Ко-

гда Далила спросила, что говорит отравитель-жених, чем он недоволен, почему травит невесту, Анфиса воскликнула:

— Я не сошла с ума об этом с ним говорить. Он не за тем меня травит, чтобы мне же потом каяться. Я травлюсь и делаю вид, что не вижу, не понимаю.

— Почему вы так глупо себя ведете? — поразились тогда Самсонова.

И Анфиса ответила:

— Чтобы он одумался и меня пожалел.

Видимо, Сасунян и убедил Анфису молчать. С одной стороны, он ее убеждал помалкивать про отравление, ни в коем случае не упрекать Михаила, но с другой стороны, советовал бросить его. Сасунян отлично знал, что впустую дает советы, он знал, что Анфиса скорее умрет, чем бросит своего Михаила.

Согласитесь, такая преданная любовь не может не раздражать, если она направлена не на вас. Особенно когда на вашем любовном фронте одни поражения: жена сохраняет брак лишь из-за денег, любовница охладела и презирает, и даже провинциалка-Анфиса и та предпочла не его. У Михаила же все наоборот: и жена при нем, и любовница, и с работой напрягаться совсем не приходится — удача во всем.

У Сасуняна были причины ненавидеть лучшего друга. Когда стало очевидно, что план его удался, что Анфиса усомнилась в чувствах Калоева, что она нервничает и уже на пределе, тогда-то Сасунян и заспешил. Он выбрал удобный момент, убил девушку и подставил лучшего друга.

Слабохарактерный Михаил Калоев скорей всего паникер. Когда он, по обыкновению, в пятницу поздно вечером приехал к любовнице, собираясь там заночевать, Анфиса уже была зверски убита. Увидев истерзанное тело Пекаловой, Калоев испугался до ман-

дража и, паникуя, решил спешно бежать — иначе посадят. Поэтому он и провел ночь на фабрике: срочно приводил в порядок дела.

Тут-то и позвонил ему Сасунян. Чем уж он его припугнул, не известно, но Калоев окончательно понял: в смерти Анфисы обвинят не кого-нибудь, а только его. В ужасе Михаил вызвал свою Марину: он привык рассчитывать на поддержку жены. А Марина Калоева позвонила Карапету Ашотовичу, она привыкла рассчитывать на него, друга всех женщин.

Сасуняну же только того и надо. Он нацелился одним махом и от компаньонши Анфисы избавиться, и от соперника Михаила, и возлюбленную Марину Калоеву заполучить. Он, Карапет Ашотович, верный друг и поклонник Калоевой, опять оказался у нее под рукой. И не сложно представить, как отнесется женщина к мужу, узнав, что тот ей изменял, дом любовнице в элитном курортном районе купил, а потом забил девушку до смерти.

Судя по всему, Михаил все это себе представил. Одинокое сидя в своем кабинете на фабрике, он такое «кино» в голове прокрутил, что как-то сама собой отпала надобность в жизни. Михаил приговорил себя к смертной казни. Увидев же из окна своего кабинета в дверях проходной Сасуняна и супругу Марину, он с перепугу приговор свой немедленно привел в исполнение: застрелился.

Про измену мужа Марина Калоева скорей всего узнала лишь после его смерти. Тогда же узнала она и о том, как страшно погибла Анфиса.

Вот тут-то и просчитался хитрец Сасунян.

Во-первых, Марина догадалась, кто познакомил ее мужа с Анфисой, невестой Рубена. Ведь Рубен друг и компаньон Сасуняна, а вовсе не Михаила.

Во-вторых, она отлично изучила своего мужа, по-

этому не могла поверить в то, во что охотно поверили все. Скорей всего Марина убеждена, что Михаила убил тот, кто убил Анфису. А кому выгодна смерть Анфисы?

Возможно, Марина подозревает Карапета Ашотовича. Этим и объясняется ее холодность.

Этим и объясняется сонливость Марины, которая так раздражает Людмилу. На самом деле подобная сонливость вовсе не говорит о циничном равнодушии вдовы, это признак крайнего нервного истощения. В один миг Марина все потеряла: мужа, друга, поклонника... Даже иллюзии. Жизнь ее изменилась круто и неожиданно. Она не знает теперь на кого положитьсь. Ей страшно. Сасунян, тот, кого она считала другом и верным любовником, оказался врагом и убийцей.

И еще раз Карапет Ашотович просчитался: слишком приручил он свою жертву, Анфису. Перестарался. Не смог Сасунян своей низкой душонкой предугадать высокого порыва, на который оказалась способна Пекалова. Совершая благородный поступок, оставляя Сасуняну наследство, девушка невольно за себя отомстила. Ведь Карапет Ашотович попадет под подозрение сразу же, как только откроется, что он наследник Анфисы. Наследство — отличный мотив для убийства.

Вот такая история.

Глава 15

Случилось то, чего боялась Далила: ночью она плохо спала. Долго вообще не могла уснуть, лишь закрывала глаза, видела заплаканное лицо Анфисы, молящей о помощи.

«Девушка была напугана, а я ей не помогла, — ру-

гала себя Далила, — а ведь она звала меня. Прояви я сочувствие, и Анфиса была бы жива».

Как и предполагала Далила, на следующий день она в своем кабинете дремала — оказалась не в той форме, которой требовали сложные пациенты. И Куськина мать к ним в придачу.

Однако в этот раз Генриетта Карловна была необычайно скромна, молчалива и даже задумчива. Самсонова добросовестно пыталась ее разговорить, выводя на тему «Он, Изверг, сосед», но Куськина вдруг заявила:

— Ах, Далила Максимовна, не стоит пока обо мне.

Самсонова ушам своим не поверила.

— Почему? — поразилась она.

— Потому что я прежде решила отплатить вам добром за добро, — с патетикой воскликнула Куськина, придушивая в объятиях свою несчастную собачонку.

Впрочем, безразличная ко всему собачонка на смертельность объятий не обратила внимания, она мертвецки спала. А вот подремывающая Самсонова мигом проснулась. Она уставилась на Генриетту Карловну и настороженно осведомилась:

— Каким образом вы собираетесь отплатить за мое добро?

Куськина с гордостью возвестила:

— Заметив, что вас интересует гибель Анфисы, я провела тщательное расследование.

— И что же?

— Девчонку убила женщина.

— Женщина?! — поразилась Далила.

Генриетта Карловна погладила собачонку и царственным кивком подтвердила:

— Именно.

— И как же вам удалось это узнать?

— Помните, я вам рассказывала про этот ужасный случай? Ах, я даже краснею, когда говорю про него.

— Про какой, простите, случай вы мне рассказывали, — спросила Самсонова, с трепетом осозная, что ужасного случая-то как раз и не помнит.

А помнить должна бы: Куськину мать трудно в краску вогнать.

Генриетта Карловна разобиделась.

— Ну, Далила Максимовна, ну как же могли вы забыть? — с укором спросила она, нервно тиская свою сонную собачонку. — Согласитесь, не каждый день с благородными дамами такие конфузы случаются.

В этом месте собачонка проснулась, с презрением глянула на хозяйку и погрузилась в безразличную дрему опять. Самсонова с трудом скрыла улыбку.

— Не каждый день с благородными дамами конфузы случаются, — на всякий случай подтвердила она, имея надежду в процессе узнать, что за конфуз постиг Генриетту Карловну.

Та же вводить ее в курс дела не спешила: более того, она начала делиться нахлынувшими вдруг впечатлениями.

— Ах, лицо даже горит! До сих пор хожу как в тумане! А как тогда, утром, мне было стыдно! — закатывая глаза, призналась Куськина и страстно чмокнула в закудрявленный лоб свою собачонку. — Стыдно и противно до мозга костей! — неистово заключила она.

Самсоновой, и как «инженеру человеческих душ», и как обычной женщине, стало понятно: вспоминает об этом стыде Куськина с тем озорным удовольстви-

ем, с которым приличные дамы совершают постыдное, но очень приятное.

— Так что же с вами случилось? — спросила она, рассчитывая на откровенность, на которую Генриетта Карловна никогда не скупилась.

— Ах, Далила Максимовна, — игриво погрозила пальцем Куськина мать, — вы настоящая женщина!

Самсонова не отпиралась.

— Очень на это надеюсь, — сказала она, — но хотелось бы знать, что дало тому подтверждение. Что навело вас на эту очевидную мысль?

Генриетта Карловна капризно пожаловалась:

— Только настоящая женщина умеет по-дружески мстить. Признайтесь, я вам надоела?

У Самсоновой едва не сорвалось с губ: «Еще как надоели!»

Слава богу, Куськиной было не до нее. Она тут же с укоризной воскликнула:

— Вы хотите заставить меня второй раз рассказать ту гадость, которая со мной приключилась. Это жестоко! — с пафосом заключила она и прозаично добавила: — Но ради вас расскажу.

— Да нет же, я не хочу, — простионала Далила. — Вы можете всего лишь напомнить тот день, когда с вами, простите, приключилась та гадость.

— Гадость приключилась как раз в тот самый день, когда погибла Анфиса, но сразу вам рассказать я не могла. Мы долго не виделись. Не по вашей, не по вашей вине, — торопливо добавила Куськина.

Самсонова в счастье свое не поверила и мысленно поразилась: «Мы с ней долго не виделись? Неужели такое было? Когда? Что-то я не заметила».

Генриетта Карловна между тем со смаком продолжала:

— Но как он меня измотал, негодяй! Как измотал! Бессовестно мной, мерзавец, попользовался!

— Да о ком вы? — удивилась Далила. — Неужели об Изверге? Вы о своем ловеласе соседе?

Генриетта Карловна ошалела:

— Что? Совсем не помните? Ничего?

Впрочем, на смену осуждению явилось сочувствие. Куськина мать посетовала:

— У вас и без меня много дел, я сама виновата, не слишком подробно вам рассказала. Но все же достаточно, чтобы понять. А поняв, вы бы запомнили, — все же не удержалась от упрека она.

«Бог мой, — испугалась Далила, — она мне что-то рассказывала, и наверняка очень подробно. Иначе она не умеет. А я ничего не помню. Как такое возможно? Видимо, это было в тот день, когда мне приснился кошмар с Анфисой. Тогда я была сама не своя и Генриетту не слушала, а она пришла возбужденная. Так что же с ней приключилось?»

Далила с улыбкой заверила:

— Разумеется, я все помню. Разве это можно забыть?

— Ну, слава богу, — с облегчением рывкнула Куськина и с напором добавила: — Но, если вы, конечно, не против, я опять расскажу.

— Разумеется, для этого я здесь и сижу.

Генриетта Карловна затрясла головой:

— Да-да, вы лучший в Питере специалист. А у меня в связи с этим случаем возникли странные ощущения. Хотелось бы в них разобраться.

— Давайте разберемся, — согласилась Далила, приобретая суперрабочий вид.

Она придвинула к себе блокнот, водрузила на нос очки и приготовилась слушать.

Генриетта Карловна вдохновенно открыла рот,

но тут же снова его закрыла. У Далилы в глазах появился вопрос, на который Куськина ответила незамедлительно:

— Чтобы потом не забыть, хочу сначала вам пересказать все приметы убийцы.

— Да-да, — закивала Далила. — Перескажите, пожалуйста.

И Куськина пересказала:

— Высокая, стройная, длинноногая женщина лет двадцати пяти тире тридцати. Что еще? Да, с пышным кобыльим хвостом на затылке. Волосы светлые. Подкатила к ограде на новеньком белом «Опеле», но была в фартуке и домашнем халате. Ворвалась в дом Анфисы как фурия, следом раздались страшные вопли. Утром мою соседку убитой нашли.

— Кто нашел? — севшим голосом спросила Далила.

— Домработница и нашла, — победоносно сообщила Генриетта Карловна и добавила почти радостно: — Я уверена, та, светловолосая, Анфиску и грохнула.

«Светловолосая, высокая, стройная, длинноногая, лет двадцати пяти тире тридцати, с пышным кобыльим хвостом», — пронеслось в голове у Далилы.

Это были приметы подруги Людмилы. Одна к одной. Даже марка машины совпала, белый новенький «Опель» — подарок мужа. И фартук. Дома Людмила ходит в халате с огромными бирюзовыми пуговицами. И в фартуке.

Самсонова оцепенела.

— А теперь я расскажу, как мне достались эти приметы, — воскликнула Генриетта Карловна, чрезвычайно довольная испугом Далилы.

Глава 16

Занудливая и частенько откровенно противная Куськина вызывала у Далилы сочувствие, поэтому она ее и терпела. Счастливая безоблачная молодость Генриетты Карловны пролетела, на смену ей приплелась угрюмая старость, затянутая тучами одиночества, страхов, болезней. Появилось все то, к чему не привыкла удачница Куськина. Пришлось привыкать.

Привыкала она тяжело. Былая краса улетучилась вместе с поклонниками — и лифтинг не помогал. Богатый и любящий муж отошел в мир иной. Его капиталы в руках Куськиной не удержались, пришлось цепляться за сына. Купаясь в мужском обожании, дружить она не научилась. За 58 лет жизни интересного дела себе не нашла. Профессии не приобрела, зато обогатилась дурными привычками. Ломалась, кокетничала, безудержно молодилась, рылась в своей зудящей душе — чудачествовала напропалую.

Глядя на Генриетту Карловну, Далила порой изумлялась недалёковидности мнения, бытующего в нашем обществе.

«Вот она, по обывательским меркам счастливая женщина, — размышляла Далила. — Кто ей не позавидует? Действительно, жизнь прожила, наслаждаясь, зато к старости оказалась совсем не готова. А почему?»

Потому что внутри пустота. Как мы любим себя? Любовью других.

А когда другие перестают нас любить, что остается? Остается наша любовь к другим. Ею живем. И потому нас продолжают любить, значит, жизнь проходит удачно, несмотря на возрастные проблемы».

У Куськиной не было особых проблем, кроме

той, что Куськину никто не любил, даже сын. Сын Генриетту просто боялся. Она пыталась заполнять душевную пустоту, пыталась сама себя полюбить с тем пылом, с каким когда-то любили ее мужчины. Однако зря старалась заменить мужскую любовь лифтингом и эгоизмом, лишь скучала и злилась.

Куськина была из «плеяды» женщин, у которых вместо души мужчина. Что бы ни делала подобная дама, все сводится к одному: к нему — к господину-рабу, к царю природы, к мужу, к любовнику, к ухажеру. Там, где он, там и жизнь, а без него пустота. Такие женщины и детей рожают, чтобы удержать своего раба-господина. И любят потом этих детей вместо своего господина-раба, потому что сам господин-раб оказывается для любви не пригоден. Как господин, он угнетает, а как раб, позорно бежит. И в основном к другим, чужим женщинам.

Когда-то Куськиной сильно везло: у нее был высокопоставленный господин и много-много рабов. Но теперь Куськина осиротела: осталась без господина и без рабов. Жизнь ее утратила смысл.

Она попыталась превратить в господина своего невзрачного сына, но в нем оказалось слишком много раба. Не получая достойного сопротивления, Генриетта Карловна презирала сына и мучила. И добились того, что раб взбунтовался, отыскав себе другую хозяйку, гораздо добрей.

В такой вот кульминационный момент появляется на арене жизни поверженной Куськиной Изверг, Он и сосед в едином лице.

Он очень похож на Куськину. Удачлив, красив, обласкан обществом и судьбой. Пообносился слегка в гулянках и постарел, но по-прежнему женолюб, жизнелюб и гурман. Он из тех, у кого каждый день заканчивается одинаково — одинаково хорошо. Бань-

ка, девочки, икорка, пивко, рыбалка, охота — все в охоту! «Ах, хорошо! Давай-ка еще!» — вот их девиз. «Жизнь прекрасна!» — это уже их кредо.

Да, Он очень похож на Куськину, но...

Но есть и отличие — трагическое отличие. Он по-прежнему шагает по жизни легко, а она по жизни уже хромает. Ему не страшны импотенция, радикулит, «хандрозы-мандрозы» — бояться некогда, он шагает. Такие, как он, умирают в пути.

А Куськины умирают в постели. Генриетта Карловна уже, как старушка, ползет. Ползет без радикулита и импотенции.

Однажды, измучившись жалобами Куськиной, Далила (сгоряча) ее грубо спросила:

— Да что же вы не слушаете меня, Генриетта Карловна? Что же вы все ползаете по жизни и ползаете? Почему с коленей не встаете?

И Генриетта Карловна прошептала сквозь слезы:

— Деточка, я не ползаю, я крылья свои ищу.

И вот ее крылья нашлись, хоть она уже и не чаяла их отыскать: появился сосед, Он, Изверг и, как его? Педофил — Генриетта Карловна ожила.

Цель возникла!

Куськина мать так давно не целилась в мужские сердца, что поставила на «кобелиной фауне» жирный крест, но (оказывается!) «фауна» на ней этот крест не поставила. Ха! Изверг, сосед — Он таскает к себе моделек-девчонок, а зачем? Чего добивается? Почему он хамит? Хамство — это ли не внимание? А все остальное! Музыку на всю мощность врубает: «попсу», рок-н-ролл, шейк и забытую летку-енку! Бросает мусор, бутылки через забор! Загорает на крыше в чем мать родила! Пользованные презервативы аккуратно развешивает на ее стриженные кусты!

Озорник...

Куськина все подмечает, все понимает, но слышать не хочет, знать не желает — запуталась основательно. В девицу на старости лет превратилась: и хочется, и колется, и мамка не велит, как сказала про мужа Людмила. «Мамка» в данный момент — ее строгий Родитель: ее оскорбленная совесть — оскорбленная возрастом и разгульным соседом. Почему он все еще молодой, когда она, Куськина, старая? Почему он колобродит, гуляет, скачет, распутник, резвым козлом?

После многочисленных рассказов о Нем, Далила спросила:

— Генриетта Карловна, а вам не приходит в голову, что он нарочно все это делает?

— Да только об этом и говорю! — подпрыгнула Куськина, едва не уронив на пол свою безжизненную собачонку. — Нарочно! Конечно, нарочно! Мне назло! На тебе, мол! Получай, старуха!

Далила поправила:

— Нарочно, но не назло. Он старухой вас как раз не считает. Он явно ищет внимания вашего.

Куськина знала это и сама, но признаваться в том не пожелала.

— Не волнуйтесь, внимание я ему щедро даю! — заверила она. — Вчера, к примеру, разбила его окно!

Самсонова ужаснулась:

— Зачем?

— Пускай занавесками пользуется, срамник, если решил поразвлечься при свечах с малолетней девчонкой.

— Но зачем вы туда смотрели, в чужое окно? — поразила Далила.

Генриетта Карловна не осталась в долгу, похлеще ее поразила.

— А куда мне смотреть?! — возмутилась она.

— В телевизор, в книгу, в газету, в журнал...

— Ха! Телевизор, книга, газета, журнал! Набор юной пенсионерки: когда годы уже не те, но вроде не все еще и болит.

Кузькина не лезла за словом в карман.

— По-вашему, я бинокль купила, чтобы смотреть в газету? В журнал? — зло спросила она, после чего Самсонова нужных слов не нашла.

Для Кузькиной, разумеется. Все слова свои Далила понесла подругам, тетушке и племяннику — они ее от Кузькиной разгружали, иначе можно с ума сойти.

— Уже не знаю, что и придумать, — жаловалась она племяннику, Бонду Евгению. — Он, в смысле Изверг... Психологически Он явно лезет в ее постель, а Кузькина, вредина, упирается. Она жаждет его любви и не дает ему себя полюбить. Напротив, дает ему злобный отпор. И что бы я ей ни посоветовала, все делает наоборот. Уже устала ее учить.

Племянник вздыхал:

— Ты учишь такому, что волосы дыбом встают. Даже я, хоть убей, не смог бы воспользоваться твоими советами.

— Да, порой мы учим тому, чего не умеем сами, — соглашалась Далила. — Всегда говорю: к нашим советам нужен огромный совет, как всем этим воспользоваться.

Так родился очередной анекдот племянника — анекдот от Евгения Бонда.

Склочная дама вернулась от психоаналитика и с восторгом сообщает вусмерть запиленному супругу:

— Представляешь, доктор рассказал мне, почему я такая злая, и даже указал, как излечиться!

Муж с надеждой:

— И в чем же дело?

— Оказывается, я совершенно не виновата. Ви-

новаты другие, — радостно поясняет жена. — В детстве меня недостаточно любили родители, воспитатели, учителя. Потом — коллеги, соседи, подруги, ты, дети...

— Короче, как это можно исправить? — деловито перебил даму муж.

Она с восторгом:

— Доктор сказал, что как только меня все полюбят, я стану хорошей и доброй.

Муж с ужасом:

— А этот умник не сказал, как нам умудриться такую злую тебя полюбить?

Но у Генриетты Карловны, против всяческих опасений и анекдотов, произошел в судьбе поворот: это как раз полюбили и злую. Да-да, проклянулись нежные отношения. Проклянулись резко и неожиданно. Он, Изверг, сосед, не выдержал и сам разрешил психологический спор. Разрешил классическим и элегантным маневром: однажды Изверг остановил неистовый визг Куськиной таким же неистовым поцелуем.

— Дура ты старая, — сказал он, когда оба задохнулись и расплелись.

Куськина открыла рот, чтобы опять завопить, но Изверг поспешно добавил:

— И я старый дурак. Уперся и не хочу честно признаться. Клеюсь, как сопливый пацан.

— Признаться в чем? — опешила Куськина, не решаясь поверить в победу.

— В том, что тебя, старую дуру, люблю, — заявил Изверг, нахально осклабясь и по-мальчишески запуская обе руки в карманы спортивных штанов, разумеется, молодежных и стильных.

Он стоял перед ней, развязно покачиваясь на пятках и выставив вперед свой подтянутый спортивный

живот, стоекратно обласканный шальными девицами. На лице его улыбочка хамская, а прищуренный взгляд влюбленно-оценивающе, по-мужски с ее груди на ноги так и скользит. Куськина не устояла, сдалась.

— Чего ты хочешь? — прошептала она.

И он прошептал:

— Сегодня ночью приходи, узнаешь.

Она возьми и скажи:

— Хорошо, я приду.

Он возьми и ответь:

— Смотри, я упрямый.

— Ой ли, — насмешливо усомнилась она.

И тогда он пригрозил:

— Отступать тебе некуда. Если ты не придешь, сам приду.

Куськина не возражала, лишь лукаво пропела:

— Посмотрим.

Легко развернувшись на каблуках, счастливой бабочкой улета в тень сада, она радикулитной спиной и остеохондрозным затылком ощутила его игривый прищур. На этом прищуре на второй этаж (в спальню свою) и взлетела. Устало плюхнулась на кровать и, запыхавшись, охнула — поняла, что не сможет к нему пойти.

НЕ СМОЖЕТ!

«От страха умру! — подумала Куськина, прислушиваясь к биению сердца. — От страха, инфаркта, инсульта, тахикардии или... Что там бывает еще в моем возрасте?»

Придумать причину она не успела: зазвонил телефон. Дрожащей рукой сняла трубку, а там!..

Он: Изверг, сосед!

Смеется:

— Ну что, передумала?

Глава 17

— Это ты, трус, передумал! — прокричала Куськина и отбросила трубку, словно змею.

Но из трубки понесся его нежный голос.

— Все ясно. Перепугалась. Хорошо, сам придю, — по-доброму рассмеявшись, заверил Изверг и ласково, елейно добавил: — Ну, чего ты боишься, глупенькая? Я не кусаюсь.

Генриетта Карловна снова схватила трубку, яростно поднесла ее к уху и гаркнула:

— Да! Я боюсь! Очень боюсь!

— А тебе-то чего бояться, — бросил невозмутимо Изверг. — Это я должен осечки бояться. Осечка — бич нашего возраста.

Куськина, подобрев, миролюбиво осведомилась:

— А девиц своих не боялся?

Изверг ревность ее оценил и радостно рассмеялся:

— А чего их бояться? Девицы, они дурные, неопытные, им халява сойдет, а ты женщина умудренная и с характером. Если выйдет осечка, житья мне не дашь. Знаю, на что иду, потому долго решался.

— Ладно, — зажмурив глаза, выдохнула она. — Приходи, я действительно жду.

— Когда?

Изверг спросил так обыденно, что Генриетта Карловна успокоилась и, осмелев, вдруг призналась:

— Хуже всего, когда это искусственно.

Он согласился:

— И сам непринужденность люблю. Хочешь, придю неожиданно?

— Приходи, но я тебе не открою.

— Как же я попаду? — испуганно спросил Изверг.

«Вот он и мой!» — обрадовалась Генриетта Карловна и сочинила:

— А ты в дверь позвони. Если я на звонок не отвечу, это значит, что дверь открыта. Я в прихожей оставлю свет, а по лестнице тебе придется красться в потемках.

Изверг насторожился:

— Зачем?

— Так романтичней, — заверила Генриетта Карловна, не решаясь признаться в том, что ей попросту стыдно.

Пожилая почтенная дама (в мыслях она уже только так понимала себя) принимает ночью развратника. Да! И где?

В супружеской спальне!

И с какой невероятной целью! Постыдной и ложной!

— Лестница на второй этаж справа, — чувствуя жар в лице и груди, лихорадочно прошептала она. — Поднимайся и сразу налево, первая дверь — моя. Найдешь?

Он рассмеялся:

— Найду! Что-что, а налево ходить я мастак. Пожизненно тренируюсь.

— А сейчас иди к черту! — рассердилась она и повесила трубку.

Бедная Генриетта Карловна обосновалась в спальне с пяти часов вечера. Намытая, распричесанная и подкрашенная, она нервно расхаживала по ковру в своих лучших парчовых тапочках и пеньюаре, надев том поверх пристойной ночной рубашки.

Время шло, а он не шел.

Генриетта Карловна запаниковала и дрожащим пальцем выбила из телефона заветный номер. Когда

он снял свою трубку, она уронила свою. И тут же зазвонил ее аппарат.

— Это ты была? — спросил Изверг.

— Еще чего! — «лягнулась» она.

— Да ладно, я знаю. Чего ты хотела?

Тут-то Генриетту Карловну и накрыло.

— Чего я хотела?! — завопила она. — Это ты, кажется, чего-то хотел!

Изверг развеселился:

— Ты же сама велела прийти неожиданно, вот я и выбираю момент.

— Слишком долго ты выбираешь! — возмутилась Генриетта Карловна и возвестила: — Уже десять часов, а я рано ложусь!

— Да ладно, тебе, — уличил ее Изверг. — Свет порой и в двенадцать в твоей спальне горит.

— Ты собрался ждать до двенадцати? — испугалась она.

Он ее успокоил:

— Зачем впадать в крайности? Я раньше приду. Жди, любимая, жди.

В ответ она с «нежностью» прорычала:

— Жду, старикашечка! Жду!

Повесив трубку, поправила макияж и грустно подумала: «Зря стараюсь. Что он увидит без света? И без очков!»

Генриетта Карловна шелкнула выключателем, спальня погрузилась в сиреневый сумрак: у Изверга лампы в саду были одеты в сиреневые плафоны. В тот же миг погасли и лампы.

Она испугалась: «Зачем он их погасил? Неужели идет? Ко мне? Уже? Ах, я не готова! Я не могу! Не могу я его принять! Что за глупости? Нет-нет! Он не смеет!»

Пометавшись по спальне, она сняла пеньюар и грохнулась на кровать.

В голове панически пронеслось: «Боже, я же вся мокрая! Не мылась с пяти часов! От меня, поди, разит, как от арабского скакуна. И понюхать себя не могу. Так варварски надушилась, что намертво нюх отбила».

Генриетта Карловна вскочила с кровати и с криком: «Надо помыться!» — вынеслась в ванную комнату.

Там звонок в дверь ее и застал. Бедняжку словно током прошло.

«Ужас! Как оно выйдет все? Как он? И как я?» — заметалась она, трепеща и нервно потея.

Звонок повторился, гораздо настойчивей.

Генриетту Карловну вторично прошло: «А вдруг он уйдет?»

Забыв, что обещала ждать и молчать, она свесилась с перил (довольно рискованно) и завопила:

— Открыто!

И на цыпочках шмыгнула в спальню. И на кровать прилегла. И прислушалась.

Из прихожей доносились шаги, неуклюжие, неуверенные. Что-то загрохотало...

Она рассердилась: «Вот слон! Сейчас он развалит там все и перебьет!»

— Чего ты там топчешься? — зло спросила она и строго скомандовала: — Быстро поднимайся вверх!

Вспомнив, что Изверг не привык к подобному обращению и может обидеться, Генриетта Карловна нежнейше добавила:

— Мой дорогой.

Топот, донесшийся с лестницы, ей сказал, что Изверг не обиделся, взбирается и что он на верном пути. Для надежности Генриетта Карловна ласково повторила:

— Дорогой, как поднимешься, дверь налево.

Она вскоре услышала, что Изверг остановился на втором этаже на площадке.

«Сдрейфил», — догадалась она и, осмелев, мило-стиво подбодрила:

— Не стесняйся, входи. Я тебя жду.

Скрипнула дверь, на пороге показался его силуэт.

Генриетта Карловна прошипела:

— Ну что ты стоишь? Я здесь, на кровати.

Ответный шепот спросил:

— Это где? Я не вижу.

— Два шага вправо, три шага вперед и протяни мне, пожалуйста, руку, — уже нежно прошептала Генриетта Карловна, чувствуя, как по ее дрожащему телу прокатилась горячая волна.

Это вселило храбрость. Генриетта Карловна уже ничего не боялась. Он выполнил ее указание: с вытянутой рукой сделал два шага вправо, три шага вперед и оказался в ее объятиях. И ее ночная рубашка была немедленно сорвана — Генриетта Карловна наконец узнала, что находят молодые девицы в его зрелой постели. Это была сумасшедшая ночь.

Сумасшествие длилось почти до утра, пока он не взмолился:

— Все, есть хочу!

Генриетта Карловна потянулась к своему ночнику, но, вспомнив, что прическа ее наверняка утратила привлекательность да и сама она прическе под стать...

— Я сейчас! — вскочила она и на ощупь в утреннем сумраке покинула спальню.

В кухне, пока микроволновка разогревала Извергу завтрак, Генриетта Карловна тщательно себя изучила, обнаружив, что помолодела если и не на десять, то на пять лет уж точно. А может, и на все шесть.

С этой приятной мыслью она вернулась в спальню и нежнейше спросила:

— Дорогой, ты в темноте сможешь есть?

Он смущенно буркнул в ответ:

— Смогу.

И набросился на еду.

Завтрак срубал одним махом и с новыми силами снова завалил даму в постель.

Сумасшествие двух пожилых людей продолжалось до тех пор, пока, истощенные, они не заснули, обнявшись. Засыпали под шепот: объяснялись в любви.

Разбудил Генриетту Карловну телефонный звонок. Она, не отрывая головы от подушки, механически дотянулась до телефона, нащупала трубку, поднесла ее к уху и подскочила, словно ужаленная: это был Изверг. Он виновато промямлил:

— Прости.

— Как это понимать? — возмутилась она. — Почему ты ушел, не простившись?

Изверг смущенно хихикнул:

— Ты все перепутала. Я не уходил.

— Не уходил?!

— Ну да, я не пришел.

Генриетта Карловна поразилась:

— Ты не пришел? Почему?

— Хотел тебя подразнить, начал тянуть резину, прилег на диванчик и случайно по-стариковски заснул. Только что вот проснулся и сразу тебе звоню. Ты где?

— Я в постели, — не слыша собственного голоса, доложила она.

Изверг принялся извиняться:

— Честное слово, не знаю сам, как получилось, прости...

Генриетта Карловна прошипела:

— Разыгрываешь меня? Опять издеваешься?

— Нет, ни в коем случае, — испуганно забубнил Изверг и в доказательство чистоты намерений предложил: — Хочешь, я прямо сейчас к тебе в спальню приду?

Она взвыла:

— Так ты меня не разыгрываешь? Это не ты?!

Он опешил:

— Не я? В каком смысле?

Но Генриетте Карловне было уже не до него. С неоконченным воплем: «А кому же я тут всю ночь?..» — она метнулась к окну, зверски сдернула занавеску, охнула и оцепенела.

На другой стороне улицы на бордюре сидел грязный ободранный бомж и, как верующий на святыню, просветленно смотрел на ее окно.

Увидев Генриетту Карловну, бомж оживился. Он вскочил, изящным жестом снял свою жуткую шляпу, радостно помахал ею в воздухе и склонился в низком поклоне. Своими движениями бомж обнаружил высокое происхождение, чего Генриетта Карловна заметить в нем не пожелала. Она встречала людей по одежке, с чем у бомжа обстояло не очень... Точнее, очень нехорошо. Поэтому женщина испуганно отпрянула от окна и взвизгнула:

— Не может быть! Это он! Подонок и вор!

Видимо, подразумевалось, что бомж выкрал ее невинность, хранимую для соседа, то бишь Изверга и Педофила. Об этой утрате несчастная и призадумалась, а задумываться в таких случаях вредно. До нее мгновенно в полном объеме дошло, что она делала этой ночью и с кем. Генриетта Карловна обезумела. Набросив халат, она вынеслась к бомжу и принялась

неистово его поносить, то и дело повторяя: «Как ты, мерзавец, посмел?»

Он долго и вежливо слушал, пожимая плечами, и, в конце концов, скромно в ответ изумился:

— Простите, мадам, но вы сами меня позвали.

— А зачем ты топтался под дверью моей? — яростно взвизгнула Генриетта Карловна.

Бомж, смущаясь, интеллигентно признался:

— Я хотел попросить лишь немного воды, но вы оказались гораздо добрей. Из уважения к женщине я не смел отказаться от такой щедрости...

— Ах ты!.. Ах ты!.. — задохнувшись от гнева, завопила взбешенная Кузькина.

Она судорожно подыскивала подходящее слово, но слово не находилось. В этот миг ее взгляд случайно упал на дом провокатора: скрываясь за ветками сада, Изверг стоял у распахнутого окна и с удовольствием вслушивался в ее вопли протеста. Генриетта Карловна вынуждена была оставить ошарашенного собою бомжа в покое. Она вернулась в ту самую спальню, где потерпела фиаско, и с горя слегла. Бедняжка до того расхворалась, что не имела сил добрести до Самсоновой, облегчить боль пострадавшей души.

— Так, с горем своим, и лежала пластом, потому сеансы, простите, и отменила, — пожаловалась Кузькина, виновато шмыгая носом и тирания свою собачонку.

Собачонка даже проснулась, чтобы взглянуть, кто ее щиплет и душит.

— Зачем же вы отменили сеансы? — поразились Далила. — Почему не позвали меня?

Генриетта Карловна, уже прижимая собачонку к груди, воскликнула:

— Ах, мне было стыдно! Так стыдно!

— А что же теперь?

— Теперь все не так. Я долго мучилась, но вы меня и спасли. Когда я узнала, что вам интересна Анфиса покойная, то сразу подумала: «А этот бомж! Он ведь долго топтался под дверью. А дом Анфисы рядом. И время, кажется, совпадает. Не видел ли он чего?»

Самсонова догадалась:

— И вы его разыскали.

Кузькина потрясла головой:

— Разыскивать не пришлось. Он все это время под окнами у меня и сидел. Приодетый, причесанный — на его, разумеется, взгляд. «Прописался» на нашей дороге. Мне всего лишь и оставалось: храбрости в себе отыскать да записочку ему в форточку бросить.

— А что было в записочке?

— Приходи, кое о чем должна расспросить.

— И что же?

— Он прибежал.

Далила ахнула:

— Так это бомж видел белокурую женщину в фартуке и халате!

Генриетта Карловна с осознанием значимости момента кивнула:

— Он!

— Могу я с ним поговорить? — дрожащим от нетерпения голосом осведомилась Далила.

Кузькина просияла:

— Ну, разумеется! Для этого я и пришла!

Самсонова вылетела из офиса. Генриетта Карловна, еле поспевая за ней, мчалась и жалобно уговаривала:

— Не так быстро, милочка, Он не сбежит.

— Зачем мне ваш Он? Зачем мне ваш Изверг? — удивилась Далила.

— Ну, нет. Он — теперь бомж, — радостно поведала Куськина.

* * *

Бомж выглядел презентабельно. Генриетта Карловна с восторгом обнаружила, что ему впору мужнин парадный костюм. И остальное все подошло: галстук, брюки, рубашка и туфли. По этой причине бомж не робел. Он чувствовал себя человеком и охотно общался с Далилой.

Правда, нового ей ничего не сказал. Услышал визг тормозов, оглянулся, увидел у соседнего дома белый новенький «Опель». Из «Опеля» вынеслась высокая длинноногая женщина. Перепрыгнув через заборчик, она затарабанила в дверь. Дверь открыла девчонка.

— Анфиска, — вставила Куськина.

Бомж продолжил:

— Та, что в халате, набросилась на девушку с кулаками. Так с дракой в дом и вошла.

Генриетта Карловна не удержалась от нового комментария:

— Ворвалась.

— Обе скрылись, — закончил бомж. — Больше я ничего не знаю.

Куськина уточнила:

— Он еще слышал громкие голоса, даже вопли.

Растерянная Самсонова с благодарностями и извинениями направилась к выходу. Генриетта Карловна засемила за ней:

— Я вас провожу.

Пошли через сад, длинной тропой. Зачем — Далила вскорости поняла.

— Мое приветствие восхитительным дамам, — услышала она из соседних владений.

Над аккуратно подстриженной шеренгой кустов «витал» моложавый холеный мужчина.

«Изверг», — догадалась Самсонова и не ошиблась.

Это был он. Изящным раскованным жестом дал всем понять, что нуждается в обществе. Далила вежливо поздоровалась, Он ей представился, в фамилии ударение ставя на последнем слог:

— Леонид Александрович Костиков.

Букву «к» произнес нечетко, почти как «х». Куськина не преминула этим воспользоваться.

— Хвостиков он. Был бы хотя бы Хвостов, — издевательски возвестила она и с гордостью поинтересовалась у Изверга: — Знаешь ли, плут, с кем говоришь?

И, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Это сама Самсонова! Далила Максимовна, модный психолог.

И добавила, выдержав паузу (паузы нынче в моде):

— Психоаналитик мой личный.

Изверг позволил себе насмешку, спросив:

— Гет, это что же? Выходит, у тебя есть душа?

Далила не одобрила вольность, строго взглянув. Взгляд ее говорил: «Ругайтесь, сколько хотите, но не при мне».

Он принял упрек и почтительно ей пояснил:

— Гет бездушно меня игнорирует.

Куськина отмахнулась:

— Знаешь сам, почему.

И потащила Далилу к калитке, радостно приговаривая:

— Видели, что я с ним сделала? Видели?

Самсонова удивилась:

— Да, он теперь безобидней ягненка.

— И заметьте, с той ночи ни одной вечеринки.

Над его плантацией кустов и лишайников тишь да гладь, — похвастала Куськина и, краснея, добавила: — Зато у меня теперь оргии каждую ночь.

Они вышли на улицу.

— Простите! Постойте! — раздалось за их спиной.

Куськина и Самсонова оглянулись — следом за ними бежал Он-Изверг-Костиков.

Генриетта Карловна возмущенно спросила:

— Кто позволил тебе топтать мою территорию?

Костиков небрежно ее «успокоил»:

— Твоя территория скоро будет моей.

И обратился к Далиле:

— Визиткой своей не пожалеете почтенного старика?

Куськина возмутилась:

— Да как он смеет, нахал, сам себя называть почтенным! Ничего ему не давайте!

Под ее негодующим взглядом Самсонова протянула Костинову визитку. Он принял и извинился:

— Простите ее. Гет плохо воспитана, но ничего. Скоро я за нее возьмусь.

— За меня уже взялись, со всех сторон, и я очень довольна, — злорадно сообщила Куськина и, топнув ногой, заключила: — А ты, Изверг, свой шанс упустил!

Изверг пожал плечами и спросил у Далилы:

— Так я приду?

— Приходите, — вежливо улыбнулась она, хотя на душе скребли кошки и хотелось заплакать.

Ей было не до Куськиной, не до Извергов ее и бомжей — мысли все о подруге Людмиле.

И страшные мысли, убийственные.

Глава 18

В офис Далила вернулась злая. Пока ехала, прошла все стадии смены настроения: от растерянности к прострации, от прострации к сомнениям, от сомнений к анализу, от анализа к уверенности и от уверенности к ярости недоумения и бессилия: «Почему это все происходит со мной? И как теперь быть?»

Злость, к стыду своему, сорвала на секретарше.

— Узнала, что со Светланой Михайловной? — многообещающе спросила она.

Дарья, робко, учуяв плохое настроение босса, пролепетала:

— Весь день ей звоню, по-прежнему не отвечает.

— Откуда такая беспомощность?! — взорвалась Далила. — Весь день она, видите ли, звонит! Тебе что, больше нечего делать?

Дарья оторопела:

— А что?

— У тебя толпы поклонников, масса знакомых! Неужели не можешь ее разыскать? Не иголка же она, эта Светлана Михайловна! Разыщи ее оператора!

— А если телефон оформлен на кого-то другого?

— Пусть дадут адрес того, на кого он оформлен! — потребовала Далила и прикрикнула: — На кой черт тебе твои связи, если ты ими не пользуешься!

— Но мне не дадут адреса, — пискнула Даша. — И со связями не дадут.

Самсонова гаркнула:

— А ты попытайся!

И так хлопнула дверью своего кабинета, что со стены посыпалась штукатурка.

Даша, втянув голову в плечи, вздохнула:

— Ну и дела! Какая муха ее укусила?

Мухой была Людмила. Далила обессиленно рухнула в кресло, схватилась за голову и в сотый раз прокрутила последний разговор со школьной подругой. По всему выходило, что Анфису убила она.

«Карачка платил ей (Анфисе Пекаловой) проценты какие-то с дела, она и рада была».

«Была», именно «была», так сказала Людмила. Почему же «была», если Людмила не знает о смерти Анфисы?

Тогда, во время их душевной беседы, Далила подумала, что подруга оговорилась, но теперь было ясно: «Людмила знает о смерти Анфисы. Знает, не оговорила, а проболталась».

Откуда знает?

И почему напирала на то, что не видала Анфису в глаза? Зачем ей врать, если не сама она убила Пекалову?

— О господи! Что же это такое?! — взвыла Далила, массируя нервно виски. — Люська, Люська, что же ты натворила? Совсем свихнулась от ревности!

В голове пронеслись слова Люськи: «Я вон своего кобеля прощаю, и ничего. Живу ради дочки, да еще за него и борюсь, всяких баб отгоняю».

«Выходит, в тот роковой вечер примчалась она отгонять? — мучительно размышляла Далила. — И дальше что? Озлобилась и убила?»

Да нет, Люська не способна убить. Если только случайно. Может, они подрались?

Что значит «может»? Бомж так и сказал, что они

сцепились уже на ступенях. И в дом со скандалом вошли».

Мысль оборвалась; робко царапнулась в дверь секретарша:

— Далила Максимовна, можно?

Самсоновой стало стыдно:

— Дашенька, извини. Я на тебя накричала несправедливо...

— Ой, ерунда, — отмахнулась довольная Дашенька, — со всеми бывает. Я ваше задание выполнила. Кое-что по Светлане Михайловне удалось разузнать. Адрес ее мне не дали, конечно, но в положение все же вошли. Пообещали перекинуть на ее сотовый мое сообщение.

— Что за сообщение? — с надеждой осведомилась Далила.

— Я в красках все расписала: как вы переживаете, как волнуетесь, гадаете, куда она, болтушка, пропала. Ну, то да се, пристыдила немножко. Просила ее объявиться, хотя бы по телефону. Вообще-то время сейчас отпускное. Может, она на море? Вы не помните точно, когда она в последний раз на приеме была?

Далила задумалась, но секретарша воскликнула:

— Я вспомнила! Светлана Михайловна последний раз в тот вечер была, когда эта чокнутая, Анфиса Пекалова, в кабинет к вам рвалась. Вы как раз проводили Светлану Михайловну к лифту, когда я девицу к вам не пускала. Точно-точно, так все и было.

Самсонова, покачив головой, возразила:

— Нет, Светлана Михайловна после этого несколько раз ко мне приходила. В последний раз я ее видела в тот самый день, когда мне приснился кошмар.

Дарья оживленно осведомилась:

— Какой кошмар? Про кошмар вы не говорили.

«Она не знает о смерти Анфисы, — осенило Далилу. — И про кошмар я умолчала. Так и вспоминать об этом не стоит», — заключила она.

Но секретарша вцепилась:

— Вам приснился кошмар? Как интересно! Про нее, про Анфису? Про то, как она умерла?

— Ты знаешь, что Пекалова умерла? — поразилась Далила. — Откуда?

— Марк Борисович мне сказал.

— Нотариус?! Что он сказал?

Дарья смутилась:

— Ну, не то чтобы он сказал. Так само получилось.

«Так само получилось» на языке любопытной Дарьи означало, что она (по своему обычаю) сунула нос туда, куда ее не просили.

Зная об этом, Далила воскликнула:

— Немедленно расскажи, и подробней.

Секретарша охотно защебетала:

— Просто я к нему заглянула, к Марку Борисовичу, хотела спросить про Пекалову, нашла она его или нет...

Самсонова ее перебила:

— А зачем тебе знать про Пекалову? С чего вдруг проснулся такой интерес?

— Ну, вы даете, Далила Максимовна! — охнула Дарья. — Она же вопила, что ее хочет грохнуть собственный муж. А я, как назло, собираюсь замуж выйти.

«С пеленок она собирается и все никак не соберется», — мысленно усмехнулась Далила.

— И потом, к нам что, каждый день девицы с подобными жалобами обращаются? — ажиотажно продолжила Дарья. — Ха, муж родную жену хочет убить! Я уверена, рано или поздно всех мужей настигает такое желание, все мужья хотят прибить своих жен, но

никто не решается. А тут кто-то решился! Лично я столкнулась с такой заморочкой впервые. Или нет?

Самсонова согласилась:

— Да, впервые. Пожалуйста, продолжай.

Дарья с расстановкой продолжила:

— Нотариус сидел спиной ко мне. Я поздоровалась и спросила его про Анфису, нашла ли его она. Не обернувшись, он сказал, что нашла. Тогда я спросила про завешание. Марк Борисович кивнул, снова не оглянувшись: «Да, составили». Он был странный какой-то, невежливый, я обиделась и ушла.

Далила изумленно воскликнула:

— Так каким же образом ты узнала про гибель...

Секретарша ее прервала:

— Не мешайте, слушайте дальше. Марк Борисович выглядел ненормальным. Разговаривая со мной, он что-то писал на листке. Мне стало любопытно, но ближе подойти я не решилась. От него я отправилась в туалет, а когда вышла из женской кабинки, он был там, перед зеркалом. Марк Борисович задумчиво мыл руки над раковиной, отрешенный какой-то, растерянный, даже не заметил меня.

Утомленная обстоятельностью секретарши, Далила нетерпеливо спросила:

— И тогда он сказал тебе про Анфису?

— Ага, разогнался, — фыркнула Дарья. — В том-то и дело, что нет. Я узнала сама.

— Каким образом? Не тяни!

— Пока Марк Борисович был в туалете, я шмыгнула к нему в кабинет и заглянула в листок, он оставил его на столе. Знаете, что там было?

Далила взмолилась:

— Дашенька, не тяни!

— Там был рисунок. Гроб, а в гробу Анфиса Пекалова. Как еще прикажете это мне трактовать? Стал

бы отлично воспитанный Марк Борисович укладывать в гроб живую девицу? Выходит, разговаривая со мной, он думал о ней и неосознанно, механически ее рисовал, — заговорщически прошептала Дарья.

— Да с чего ты взяла, что в гробу лежала Анфиса? — рассердилась Самсонова.

Секретарша с вызовом заявила:

— А я заглянула в папку, брошенную на столе. Там хранилось ее завещание. Уж извините, я ознакомилась. Знаю, что не положено, но Марк Борисович сам виноват. Опытный нотариус, а разбрасывает свои документы...

Дарья мстительно сделала паузу, понуждая Далилу задать вопрос. Ей хотелось сделать Самсонову сообщницей, но Далила молчала: не интересовалась содержанием завещания. Дарья не выдержала и выдала секрет по собственному желанию.

— Долю какого-то предприятия Анфиса оставила Сасуняну Карапету Ашотовичу, — выпалила она. — Вы его знаете, он к вам на прием приходил. Помните, как сумасшедший глазел на меня.

— Помню, — подтвердила Самсонова и добавила, не покрывив душой: — Ты ему очень понравилась.

Юная Дарья еще не ведала, что сасунянам нравятся все женщины без исключения, а потому она расплылась в довольной улыбке и продолжила:

— Остальное добро: дом, машина, драгоценности, сбережения — все должно отойти какой-то Зинаиде Поповой. Вот, я разом все уловила, — с гордостью подвела итог секретарша и, спохватившись, добавила: — Да, в папке лежала записочка с телефонами Сасуняна.

— А координатов Поповой там не было?

— Нет.

— Значит, Марк Борисович с Поповой знаком, —

сделала вывод Далила. — А вот с Сасуняном, наоборот, вряд ли знаком, раз номера телефонов записывал. И в какой день это произошло?

Дарья задумалась:

— Та-ак, Анфиса рвалась к вам в пятницу, в субботу мы ее ждали, она не пришла, и Марк Борисович не работал... Это было в понедельник утром девятого.

Самсонова поразились:

— Ты знала о смерти Анфисы с девятого и все это время молчала?

— Ну да.

— Почему же ты мне не сказала?

Секретарша пожала плечами:

— А зачем вас расстраивать? Вы вот меня постоянно ругаете, а я вот о вас постоянно забочусь, — обиженно попеняла она.

— В чем же забота? — поддразнивая ее, усмехнулась Далила.

— Как в чем?! — воскликнула Дарья, округляя глаза. — Она же рвалась к вам, эта Анфиса, кричала, что ее убивают и травят, а вы отказались девочку принять. Я подумала, что теперь вы упреками себя изведете. И, между прочим, я оказалась права. Вы же прям экстрасенс. Ведь почувствовали, что ей кранты, раз кошмар вам приснился. Ведь про нее, про Анфиску, приснился кошмар?

— Про нее, — кивнула Далила, подумав: «Выходит, Марк Борисович знал, что Анфиса погибла. Знал уже тогда, когда я с ним о ней разговаривала. Зачем же он меня обманул?

Ах, сколько скопилось тревог. И еще эта Светлана Михайловна пропала, лишняя головная боль. Придется просить племянника. Даша вряд ли справится с моим поручением, а уж Бонд точно узнает, на кого оформлен телефон Светланы Михайловны.

Узнать-то узнает, но как его об этом просить? Снова будет ругаться, что грузю его своими делами...

Ну и ладно, выхода нет».

— А как твои знакомые передадут Светлане Михайловне сообщение? — спросила Самсонова у секретарши.

Дарья пожала плечами:

— Ну не знаю, уж как-нибудь перекинут. Я не вникала. Главное, результат.

— Хорошо, будем ждать результата, — задумчиво кивнула Далила, укрепившись в мысли, что придется потревожить племянника.

Едва приняла решение по Светлане Михайловне, как вновь окунулась в проблемы Людмилы. В голову вдруг пришло, что Марина Калоева, возможно, знает подругу Анфисы. В том, что Зинаида Попова и есть подруга Пекаловой, о которой та говорила, Далила была абсолютно уверена. Именно та дуреха-подруга. Покойная явно любила ее.

«Да, возможно, Марина кое-что знает про Зинаиду Попову. Обычно женщины про соперниц все знать хотят, — размышляла Самсонова. — Иной раз остается лишь удивляться, откуда они информацию эту берут?

И Люська может знать Зинаиду Попову, но у Люськи спрашивать опасно и бесполезно, она даже знакомство с Анфисой не пожелала признать. Сасунян тоже знает Зинаиду Попову, но и его спрашивать глупо: бесполезно и... тоже опасно», — заключила она.

Секретарша направилась к выходу, деловито напомнив:

— Далила Максимовна, вы не забыли, через двадцать минут новый сеанс.

Самсонова подскочила:

— Дашенька, отмени! Объясни пациенту!

— Вы уходите? — опешила секретарша, не веря своим глазам.

— Ухожу! И очень спешу!

Дарья в ужасе завопила:

— Что же будет теперь с расписанием? Все так плотно расписано, иголку некуда вставить!

— Ты устрой как-нибудь с расписанием, — взмолилась Далила. — Пожалуйста, перетасуй, передвинь, отложи, перед пациентами извинись, мне очень надо.

Не давая секретарше опомниться, она вылетела из офиса и остановилась: «Куда?»

Хотелось ринуться сразу во всех направлениях: к Людмиле, к Галине, к Карапету Ашотовичу и, конечно, к Марине...

К ней сильнее всего.

«Сначала к Сасуняну, — решила Далила, — пока все пути ведут только к нему».

Она впрыгнула в «Форд» и понеслась.

Глава 19

Примерное направление Самсонова знала из рассказов подружки, а уточнила адрес у самого Сасуняна: по сотовому сообщила, что едет к нему. Карапет Ашотович не удивился и даже сказал:

— Отлично, сегодня сам к вам собирался.

— Даже так? — удивилась она.

— Возникли проблемы.

— А что вас беспокоит? — нетерпеливо поинтересовалась Далила, презрев собственные привычки.

Торопить события — не в ее правилах: придет — узнает. Телефон не для длительных переговоров — так считала она. Тем более что разговор намечался серьезный, нетелефонный.

Сасунян ответил коротко:

— Меня беспокоит жена.

У Далилы засосало под ложечкой, но от дальнейших расспросов она воздержалась.

Зато при встрече, едва поздоровавшись, тревожно спросила:

— Карапет Ашотович, что происходит с Людмилой?

Сасунян лишь развел руками:

— Сам не пойму. Об этом вас и хотел спросить. Она странная. Даже дочка уже замечает. Видели, как она за нос себя таскает? А глаз? Левый глаз у Людмилы дергается постоянно. По сути, не меня, а ее надо лечить. Вы бы с ней поработали.

— А в чем дело? — испугалась Далила, не ожидавшая такой просьбы. — Нос и глаз — это нервное, но вроде бы есть причина.

Сасунян отмахнулся:

— Я так не считаю. Что за причина?

— Простите, но вынуждена напомнить. Ваши измены. Чем не причина?

— К моим изменам Людмила привыкла, а вот с тех пор, как погиб Михаил, супругу свою не узнаю. Раньше рот у нее не закрывался, а теперь все молчит. А порой так на меня посмотрит, что волосы дыбом встают. Стыдно признаться, но родную жену боюсь. А на днях у меня знаете что спросила?

Вопрос прозвучал риторически, но Карапет Ашотович сделал паузу, задумчиво уставившись на Далилу. Она, приглашая его продолжить, пожала плечами:

— Откуда мне знать.

Он грустно признался:

— Спросила меня: «А что теперь с фабрикой Калоева будет?» Я ответил, что фабрика Марине достанется. «Ага, — говорит, — все Марине, Михаил о же-

не позаботился, а ты? Как ты о нас позаботился? Что нам с дочкой останется, если вдруг случится беда?»

— Какая беда? — насторожилась Далила.

Сасунян отмахнулся:

— А кто ее знает? Спросить не рискнул.

— Жаль. И что вы ответили?

— Как есть, так и сказал. Калоев ни о ком не заботился. Марина — жена, ей все по закону и отойдет.

— И что же Людмила?

— Я тоже, кричит, жена, а толку? Что мне отойдет? И в слезы. Закончилось все истерикой. Раньше не было у нее истерик. Оптимистка она.

Далила вздохнула:

— Знаю. И как вы поступили?

— Пришлось ее успокаивать.

— Что же вы ей сказали? — поинтересовалась Далила.

Карапет Ашотович, вдруг краснея, признался:

— Да глупость сказал, что, пока ты моя жена, ни о чем не беспокойся.

Самсонова подытожила, осуждающе покачав головой:

— Да-а, уклончиво как-то у вас получилось. Будто не понимаете, чего Людмила боится.

— Да понимаю я все, — с досадой махнул рукой Сасунян, — а что было делать? Врать не хочу, а правду ей говорить даже опасно.

— Почему опасно?

— Да черт ее знает, на что она пойдет сгоряча.

— Даже так?

— Да. Порой мне кажется, что Людмила и Марину может убить.

Далила вспыхнула:

— При чем здесь Марина? Почему «и Марину»? Что вы этим хотите сказать?

Сасунян побледнел:

— Что хочу этим сказать? На всякий случай, лучше я промолчу.

Самсонова огорчилась:

— Не доверяете?

И напомнила:

— Я подруга ее, я Людмилу люблю.

— Любите?

Карапет Ашотович изучающе уставился на Далилу и, рубанув воздух рукой, вдруг закричал:

— Ладно, вам я скажу! Все скажу! Но смотрите, не пожалейте потом!

— Не пожалею.

— Хорошо! Люська чокнулась, понимаете? — рявкнул он.

Самсонова потрясла головой:

— Не понимаю.

— С ума моя Люська сошла! Не фигурально, по-настоящему. Воеет она по ночам...

— Воеет? — отшатнулась Далила.

Сасунян показал:

— У-уу!

Получилось зловеще, а он в довершение добавил:

— Как волчица воеет. Или как ведьма. Сам не пойму. Я от страха подальше спать ухожу и дверь закрываю. А с Анфиской что получилось? Это все Люська.

— Да при чем здесь она? — рассердилась Далила.

Карапет Ашотович удивился:

— Вам ли не знать? Вы же ее подруга, разве Люська вам не пожаловалась?

— Про Анфису ни слова, лишь про Марину.

— Лишь про Марину?!

Сасунян был ошеломлен.

— Неужели про Анфису не говорила? — растерянно спросил он и, не дожидаясь ответа, с жаром про-

должил: — По-сумасшедшему к Анфиске ревновала меня. Что ни день, то скандал. Марина все ерунда, она не такая красивая. Во всяком случае, Людмила моя так считает. И замужем Марина была, и немолодая уже, а вот Анфиса девица к тому же свободная. Вот и сошла моя Люська с ума: вбила себе в голову, что я из-за доли Рубена с ней разведусь и на Анфисе женюсь. Вбила, и где она, эта Анфиса? — горестно спросил Сасунян и заключил: — Правда, я сам, дурак, виноват, сам плеснул масла в огонь.

— Как плеснули? — испугалась Далила.

— Да ляпнул я Люське, что Анфиса намеревается долю Рубена мне завещать.

— Зачем вы ей это сказали?

— Думал, Люська обрадуется. Жадная больно она.

— Жадная? Обрадуется? — поразилась Далила. — Чему? Разве Анфиса была смертельно больна? Юная, значительно младше Людмилы и тем более младше вас. Какая польза от ее завещания? Вы что, нарочно дразнили жену?

Сасунян огрызнулся:

— Ваша подруга чокнутая. Ну ляпнул я, не подумал, зачем же кадило-то раздувать. Видели бы вы, как Людмила взбесилась. «Вот оно что, — завопила, — Анфиска шалава твоя!»

Он обреченно махнул рукой:

— Даже рассказывать не хочу, какой шум подняла.

Далила вдруг вспомнила своего Матвея — увы, уже не своего. Да, они развелись, но даже сейчас Матвей не стал бы обсуждать проблемы своей бывшей жены с чужим человеком. Да еще такие проблемы, да еще в таком свете. Как-то это не по-мужски. Можно сослаться на то, что Далила подруга Людмилы и психиатр, но все равно это некрасиво. Он же в убийстве

жену обвиняет! Кому, как не ему, на сей счет помолчать.

У Самсоновой появилось чувство, что Сасунян жену оговаривает. Люська взбалмошная, нервная стала, факт, но на сумасшедшую она не похожа.

— Вы хотите сказать, что Людмила убила Анфису? Не просто убила, забила до смерти. Неужели вы способны всерьез обвинить в таком зверском, нечеловеческом преступлении родную жену, мать вашей дочери? — строго спросила Далила, не скрывая своей неприязни.

Карапет Ашотович взвыл:

— Да был я там! Видел своими глазами!

Глава 20

— Я все видел своими глазами!

Карапет Ашотович осекся и замолчал.

— Вы были в ту страшную пятницу у Анфисы? — испуганно прошептала Далила.

Сасунян судорожно сглотнул:

— Был.

И снова пауза, мучительно длинная.

— Что же случилось там? Продолжайте! — не выдержав, закричала Далила.

Он сдавленно сообщил:

— Анфиса сама меня позвала. Сказала, что должен приехать Миша, сказала, что все против нее, что она всех боится, но особенно Михаила Калоева. Она почему-то решила, что должна умереть именно в эту ночь.

— Как думаете, почему?

— Точно не знаю. Кажется, ей угрожали по телефону. Она лепетала, что отомстит за себя, что завешание срочно составила, что, если погибнет, доля

Рубена достанется мне. Говорила, что уж если ей суждено умереть, то пусть все будет по справедливости. «Слишком грешна, может, на том свете зачтется», — сказала она.

Далила задумчиво осведомилась:

— О какой справедливости она говорила?

Карапет Ашотович покачал головой:

— Сам не понял. Она торопилась, бессвязно и лихорадочно лепетала, нервничала, то вскакивала, то садилась, то носилась по комнате. Поглядывала на часы, словно кого-то ждала. Я ничего не понимал, пытался ее успокоить и расспросить, но не успел.

— Не успели? — поразились Далила. — Что же вам помешало?

— Телефонный звонок. Кто ей звонил, Анфиса мне не сказала. Поговорив, вспыхнула и закричала: «Это она! Хорошо, что ты здесь! Прячься! Если что, будешь свидетелем!»

Сасунян опять замолчал и понурился, страдальчески схватившись за голову.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросила Далила.

Он отмахнулся:

— Нечего продолжать, не видел я ничего. Анфиса в подвал меня потащила, сказала: «Пока сиди здесь. Когда позову, немедленно выходи». Я и сидел, как дурак.

— Что, не позвала?

— Не позвала.

— И вы ничего не слышали?

— До меня доносились женские крики. Недолго, вскоре все смолкло. Я какое-то время в подвале сидел, ждал, когда позовут. Она долго, очень долго меня не звала. Заподозрив неладное, я вышел и...

Сасунян замолчал. Из-под его густого чуба по низкому плоскому лбу покати́лась крупная капля пота.

— Анфиса была мертва? — догадавшись, глухо спросила Далила.

На ее страшный вопрос Карапет Ашотович долго не отвечал. Самсонова молча ждала. Наконец он жестко сказал:

— Анфиса была не просто мертва. Хуже. Ее на- смерть забили.

— И вы утверждаете, что забила Анфису ваша жена?

— Да, утверждаю!

Самсонова отшатнулась. Сасунян зло усмехнулся и процедил:

— Вы ее плохо знаете.

Рассердившись, Далила воскликнула:

— Чушь! Как любой человек, Людмила способна случайно убить, но забить человека до смерти она не может ни при каких обстоятельствах! Да и сил ей не хватит!

Сасунян оставил ее слова без комментариев. Он хмурился и молчал. Далила, глядя в упор, недружелюбно спросила:

— Поверить никак не могу, неужели вы подозреваете свою жену в зверском убийстве?

Она забыла, что совсем недавно и сама в том же подозревала Людмилу.

— А кого я должен подозревать? — рассвирепел Сасунян. — Когда я примчался домой, она на кухне была. Крутится у плиты, а халат и фартук в крови. Я прямо в лоб и спросил: «Что это ты, мать, вся в крови, как мясник?» Люська смутилась и говорит: «Сно- ва наезды? Не видишь, котлеты жарю. И вообще, я весь день из дома не выходила, а вот ты-то где был?

Ночь на дворе». Считаете, это нормальный ответ? Раз-ве не шел у нас разговор о чем-то другом?

— Да, подтекст налицо, — вынуждена была согласиться Далила. — А дальше-то что?

— А дальше я бросил пакет с покупками (с пустыми руками домой не прихожу) и отправился свою машину ставить в гараж. Поднимаю ворота, а там выхлопные газы стоят, и у Люськиного «Опеля» еще теплый капот. Вот вам и не выезжала она. Спрашивается, если выезжала, зачем мне соврала?

Взглянув на дорогие наручные часы, Сасунян озадаченно крикнул и вдруг заспешил:

— О-о, натикало сколько.

«Сбежать собирается», — рассердилась Далила и удивленно спросила:

— Кажется, вы срочно видеть меня желали? Зачем? Разговор о Людмиле не выглядел слишком срочным. Рассказать об этом можно было в любое время.

Он стушевался:

— Да, на самом деле не только это. Я хотел вас кое о чем попросить.

Сасунян осекся и с надеждой взглянул на Далилу. Она вынуждена была подбодрить его:

— О чем? Не стесняйтесь, чем смогу, помогу.

Он, не мигая, смотрел и молчал.

— В чем же дело? — уже сердито спросила она.

Ответ прозвучал неожиданно.

— Пожалуйста, поговорите с Мариной, — взмолился вдруг Сасунян. — И, пожалуйста, как можно скорей.

Самсонова поразились:

— Я? С Мариной?

— Да! Срочно!

— Еще и срочно? Как это будет выглядеть? Я с ней не знакома.

— Она знает вас. Вы одноклубницы.

— Марина Калоева посещает женский клуб Елизаветы Бойцовой? — удивилась Далила.

Сасунян, пожимая плечами, сказал:

— Про Бойцову не знаю, но женский клуб она посещает частенько и даже хвалила вас.

— За что же?

— За ваши лекции. Оказывается, вы для Марины авторитет. Когда я ей рассказал, что у Людмилы объявилась подруга-психолог, Марина даже чуть-чуть оживилась.

Далила отметила:

— Выходит, вам удалось с ней поговорить.

— Благодаря вам, — сказал Сасунян. — После нашего разговора я ей позвонил и признался автоответчику, что был у психоаналитика. Когда я назвал ваше имя, произошло чудо: Марина сняла трубку и сообщила про клуб. Она вас очень хвалила, говорила, что умнее вас женщин еще не встречала.

— Спасибо, конечно, — слегка смутилась Далила, — но почему я не знакома с Мариной? Почему я не видела ее у Бойцовой?

Сасунян лишь озадаченно руками развел:

— Вот не знаю. Если я правильно понял, вы с ней разговаривали.

— Правда? Тогда опишите, пожалуйста, мне ее. Как она выглядит?

— Миловидная. Высокая, стройная брюнетка с тонюсенькой талией. Что еще? Да, огромные пронзительно-карие глаза.

— Поэтично вы ее описали, — усмехнулась Далила. — А нет ли у нее пушка над верхней губой и родинки на правой щеке?

— Есть, — кивнул Сасунян. — Трогательный пу-

шок над верхней губой и бархатная родинка размером со спичечную головку.

— Да, я знаю ее, — согласилась Далила. — И действительно с ней говорила. Лишь однажды. Она после лекции ко мне подходила с каким-то семейным вопросом. Видимо, Марина нерегулярно в клубе бывает.

— Этого вам сказать не могу. Я вообще только недавно узнал, что она там бывает. Но зато как узнал, так сразу подумал, что вы должны с ней поговорить.

— Зачем? И о чем?

Возможно, вопрос прозвучал слишком резко. Карапет Ашотович растерялся и пробубнил:

— Меня она не послушает, а вы все же женщина. Женщинам легче найти общий язык, к тому же вы специалист. Марина вас уважает, а меня она даже слушать не хочет.

— Что я должна ей сказать? — изумилась Далила.

— По себе знаю, вы умеете убеждать, — смущаясь, пробормотал Сасунян и выпалил: — Надо убедить Марину уехать из города...

— Вы боитесь, — перебила его Далила, но закончить мысль не посмела.

Карапет Ашотович грустно кивнул:

— Да, серьезно боюсь, не вышло бы то и с Мариной, что получилось с Анфисой. Людмила к Марине ревнует давно, а тут в нее словно черти вселились. Одной Анфисой, боюсь, не ограничится дело. Уж я знаю, что говорю. Короче, скрывать не хочу, я в панике.

— Так и отправьте Людмилу из города.

— Будто она послушает. Что значит «отправьте»? Я ее должен связать? Или в сторожа при ней превратиться?

Взглянув на часы, он вновь спохватился:

— Простите, разговор у нас важный, но я, к сожалению, спешу. Так что мы решили? Вы собираетесь что-нибудь предпринять?

Его повелительный тон Самсоновой не понравился.

— Что я должна предпринять? — спросила она.

Сасунян снова взмолился:

— Далила Максимовна, дорогая, спасите Марину, я вас очень прошу!

— Надеюсь, вы ей не сказали, в чем жену подозреваете? — строго осведомилась Далила.

Он рассердился:

— За кого вы меня принимаете? Нет, не сказал. Да и бесполезно ей говорить.

— Почему?

— Марина мне не поверит. Она дружит с Людмилой и любит ее.

Далила удивленно пропела:

— Да-а? А вот у меня противоположная информация.

Сасунян обреченно махнул рукой:

— Еще бы! Не слушайте вы Людмилу. Это все из-за денег. Моя жена не способна любить. Иногда мне кажется, что даже дочь ей не нужна. У Людмилы одно на уме: деньги, деньги, деньги. Ради них она способна на все. Умоляю вас, уговорите Марину уехать. У ее матери под Питером отличная дача. Пусть Марина с недельку там погостит. А с Людмилой надо что-то делать, срочно...

— Что, например?

Карапет Ашотович растерялся:

— Ну, не знаю, вы же специалист. Таблеток ей дайте, что ли, каких, пусть поспит несколько дней, пока все утрясется.

— Утрясется что? — строго спросила Далила.

Он помотал головой:

— Да не ловите вы на слове меня. Я сам ничего не знаю. А тут еще из-за смерти Анфисы дел свалилось неупрочин.

Самсонова сжалилась:

— Ладно, придумаю что-нибудь.

Сасунян насторожился:

— Что вы хотите придумать насчет Людмилы?

— Галину с ней посидеть попрошу, — сообщила Далила.

— А с Мариной?

— И с Мариной поговорю.

Карапет Ашотович просиял:

— Вот вам ее телефон и адрес. Я очень на вас рассчитываю. Кстати, вы не в курсе, куда пропала Людмила? На мобильный звоню ей, не отвечает.

— Нет, я не в курсе.

— Жаль, — задумчиво вздохнул Сасунян и повторил: — Так вы поможете? Я на вас очень рассчитываю.

— Разумеется, помогу, я же пообещала.

Прощаясь с ним, Далила подумала: «Страшнее всего, когда на тебя начинает рассчитывать подлец и активный манипулятор».

Сасунян действительно был из тех, кто воспринимает жизнь шахматной доской, а людей, соответственно, шахматными фигурами, которые он может двигать по черному и белому полю как ему заблагорассудится.

«Интересно, кто я в его игре? — мысленно рассуждала Далила. — Ладья? Конь? Уж точно, не королева. Спасибо, если не пешка. Пешка?»

Да нет, это вряд ли.

Отвести мне роль пешки может только круглый дурак, а Сасунян на дурака не похож.

Следовательно, он отвел мне в своей игре серьезную роль, из которой выйти без ощутимых потерь невозможно. Даже если я постараюсь забыть про него, в моей жизни скорей всего будет происходить то, что он наметил.

Поэтому надо держать ухо востро, но и пугаться не стоит. Будем щупать, искать, размышлять. Надеюсь, встреча с Калоевой прояснит, чего Сасунян добивается и, главное, почему?»

Разумеется, Далиле хотелось сразу поехать к Марине Калоевой.

Хотелось поехать по многим причинам, а совсем не за тем, чтобы выполнить просьбу расчетливого Карапета Ашотовича.

Марина могла знать подругу покойной Анфисы, Зинаиду Попову. Она могла раскрыть причину своей обиды на Сасуняна. У нее наверняка была своя точка зрения на происходящее.

К тому же Марина явная жертва, а жертвы ищут поддержки, которую Самсонова могла дать действительно и умело.

Осознавая свою возможность, Далила не просто по-женски жалела Калоеву, она не просто проникалась сочувствием к попавшему в беду человеку. Далила по своей профессиональной привычке устремлялась на помощь, она всей душой рвалась к тому, кто в ней нуждался.

И все же, возникшая за Людмилу тревога была мучительней и реальней. Далила осознавала, что Людмиле грозит опасность.

Боязнь за жизнь старой подруги взяла верх: Далила к Калоевой не поехала. Она устремилась к Га-

лине Семеновой. По пути позвонила племяннику и, выслушав пафосное «Бонд! Джеймс Бонд на проводе!», торопливо затараторила:

— Женька, прости, что от дел тебя отвлекаю, но срочно твоя помощь нужна. Только прошу, не ругайся...

Евгений тетушку нежно прервал:

— Ну что ты, я и не собираюсь ругаться. Да и нет у меня особенных дел.

Далила встревожилась:

— А что случилось? Ты где?

— Сижу дома.

— Не заболел?

Бонд вздохнул:

— Нет, взял выходной.

«Все ясно, взял выходной и разругался с очередной своей Зайкой, — догадалась Далила и с укором подумала: — Только тогда тетке и рад».

— Говори, что надо? — нетерпеливо спросил Евгений и заверил заранее: — Если смогу, помогу.

— Надо по сотовому номеру вычислить владелицу телефона. И еще, желательно адрес ее узнать. Сможешь?

— Без проблем, конечно, смогу.

— Только, Женечка, это срочно, — попросила Далила.

Племянник пообещал:

— Да прямо сейчас и займусь. Говори номер.

Назвав номер Светланы Михайловны, она попросила:

— Как только появятся сведения, звони мне на мобильный.

— Буд-сделно! — шутливо заверил Евгений.

— Спасибо, — поблагодарила Далила, заруливая свой «Форд» во двор Галины Семеновой.

Глава 21

— Галка, — воскликнула с порога Далила, — у Люськи нашей беда! Надо срочно спасать подругу!

— А что с ней? — лениво осведомилась Галина, с явным отвращением пережевывая бутерброд с докторской колбасой.

— У нее дела хуже некуда... — начала было Далила, но, взглянув на Семенову, осеклась.

Подруга обычно встречала ее с радостью, чмокала в щеку и висла на шее, сейчас же смотрела хмуро и неприветливо.

Далила настороженно спросила:

— Почему пасмурная? Что-то случилось?

— Если и случилось, кого это интересует? Люську надо спасать, а я кто? Я так, фигня, — ни с того ни с сего «лягнулась» Галина и, разом проглотив бутерброд, напустилась: — У меня нет мужа-миллионера, нет квартиры двухуровневой, бриллиантов нет, «Опелей». Я вообще нищета. Мать «одна ночка». На меня можно плюнуть и позабыть.

— Прекрати, — попыталась остановить подругу Далила, но Галина презрительно бросила:

— Да пошла ты!

Такого еще не бывало.

— Ого! — поразились Далила.

Галина подперла руками бока и «выплюнула» с обидой и ненавистью:

— Сдружились, да?

— Здрасте! О чем ты?

— До свидания! Знаешь сама!

— Ничего я не знаю.

— Зато знаю я! Уж не дура! Все понимаю! Вижу, как вы сдружились! И сразу обеим я теперь не нужна!

— Ревнуешь? — прозрела Далила и умилилась: — Вот глупая, ревнует.

Галина умиления не разделила: отреагировала резко, почти истерически.

— Ха! Я же еще и ревную! — возмущенно взмахнув руками, завопила она. — Сиж тут совсем одна, без денег, без мужа и уже без подруг!

Далила опешила:

— Да почему без подруг?

— Потому что ты про меня забыла, а Люська хуже еще: прячется от меня.

— С чего ты взяла?

Галина зло рявкнула:

— К телефону не подходит, и дверь мне не открывает. Я на днях чуть ли не час у нее под дверью топталась, стучала, звонила, чуть кнопку звонка не сорвала — не открыла! А ведь дома была!

— Да с чего ты взяла? — повторила Далила.

Семенова сплюнула:

— Тьфу ты! Заладила, «с чего взяла» да «с чего взяла». С того и взяла, что шаги я услышала Люськины. В прихожей, зараза, топталась и в «глазок» на меня поглядывала, а дверь не открыла.

Самсонова озадачилась:

— И как думаешь, почему?

— Ха! Она еще спрашивает! — возмутилась Галина. — Психолог ты хренов! Разъясняю, раз своих нет мозгов. От своего дома Люська меня отваживает.

— Да ладно, — не обижаясь на грубость, отмахнулась Далила, — нашла кого в хитрости обвинить. Людмила не способна действовать тихой сапой. Ей привычнее выступать с открытым забралом. Если что не по нраву, скажет прямо в глаза.

Галина всплеснула руками:

— Что ж не сказала? Эх, Далька, святая ты про-

стота, — уже совсем мягко попеняла она и запричитала: — Говорю, и зря ты не слушаешь: как только ты, Самсонова, появилась, я сразу стала ей не нужна. А раньше Люська жить без меня не могла, то и дело звонила, звала, на Карачку жаловалась, на своего кобеля.

Галина сделала паузу и, покончив с жалобами, пошла в наступление.

— Теперь ты жилетка для Люськи, а я ей не равня, — зло прищурившись, заявила она. — Еще бы, вы обе дамы из высшего общества. Ты знаменитая, Люська богатая, а кто я против вас? Так, нищая неудачница.

Далила опешила:

— Здрасте! Что ты несешь?!

— До свидания! — отмахнулась Галина.

И разрыдалась.

— А что у меня на душе, никому не интересно, — всхлипывая, пропищала она. — Я, может, в петлю скоро полезу, но всем наплевать.

Далила схватилась за сердце:

— Да что же это такое?! Что случилось?! Немедленно говори! Линочка где?! — всполошилась она.

— С Линкой нормально. Линочка спит, а он снова пропал, — размазывая косметику по щекам, сообщила Галина и по-бабьи завывала: — У-уу, он пропа-ал! Теперь уже точно пропа-ал!

— Фу-у, как ты меня напугала, — облегченно вздохнула Далила и строго осведомилась: — Он, это Голос?

Семенова пискнула:

— Да.

И спокойно себе подвывала, не собираясь ничего пояснять.

— Что «да»?! — взорвалась Далила. — Что «да»? Продолжай! Как это он пропал? Дело у вас чуть ли не

к свадьбе шло, как я поняла, так почему он пропал, этот Голос? Ты ему что-то не то сказала?

— Всего лишь сказала ему, что боюсь.

— Чего боишься?

— Всего.

Далила потрясла головой:

— «Исчерпывающую» ты, Семенова, даешь информацию. Так не пойдет. Давай по порядку.

Галина отставила свое вытье и лихорадочно затрещала, заходя издалека:

— Да, он каждый день мне звонил, да, дело шло если не к свадьбе, то вроде бы к отношениям. Я анонимно влюбилась. Но влюбилась, незнамо в кого. Кто он? Как выглядит? Откуда узнал про меня? Почему мне звонит? Больше года! Даже имени своего он назвать не хотел, чертов Голос. Но я все равно влюбилась по-сумасшедшему, только тем и занималась, что ждала от него звонка. Жила лишь нашими разговорами. Шмоточки Линке стираю, кашку варю, полы подметаю, просто по квартире хожу и все вспоминаю, вспоминаю. Как обалдевшая от любви девчонка, проматываю по сто раз в голове наш разговор. Что он сказал мне, что я ему отвечала, как он одобрил меня, пожалел, рассмеялся, какую, где паузу сделал...

Все подмечаю, все жадно ловлю!

А порядочная стала какая?! Добровольно себя заточила, дом свой превратила в тюрьму. Все жду, выйти боюсь: а вдруг позвонит? Вдруг меня не застанет?

Семенова разошлась не на шутку: ее исповеди, казалось, не будет конца. Далила, мельком взглянув на часы, робко, с мольбой, перебила подругу:

— Галь, я все это знаю. Зачем ты опять?

— А затем, — прогремела Галина, — ты же у нас психолог! Ты аналитик, мать вашу так!

— Ну и что?

— Ты науськивала меня влюбиться в него, я и влюбилась! Да и как было мне не влюбиться, когда ты взхлеб нахваливала: «Ах, Голос! Ах, умный он, добрый! Порядочный он какой!» А теперь что?

— Что теперь? — растерялась Далила.

— А теперь я страдаю! А он заморочил бабе мозги и в кусты! Чертов маньяк!

— Маньяк?

— Да! Маньяк!

— Да с чего ты взяла?

Галина взглядом испепелила подругу и мстительно изрекла:

— Люська меня надоумила.

Далила воскликнула:

— Ты меня удивляешь! Люська-то здесь при чем?

— А меня удивляет, — разъярилась Галина, — где же ты, умная наша да образованная, в это время была? Почему ты не додумалась, что Голос-то мой, оказывается, настоящий маньяк?

Далила, ядовито прищурившись, саркастично осведомилась:

— А Люська наша додумалась как? По каким признакам определила? Она у нас что, специалистка по маньякам?

Галина рассекла воздух рукой:

— По всем признакам. Сколько я его ни пытала, он имя свое не назвал. А знаешь почему?

— Почему?

— Скрывается, гад. Обнаружить свое настоящее имя боится.

— И потому он, значит, маньяк, — рассмеялась Далила. — Да, странная у вас, девочки, логика. Вообще-то у маньяка обычно есть цель.

Галина радостно подтвердила:

— Точно. Он хочет выманить меня из квартиры, изнасиловать и зверски убить.

— И поэтому целый год тянет резину. Ты забыла? Он целый год в телефонную трубку молчал. Сама же жаловалась, что с трудом беднягу разговорила. Ах, какой милый, скромный, застенчивый и, главное, терпеливый объявился маньяк.

Галина изрекла с видом доки:

— Извращенец он!

— Не говори ерунды, — рассердилась Далила. — Твой Голос не извращенец. Будь он маньяком, давно бы назвался Ромой, Димой, Кириллом... Да кем угодно, лишь бы тебя расслабить и это...

— Изнасиловать и прибить, — подсказала Галина.

— Да, — морща нос, согласилась Далила, — а Голос не хочет врать, но и правду говорить не решается.

— Почему?

— Наверняка по уважительным причинам, которых пока мы не можем узнать. Очевидно одно, что он порядочный человек.

— А мне вот не очевидно! — заявила Галина. — Может, он педофил?

— Здрасте! С чего ты взяла?

— До свидания! Он как-то подозрительно дочкой моей интересуется, все спрашивает, как там она? Что подделывает? Пакеты с подарками для Ангелинки под дверь мне кладет, игрушки всякие, погремушки. Продукты в последнее время повадился приносить. Как дверь ни открою, под ней то колбаса, то мясо...

— Вот она, благодарность! — возмутилась Далила. — Я тоже Ангелинке регулярно подарки ношу: игрушки да погремушки. Исходя из твоей логики, и я педофилка?

Галина отбилась:

— Ты ее крестная мать.

«А он ее крестный отец!» — мысленно возвестила Далила, но вслух не посмела, совершила новый наскок:

— А про продукты ты лучше молчи.

— Почему это? — удивилась Галина.

— Любишь ты жаловаться на свой пустой холодильник. Другой пропустил бы мимо ушей намеки твои, а он отнесся к ним с состраданием. Не значит ли это, что вы с Ангелиной небезразличны ему? Больше того: раз не просто болтает, а тратиться начал на игрушки и колбасу, значит, он любит вас.

Галина нанесла ответный удар:

— Если он нас так сильно любит, то почему имя скрывает?

Далила закатила глаза:

— Ты меня утомила. Ясно же почему.

— Почему? — вцепилась Галина.

«Почему? А черт его знает? Потому что мужик, дурак и слабак», — мысленно рассердилась Далила и от растерянности решительно понесла чепуху.

— Имя скрывает он потому, — с ходу развила «умную» мысль, — что слишком серьезно к тебе относится. Он планирует длительные отношения, но, если прибегнуть к трансактному анализу, сразу становится ясно, что его суровый Родитель «бьет» его неуверенное Дитя, а Дитя чего-то побаивается и потому не хочет вам с Линочкой лгать.

«Господи, что я мелю? — ужаснулась Далила. — Это же ненаучно!»

Галина тем временем строго осведомилась:

— И чего же оно побаивается, его Дитя?

— Ну не знаю, — пожала плечами Далила. — Во всяком случае, его Взрослый явно молчит.

— Про Взрослого я поняла! Со Взрослым у всех мужиков полный абзац! Поэтому они не живут, а по

приказу Дитя своего дурного только и делают, что развлекаются. Не наигрались, мать их!.. Так что у него с этим дурацким Дитем? Чего оно у него там побаивается?

Далила зашла в тупик. А Галине нужны объяснения, нужны аргументы.

— Мало ли чего, — пробормотала Самсонова. — Может, напористости твоей человек испугался, может, не раз в жизни обжегся, дует теперь и на воду.

— Это я-то вода? — возмутилась Галина. — Да я с виду кровь с молоком, изнутри горю, как коньяк! И пьяню, как молодое вино! Эх, Самсонова, жаль, ты не знаешь, какая я баба!

— Да я не о том! — рассердилась Далила.

— А о чем?

— О том, что он вообще всего опасается, не хочет события торопить.

Галина фыркнула:

— Не хочет события торопить? Как же, поверила я! Да он свидание мне сто раз назначал! Поняла?

— Что?! — поразились Далила. — А ну, повтори!

— Свидание назначал, — повторила Галина и зловредно добавила: — Людмила права, выманивал он меня! Выманивал, чертов маньяк!

Глава 22

— Выманивал?! — Далила опешила. — Неужели твой Голос свидание назначал?

Семенова удало повела бедром:

— Именно!

— А почему я об этом не знаю?

— Потому что тебе не положено! — злорадно возвестила Галина.

Далила не обиделась на агрессивный выпад подруги, а спокойно спросила:

— Интересно, кто так решил, ты или Людмила?

— Конечно, Людмила. И, между прочим, она права. Ты всегда меня подавляла, с детства пытаешься повлиять на меня.

— Что-о? — поразились Далила. — Даже так?

— Да! Ты на меня постоянно давишь, а это насилие!

— Я давлю? Каким образом?

Галина с обидой начала перечислять:

— Критикуешь, поучаешь, остерегаешь, стыдишь...

Далила вставила:

— И помогаю, если ты не забыла.

— Людмила тоже мне помогает, но она не поучает. И не толкает в объятия всяких маньяков. Она-то как раз запретила мне ходить на свидание. И правильно сделала.

— А Голос обиделся и не звонит, зато ты бесишься и страдаешь. Надеюсь, ты не забыла поблагодарить за это Людмилу? — с иронией поинтересовалась Далила, изумленно припомнив, что та про свидание умолчала: все больше говорила о Голосе.

Теперь Далиле казалось, что Людмила заговорила о Голосе неспроста. Складывалось впечатление, что Людмила хотела что-то выпытать у Далилы, но что? Или Семенова наговаривает, от ревности врет. Иногда с ней такое бывает.

В подтверждение мыслей Далилы Галина, по-детски оттопырив губу, прорыла:

— Считаешь, Люська желает мне зла?

«Ох, Семенова, кого ты взялась обманывать, да еще так наивно. Думаешь, не вижу, что ты хочешь нас лбами столкнуть?» — мысленно усмехнулась Далила.

Она отрицательно потрясла головой и заверила:

— Галюсик, я так не считаю. Люся просто мало знает об этой истории. К тому же она плохо разбирается в людях.

— Люська не разбирается в людях? — рассмеялась Галина. — Ты что, не видела, какого она себе мужика отхватила?

— Какого?

— Красавец! Богатый! И у нее под пятой! Вот кого отхватила!

— Вот именно, отхватила. Это не она его отхватила, а он ее ухватил. Как же надо не разбираться в людях, чтобы угодить в лапы такого прохвоста. А Людмила еще пытается казаться счастливой.

Семенова удивилась:

— А в чем дело?

— Ее Карачка хуже маньяка, но о нем после, — сердито отмахнулась Далила и приказала: — Рассказывай, что стряслось у вас с Голосом?

Галина покорно приступила к рассказу:

— Знаешь сама, как развивался наш телефонный роман.

— Да уж, роман у вас устно-хронический, — горько пошутила Далила.

— И не по моей вине. Голос все больше по душам любил говорить, про Линку расспрашивал, а со свиданием не спешил. Как его ни крутила, как ни намекала, все бесполезно. Я уже приуныла, а тут он сам вдруг предложил.

— И ты отказалась?

— Да погоди ты. Я от радости чуть с ума не сошла. Неделю готовилась...

— А почему от меня-то скрыла? — изумилась Далила.

Галина, пряча глаза, проворчала:

— Хотела устроить сюрприз. Думала, встречусь с ним, закручу настоящий роман, а потом уже хвастаю, когда будет чем.

— Все ясно, скрыла из суеверия. А Людмиле почему рассказала?

— Я и ей не рассказывала, я на свидание собиралась. А как время пришло, испугалась.

— Сдрейфила, что ему не понравиться, — догадалась Далила и промахнулась.

— Нет, — возразила Галина, — этого я как раз не боюсь. Ему-то я уже как бы понравилась. Раз он звонит, значит, видел меня.

— Логично, так в чем же дело?

— Я за себя испугалась.

— За себя?!

— Да, вдруг он мне не понравится? Представляешь, какое будет разочарование, если у него косоглазие? Или хуже еще, полный урод!

— Но голос-то у него мужской, — съязвила Далила, пытаясь припомнить, был ли случай, чтобы мужчина Семеновой не понравился.

Мужчины ей нравились положительно все: в любом уроде она хоть малюсенький шарм да и найдет и так любого нахваливает, что стыдно порой за нее.

Другое дело, что влюблялась Галина в повес и мерзавцев: к Граблину, пьянице и картежнику, прикипела, к Ванеку, другу его, женoлюбу и многоженцу¹.

Но эту глупость своей любимой подруги Далила объясняла легко: Галка была, как говорится в народе, «слаба на передок». Приличные мужчины шарахались от нее, в сетях оставалось ни то ни се. А ведь в глуби-

¹ О Граблине, Ванеке и Галине рассказывается в книге Л. Милевской «Кто хочет спать с миллионером?».

нах души Семенова нравственна, она мечтает о серьезном порядочном муже, о крепкой семье.

«Выходит, я ошибалась? — прозрела Далила. — Выходит, она хвалила всех, но перебирала».

И сразу припомнилось, что все мужчины Семеновой были красавцами.

«В таком случае бояться ей нечего. Этот парень далеко не урод», — мысленно отметила Далила и, желая подбодрить подругу, неожиданно для себя проболталась:

— Да все у него нормально, у Голоса твоего, вполне симпатичный мужчина, — не веря своим ушам, ляпнула вдруг Далила.

И Галина словно окаменела.

И долго цепенела Галина Семенова, обсасывая услышанное. Далила тоже молчала, лихорадочно соображая, как объяснить свое внезапное заявление.

— Симпатичный?! — очнувшись, завопила Галина. — Ты-то откуда знаешь?

— Да я и не знаю, я так, предположила, — неумело заюлила Далила.

— Ага! — прищулив глаза, сказала Галина и вцепилась в подругу клешом. — Даже и не думай мне врать! — предупредила она. — Ты врать не умеешь, потому что я вижу тебя насквозь. Короче, не отпущу, пока не расколешься.

Пришлось Далиле рассказывать. Она скороговоркой поведала (окуная подругу в прошлое), как рожала Галина свою Ангелинку, как прихватили ее роды в пути, как вынужден был принимать их случайный мужчина, подобравший ее в Озерках.

— А потом он носил апельсины тебе в роддом¹, —

¹ Истоки истории с Голосом изложены в книге Л. Милевской «Мужской гарем».

закончила свою сентиментальную повесть Далила. — Видимо, там твой адрес с телефоном ему и дали. Он потом и названивал.

— Но почему? — поразились Галина. — Неужели я ему такая понравилась, ненакрашенная, пузатая? Я же страшненькая тогда была.

— За ребенка он сильно переживал. Боялся, что Ангелинка не выживет. Когда я к месту происшествия подъехала, он роды принял уже. Окровавленный сверток из нового пиджака своего к груди прижимает, а в свертке малыш. А он в трансе бормочет: «Я пу-повину перерезал перочинным ножом. Посмотрите, пожалуйста, на малыша. Ребенок хоть дышит?» Я, помнится, еще удивилась: «А вы сами, что, не смотрели?» И он мне признался: «Я боюсь. Малыш сначала кричал, когда я его переворачивал и хлопал по попе. Но теперь он молчит. Он не умер? Посмотрите, пожалуйста». Чувствуется, стресс бедный мужик получил по полной программе. Видела бы ты его, бедолагу: глаза безумные, губы синие, руки трясутся. Вот так-то, моя дорогая. Видимо, предсказательница не обманула тебя.

— Так вот откуда он взялся, Голос! — прозрела Семенова. — Ой, мамочка! И предсказательницу я встретила часа за два до родов. К нему, получается, шла. Так и есть. А точно ли он мне звонит? Почему ты уверена? — разволновалась Галина.

— Точно-точно, я позже с ним разговаривала...

Наткнувшись на осуждающий взгляд подруги, Далила поспешно добавила:

— Спустя год мы встретились с ним абсолютно случайно. Я даже имени этого парня не знаю.

— Случайно? Тогда как ты поняла, что это он мне звонит?

— Знаешь, было ужасно сложно, но я догадалась, — попыталась отшутиться Далила.

Однако, увидев, как яростно раздуваются ноздри Галины, она испуганно сообщила:

— Однажды я заметила, что он за нами следит во время нашей обычной субботней прогулки. Я догадалась, что делает он это не в первый раз.

— Зачем?

— Видимо, на Ангелинку приходит смотреть.

— Зачем?

— Похоже, ответственностью оброс, невольно считает себя вторым ее папой. Именно из этого я и сделала вывод, что он человек порядочный, как раз такой, какой тебе нужен.

Услышав это, Семенова набросилась на подругу:

— Так что же ты, зараза, молчала! Я тут схожу с ума, теряюсь в догадках, а ей хоть бы хны! И там приметил и тут заключила, а мне ни гугу!

— Да ради тебя и молчала, — рассердилась Далила. — Я боялась, что ты начнешь на него наседать и все испортишь. Ты же у нас любительница форсировать события, а мужчин такая поспешность отпугивает. К тому же не все так просто, как тебе кажется.

— Что еще? — насторожилась Галина.

— В тот день, когда ты рожала, он рвался к жене. Кажется, они собирались на торжество.

— Так он женат?!

Далила поспешила успокоить подругу:

— Был женат, но, похоже, брак у него разладился. Думаю, окончательно.

— Почему ты так думаешь?

— Он же на свидание тебя пригласил.

Галина всплеснула руками:

— Поразительно! Какая вера в святость мужчин! Будто брак помеха свиданию!

— Да нет, — возразила Далила, — он не из таких, не любитель легких интрижек. Мне он показался серьезным, обстоятельным и порядочным человеком.

— Ну, правильно, ты же у нас психолог. И как же все было, уважь, расскажи.

Не обращая внимания на подколки подруги, Далила невозмутимо поведала:

— Полагаю, что брак у него не состоялся, но он пытался удержать его от распада. На самом деле мужчины семейные неурядицы переживают тяжелее, чем женщины. Думаю, он в роддоме узнал, что ты мать-одиночка. Когда стало и ему одиноко, он тебе позвонил.

Разочарованно вздохнув, Галина спросила:

— Значит, не краса моя сразила его? Позвонил мне от одиночества.

— О котором не решался сказать. Но я была абсолютно уверена, что рано или поздно он все же решится, поэтому и боялась тебе о догадках своих говорить. Галь, ты бываешь слишком напористой, а он тогда еще сомневался...

Семенова возвестила:

— Зато теперь у него нет сомнений!

— Ты о чем? — удивилась Далила.

— Я послала его! — призналась Галина и громко завывала: — А все Люська, зараза! Заладила: «маньяк» да «маньяк»! Теперь-то я понимаю: она мне, зараза, завидовала! У самой муж кобель, а меня добрый красивый мужчина обхаживает, порядочный и серьезный!

«Ну вот, — удручилась Далила, — теперь на Людмилу свалит все беды. Будто о красоте и серьезности Голоса не только что узнала сама».

Галина тем временем выть перестала и, в ярости сжав кулаки, зло прошипела:

— Убью эту заразу. Точно Люську убью.

— Если успеешь, — горько вздохнула Далила.

Галина открыла рот:

— А что?

— Похоже, нашу подругу Карачка собрался убить.

— Собственный муж? С чего ты взяла?

Далила выложила свои подозрения:

— С того, что Анфису Пекалову он убил.

Глава 23

Сообщение Далилы не произвело на Галину должного впечатления. Во-первых, она не собиралась подозревать Сасуняна ни в чем, кроме (говоря ее же словами) «заурядного кобелирования». А что такое «кобелирование»? Снисходительная к мужским шалостям Галина не считала измены зазорным. Во-вторых, она совершенно забыла, кто такая Анфиса Пекалова. Когда же Далила напомнила, Галина фыркнула:

— Ну и что? А зачем Карачке Люську свою убивать? Он же «Опель» ей подарил.

— Если предположить, что Сасунян расчетливый и коварный, то ничего удивительного в его поведении нет, — терпеливо объяснила Далила. — «Опель» он подарил для отвода глаз, чтобы все видели, как он любит жену.

Семенова изумленно уставилась на подругу:

— Ну и дела! Ни фига не пойму, ты с чего это на Карачку взъелась?

Далила утомленно закатила глаза, а Галина, игриво толкнув ее в бок, деловито осведомилась:

— Приставал, что ль, к тебе?

— Уж лучше бы приставал. Все хуже, гораздо хуже. Этот бессовестный Карачка только что на пол-

ном серьезе меня убеждал, что его Людмила сошла с ума и из ревности убила Анфису.

— Да ну! — поразились Галина. — Такое тебе про свою родную жену говорил?

— Именно, — подтвердила Далила.

— Даже не верится. А зачем? Ты же в милицию не побежишь сдавать нашу Люську.

— Не побегу, и он это знает, но все равно говорил. Именно поэтому я и решила, что он собирается Людмилу убить. Сама посуди, Анфиса пишет завешание на имя Сасуняна и в тот же день погибает. Выходит, он первый подозреваемый, и ему ли об этом не знать. Он и пытается на Людмилу стрелку перевести.

— А при чем тут Анфиса? — поразились Галина.

Далила схватила за голову:

— Господи! Ты же не в курсе! У Сасуняна был друг и компаньон Рубен, который погиб. Лишь после гибели Рубена выяснилось, что у него есть невеста, Анфиса Пекалова. Она и получила долю своего жениха. Кстати, теперь уже я начинаю задумываться, не Сасунян ли и Рубена убил?

— И Рубена убили?

— По официальной версии, он сгорел. Выпил лишку и с сигаретой заснул. Но как-то странно все это. Рубен алкоголиком не был. Похоже, подсыпал кто-то ему снотворное, а когда он намертво отрубился, сунул в руку зажженную сигарету, и вот он, пожар.

— Какие страшные вещи ты говоришь! — содрогнулась Галина.

Далила поежилась:

— Самой не верится, что такое возможно, но, с другой стороны, почему Рубен не проснулся, когда начался пожар? Ох, угораздило же нашу Людмилу най-

ти себе муженька. Если я не ошибаюсь, ее Карачка сущий дьявол. Но в одном я не сомневаюсь.

Семенова подалась вперед:

— В чем?

— В том, что Сасунян рассчитывал завладеть долей Рубена, а доля эта по завещанию досталась Анфисе.

— И Карапет сразу Анфису, что ли, убил?

— Нет, не сразу. Он пытался проблему уладить мирным путем. Начал к Анфисе подкатывать, а тут, как назло, она запала на Мишу Калоева. Судя по всему, Калоев не слишком Карачке доверял и за долей Анфисы присматривал. Это Сасуняну и не понравилось.

— Хочешь сказать, что и Калоева Карачка тоже убил? — ужаснулась Галина.

Далила пожала плечами:

— Ну, убить не убил, но до самоубийства уж точно довел. Дело в том, что Карачка влюбился в Марину, жену покойного Миши Калоева.

— Откуда ты все это знаешь?

— И Людмила мне говорила, и он сам подтвердил. Но заметь, Марина теперь не просто вдова. Она наследница фабрики, то есть очень богата.

Галина охнула и вынесла приговор:

— Тогда нашей Люське точно амбец! Раз Карачка уже начал валить на нее убийство Анфисы, значит, завтра она или грибочков ядовитых поест, или упадет под колеса автомобиля. Попробуй потом покойницу допросить, а уж он всем расскажет, какая она убийца. Такой прохиндей и улики еще предоставит. Уж запасся, наверное.

— Этого я и боюсь, — вздохнула Далила. — При чем осуществить свои замыслы он планирует в ближайшее время.

— Почему ты так думаешь? — всполошилась Галина. — Я сейчас на мели, на венки денег нет.

Самсонова рассердилась:

— Да ну тебя, вечно ты с глупостями, когда я о серьезном. Сасунян мечтает спешно выпроводить из Петербурга Марину. О чем это тебе говорит?

Семенова честно призналась:

— Ни о чем.

— Это говорит о том, что она мешает ему. Оказывается, Марина с Людмилой дружат. Хотя наша Людмила и невзлюбила Марину, но я полагаю, что именно в этой Марине ее спасение. Не зря же засуетился хитрец Сасунян. Представляешь, он меня умолял убедить Марину уехать из города. Просил уговорить ее пожить на даче у матери. Поэтому я к тебе и пришла.

— А я тут при чем? — подскочила Галина.

Далила горестно пояснила:

— Ты должна мне помочь. Очень боюсь, что, пока я буду разбираться в кознях Карапета Ашотовича, он под шумок Людмилу убьет.

— А я ему как помешаю?

— Поезжай срочно к Людмиле и под любым предлогом уговори ее переночевать у тебя.

Галина всплеснула руками:

— Совсем ты меня не слушаешь! Ведь я же тебе сказала, что Людмила меня избегает. Даже увидеться с ней не могу. Она на звонки мои не отвечает, не открывает дверь. И как, по-твоему, я ее уговорю?

— Знаешь что, — рассердилась Далила, — не отбрыкивайся. Когда тебе надо, ты горы свернешь.

— Хорошо, — внезапно согласилась Галина, — только сама ей звони и говори, пусть меня принимает.

— Отличная мысль, звоню.

Однако Людмила на звонки не отвечала. Утомившись, Далила глянула на часы и взмолилась:

— Галка, ну придумай сама что-нибудь. Не могу же я разорваться на части. Честное слово, я ужасно спешу.

— Куда?

— Не можем же мы денно и ночью сторожить нашу Людмилу. Чтобы спасти ее, мало прятаться. Надо еще Карапета Ашотовича лишить возможности действовать.

Семенова снизошла:

— Ладно, беги, я сама ее разыщу и уж как-нибудь уговорю заночевать у меня.

— Только смотри, не сболтни про мои подозрения, — попросила Далила.

— Что я, дура?

— Тогда держи меня в курсе, мобильный при мне, все, я побежала.

И Далила устремилась в женский клуб, в надежде застать там Елизавету Бойцову.

Ей повезло, нарядная Лиза, невзирая на свое президентство, ловко мыла шваброй полы и отчитывала уборщицу за «пылюку». Увидев Далилу, она обрадовалась и громогласно спросила:

— Далька, ты? Даже не верится! Да еще так рано!

— Я по делу, — сообщила Далила, многозначительно обстреливая взглядом дверь ее кабинета.

Бойцова обожала секреты.

— Ясно, — с готовностью кивнула она и, вручая швабру уборщице, назидательно ей сообщила: — Скоро вернусь, а ты продолжай в том же духе.

Уборщица нехотя заелозила валиком по полу. Глядя на это, Елизавета протяжно вздохнула, горестно закатила глаза и скомандовала подруге:

— Пошли.

Далила послушно посеменила за ней. Бойцова,

бодро шагая к своему кабинету, пожаловалась оглушительным шепотом:

— Удивляюсь, что за народ. Сколько им ни плати, все равно работать не могут. Не умеют, и все тут. Ты видела, какую я модную швабру этой неумехе купила? — вдруг спросила она.

— Швабра отменная, — машинально похвалила Далила, думая о Марине Калоевой. — Надо как-нибудь и себе такую купить.

Бойцова похвастала:

— Двести доллiаров стоит.

Далила шарахнулась:

— Неужели?

— Наимоднейшая.

— Это ж надо додуматься, моду на швабры вводить. Нет предела глупости человеческой, — поразила Далила и проворчала: — Алчность только на глупости и наживается. Нет уж, я пока потерплю. Моя старая швабра ничем этой модной не хуже, а купила я ее за трояк.

— Сто лет назад! — расхохоталась Бойцова, открывая дверь своего кабинета.

Падая в дорогое и стильное кресло, она снисходительно посоветовала подруге:

— Ладно, Далька, не жмись, приобрети приличную швабру. Твоя старая смехотворна.

Далила, презрительно дернув плечом, отбилась:

— Еще чего! Выбрасывать деньги на ветер в погоне за модой не собираюсь.

— У всех нормальных людей уже есть.

— Я и без швабры нормальная.

— Не заставляй тебе швабры дарить, — рассердилась Елизавета. — А то припрусь на именины с полным комплектом: шваброй, ведром и совком, — пригрозила она.

— Отстань, я не швабры пришла обсуждать, — отмахнулась Далила. — Ты Марину Калоеву знаешь?

Брови Елизаветы подпрыгнули:

— А ты?!

— Что я?

— Ты что, Марину не знаешь?

— А почему я должна всех «членш» твоих знать?

Постоянных я знаю, а новые то появляются, то исчезают. Всех не упомнишь.

— Еще бы! Ты так «часто» в клубе бываешь, как тут упомнишь. Но Марина другое дело, ее-то ты знать должна, она наш казначей.

— С каких это пор? — поразились Далила.

— Ну, мать, ты совсем от жизни отстала. Да месяцев пять или шесть, — сообщила Елизавета, расплываясь в довольной улыбке. — С тех пор как Маринку выбрали, я хоть свободно вздохнула, а то Чубарова эта едва по миру наш клуб не пустила.

— Странно, почему же я об этом не слышала?

— И мне это странно! — взбесилась Бойцова. — Я только о том и говорила, как Чубарова на клубные денежки шубы себе покупает. Всех дрянь эта очаровала, еле «членш» уболтала ворюгу сменить. Слава богу, я своего добилась. Чубарову не просто турнули из казначейш, из клуба выгнали. С треском! Взашей! Развели, понимаешь ли, тут демократию, а тебе еще странно.

— Я не про Чубарову, мне странно другое, — отмахнулась Далила. — Почему я про Калоеву слышу впервые?

Елизавета (словно лишь этого и ждала) мигом набросилась на подругу.

— А все потому, дорогуша, — возмутилась она, — что на собрания надо ходить. Пока вас всех соберешь, сойдет сто потов. А ты больше всех отлыниваешь. Два

раза в месяц лекции прочитаешь, и весь твой вклад в развитие современной женщины. А потом еще удивляешься: то это не знала, то то. Можно подумать, ты сильнее других занята.

Далила сочла за благо не огрызаться. Терпеть и ждать — кратчайший путь к тому, что Бойцова утомится. Так и случилось. Елизавета перешла на доверительный тон.

— Слышала, какая беда стряслась у Маринки Калоевой?

Далила проявила осведомленность:

— Да, муж руки на себя наложил.

— Руки на себя наложил?! — подскочила Бойцова. — Он же случайно погиб! Марина сказала, несчастный случай.

— Не знаю, возможно, и случай. Я не очень-то в курсе, — дала задний ход Далила.

Елизавета успокоилась и немедленно начала вводить ее в курс.

— Представляешь, сидел человек в своем кабинете, — запричитала она, — захотел вдруг почистить свой пистолет, да что-то из него достать позабыл. Короче, уж не знаю, как это несчастье произошло, только прямо в голову Михаилу бабахнуло. Жалко Маринку. Тяжело переживает, бедняга, хоть и жили они как кошка с собакой.

— Как кошка с собакой? Откуда ты знаешь? — удивилась Далила.

— Да я сто лет ее знаю, — сообщила Бойцова, — со студенческих дней. Мы с ней однокурсницы. Я Маришу и в клуб затащила.

— Выходит, Михаила ты тоже знала?

— И Михаила покойного знала. Ох, не промах он был мужик!

— В каком смысле? — уточнила Далила.

— Насчет нашего полу мастер большой, за что Маринка его и гоняла. Ох, поначалу они и ругались! Настоящая шла война, а потом ничего, утряслось. Самое обидное, едва начала их семейная жизнь налаживаться, только зажили душа в душу, и вот она, сразу беда.

Далила поинтересовалась:

— Если Калоевы зажили душа в душу, то почему ты Марину в свой женский клуб привела?

— Можно подумать, — рассердилась Бойцова, — в мой клуб приходят только несчастные бабы.

— Да ладно тебе, мне-то хоть не рассказывай. В нашей стране счастливые женщины чаще дома сидят.

Елизавета неожиданно согласилась:

— Ты права, те, которые думают, что счастливые, дома сидят. Сидят, дуры, ждут, незнамо чего. А ждут одного: их или бросают, или забрасывают. Мужчины не очень-то разгоняются делать нас, женщин, счастливыми. И Маринка к нам с тоски прибрела, — призналась она.

— И какова причина тоски? — осведомилась Далила.

— Ой, — вздохнула Бойцова, — с Михаилом своим навоевалась Маринка до капли последней и впала в отчаяние. Как-то раз к ней прихожу, а она ревет и спрашивает: «Лиз, есть ли на свете добрые мужики? Неужели они агрессоры все, как один? Вот Мишка мой, мало, что он постоянно не прав, так еще и злой как собака. Попробуй его упрекнуть, сразу в скандал». Я ей и посоветовала: «А ты, Мариша, любовника себе заведи. Из всех мужиков только любовники ласковые, остальные — сплошное зверье, кого ни возьми: хоть подчиненный, хоть муж, хоть начальник».

— И что же она?

— Да вроде бы завела.

Далила опешила:

— Что значит «вроде бы»? Ты что же, посоветовала и не осуществила дальнейший контроль? Чем закончилась эта история?

Бойцова пожала плечами.

— Неужели не знаешь? — поразилась Далила. — На тебя не похоже.

— Так всегда с ней, с этой Мариной, — обиженно проворчала Елизавета и с досадой махнула рукой: — Ну, ее!

Самсонова попросила:

— Нет уж, пожалуйста, поясни.

— Принципы у нее. Не любит Марина распространяться на интимные темы. О чем же нам, бабам, еще говорить? — возбужденно спросила Бойцова. — Не о пьянках же, автомобилях, охоте, рыбалке, как примитивные мужики.

— Нет, конечно, — усмехнулась Далила. — Мужчины так редко заводят речь о любви, что только женщинам и остается о ней говорить.

— Вот именно, — сердито подтвердила Елизавета, — должны же мы хотя бы поговорить об этой проклятой любви. Ведь в глаза же ее никто и не видел, но зато как говорят! Как говорят!

Отношения мужчины и женщины — болезненная тема для пострадавшей Елизаветы Бойцовой. Зная это, Далила поспешно воскликнула:

— Давай вернемся к Марине. Мне интересно, был у нее любовник?

— Был!

— Откуда ты знаешь, если она терпеть не может интимных тем?

— Нет, про роман-то Мариша мне намекнула, а вот о своем воздыхателе распространяться не стала. Да я особо и не выпытывала. Вижу, ходит счастли-

вая, ну, думаю, и слава богу. Главное, что в их семье наступил покой. Мариша уступчивей стала, и Мишка к ней подобрел.

— И как долго длилась идиллия? — поинтересовалась Далила.

Елизавета нахмурилась:

— Недолго совсем. Знала бы ты, как я себя клянусь!

— За что?

— За дурацкий совет. Маринка и врать-то толком не научилась, и мамаша у нее еще тот правдолюб. Короче, нашла я кому посоветовать любовника завести.

Далила с грустью отметила:

— Многим такой совет помогает.

— Многим, но не Марине.

— Почему же не ей?

В ответ Елизавета похвалила Калоеву, но с большим осуждением:

— Она благородная и честная слишком, из тех, кто лучше будет прощать, чем сам прощения просить. Представляешь, эта дурочка, вместо того чтобы наслаждаться любовью, начала грызть себя за измену, то ноет, то жалуется.

— И что тебе говорила? — поинтересовалась Далила.

— Что муж — хорошо, а любовник — фигня. Короче, я поняла: не создана она для адюльтера, а что еще бабе делать? Без пахоты женская жизнь пуста. Работа, дети, кухня, стирка, уборка — вот наш удел. На работу Мишка ее не пускал. Детей у Мариши нет, зато есть прислуга. В общем, я ей присоветовала наш женский клуб.

Далила одобрила:

— Правильно присоветовала, общественная работа пустоту истребляет.

— А в тот вечер как раз твоя лекция была запла-

нирована, вот я ей и сказала: «Приходи, не пожалеешь. Самсонова в человеческих душах ас».

— И как она, сразу пришла?

— Пришла, — рассмеялась Бойцова, — пришла и на лекцию, и в восторг. Ты своими речами учеными так ее поразила, что Мариша изменила жизненную философию. «Все не так у меня, — говорит, — но зато теперь знаю, как исправлять». Я так думаю, что она любовника бросила и, следуя твоим указаниям, наладила отношения с мужем. Перестала киснуть, ходит в наш тренажерный зал, влилась в активную общественную жизнь, казначеем стала, отлично справляется и даже фонд помощи матерям-одиночкам курировать успевает. Ожила, расцвела. Если бы не беда, была бы самой счастливой женщиной в мире.

Самсонова оторопело заметила:

— Надо же, выходит, я к этой Марине невольно имею непосредственное отношение.

— Еще бы! — хмыкнула Елизавета. — Своим психоанализом ты перекроила Маришину жизнь. Твои лекции она обожает. Ни одной не пропустила. Даже странно, что ты с ней не знакома.

Далила призналась:

— Стыдно самой. Когда лекции читаю, всегда немного волнуюсь. Очень сосредоточенно тему держу. И в зал вроде смотрю, но никого там не вижу. Лица сливаются в одно сплошное пятно.

— Да, читаешь ты действительно сосредоточенно. Мариша всегда садится в первом ряду. И вопросы активней всех тебе задает. Я думала, вы знакомы.

— Ты так мило о ней рассказала, что хотелось бы познакомиться, — схитрила Далила, скрыв, что однажды беседовала с Мариной.

Елизавета хихикнула:

— Да уж, пора. Одна беда, — вздохнула она, — по-

сле гибели мужа Мариша в клуб не заходит. Я к ней на днях забегала. Лежит, бедолага, пластом, а в глазах тоска смертная. Я ушла от нее, словно с кладбища.

— А что с ней? Депрессия или просто горюет?

— Вот уж не знаю, — пожала плечами Бойцова, — в этих делах ты у нас «спец». Далька, — попросила она, — зашла бы ты к ней, вроде от нашего клуба, поддержать, передать приветы. То да се, заодно определишь, в каком она состоянии. Может, ей кардинальная помощь нужна.

Далила только этого и ждала.

— Я прямо сейчас и пойду, — удовлетворенно кивнула она. — Только дай мне причину. Для Марины будет полезней, если я по делу приду, а не утешать.

Елизавета обрадовалась:

— Есть и причина! Отправляю тебя вроде бы по казначейским делам. Захватишь бумаги, пусть составит отчет. Отчет мне и в самом деле понадобился.

Глава 24

Дверь Далиле открыла пожилая высокая женщина с добрым славянским лицом.

— Вы, наверно, к Мариночке? — спросила она. — А ее дома нет.

— А скоро ль Марина будет? — вежливо поинтересовалась Самсонова.

Женщина равнодушно пожала плечами:

— Не знаю.

Далила представилась и сообщила о цели визита — сразу же выяснилось, что Калоева вот-вот придет. Женщина просияла и радостно зашебетала:

— Я Вера Николаевна, мама Мариши. Проходите, пожалуйста, дождитесь ее обязательно. Дочка мне не простит, если вас отпущу.

Самсонова ее успокоила:

— Да-да, я дождусь. А далеко ли Марина ушла? — спросила она.

— В аптеку. Здесь, рядом совсем, за углом.

— Она заболела?

Вера Николаевна протяжно вздохнула:

— Какое уж тут здоровье. И Марише неможется, и я расхворалась. Ах, ну надо же, — запричитала она. — Мариша из дому не выходит, с дивана почти не встает, а тут, как назло, за лекарствами выскочила. И именно в тот момент, когда вы пришли.

— Я не надолго, — сказала Далила.

— Нет-нет, я не к тому, просто счастье, что вы пришли. Мариша все эти дни только о вас и говорит. Теперь и я ваши книжки читаю.

Самсонова поинтересовалась:

— И как они вам?

— Поучительно, даже очень. Жаль, что на старости лет узнаю, как неправильно я жизнь прожила.

Обиженно взглянув на Далилу, Вера Николаевна спросила:

— Где она раньше была, эта наука? И почему нас никто таким премудростям не учил?

Самсонова горестно усмехнулась:

— К сожалению, не всегда они помогают. Я вот и сама овладела премудростями, и других премудростям этим учу, а ошибок наделала бездну. И продолжаю их делать.

— Но почему?

— Потому что слаб человек. Иной раз знаю, как должна поступить, но не всегда удается себя заставить.

Вера Николаевна улыбнулась:

— А я по вашей науке себя заставляю, у меня пока получается. Вы знаете, я даже эксперименты про-

извожу. Прочитаю страницу из вашей книжки и на соседке ставлю эксперимент.

Она вдруг всплеснула руками:

— Ой, да что это мы в прихожей стоим! Проходите в гостиную! Вы уж извините, там не прибрано. Как Мишу похоронили, Мариша прислугу сразу же отпустила. А сама убирать не может, сил нет. Только лежит и вздыхает.

И в самом деле, пройдя в гостиную, Далила увидела беспорядок. На диване поверх пледа лежала ее последняя книга, в которой она анализировала нравственный упадок современной семьи.

— Можно взглянуть? — спросила Далила.

Вера Николаевна поспешно кивнула:

— Конечно.

Книга была раскрыта на главе, посвященной лжи. Самсонова, исследуя природу лжи, в целом оставляла за человеком право на секреты и тайны. Она допускала, что, оберегая их, можно прибегнуть ко лжи, оставаясь порядочным человеком. Но призывала не увлекаться, рекомендовала беречь свою совесть, не грузить ее лишней ложью.

«Совесть — верный страж и защитник человеческих интересов. Беречь ее чаще выгодно человеку, чем наоборот. Случаи, когда идти наперекор собственной совести целесообразно, крайне редки, — утверждала Далила на этой странице. — Ложь не блюдо, а всего лишь приправа — говоря языком кулинарии. Если приправа начинает заменять основные продукты, блюдо безнадежно испорчено. Так и в человеческих отношениях: если ложь превалирует, они безнадежно испорчены. Более того, ложь — это яд, который в малых дозах — лечебен, а в огромных — смертелен».

Далила с интересом взглянула на Веру Николаевну и спросила:

— Это вы читали эту страницу?

Та кивнула:

— Да, именно я. Только что.

— А Марина это читала?

— Маришу все больше интересует, как устроен мужчина и как завоевать его сердце. Молодая еще, к тому же вдова.

Далила припомнила, что устройству мужчины она посвятила последние три главы. Именно там и лежала закладка.

— А как вы относитесь ко лжи? — спросила она.

Вера Николаевна пожала плечами:

— Увы, я известная правдолюбка, чем когда-то даже гордилась. К сожалению, и Маришу так воспитала.

— Почему же «увы» и «к сожалению»? — удивилась Далила.

— Потому, что с годами я поняла: говорить всем и всегда правду в глаза — настоящая глупость. Глупость, которой подло гордиться. Вы правильно пишете в книге. Я с вами согласна. Действительно, человек так устроен, что не может прожить без лжи. Ложь порой необходима даже доброму и порядочному человеку. И я теперь вот Марише лгу. Много лгу: что здорова, что не волнуюсь, что все у меня хорошо. Лгу, и правильно делаю. Еще ей болезней и проблем моих не хватало.

— А что же она в аптеку тогда пошла? — невесело улыбнулась Далила.

Вера Николаевна виновато вздохнула:

— Значит, я плохо лгу. Много, но плохо. Видимо, неисправима. Ничего не поделаешь, пережитки прошлого. Справедливость, долг, честь, великодушие, благородство — так во мне и кишат. Все, чему когда-то на примере Павла Корчагина нас учили, к сожалению

нию, в некоторых прижилось. А вот как со всем этим выживать, никто нам не объяснил. Хуже другое, Мариша меня превзошла, а время грязное — мутное время. Скажите, как в наши лживые дни жить по совести?

— Действительно трудно, — согласилась Далила. — Жить трудно, а хорошо жить, кажется, невозможно.

Вера Николаевна снова вздохнула:

— Вот и страдает она. Тяжело ей в этом несправедливом мире. Вы уж утешьте ее, я вас очень прошу.

Далила заверила:

— Обязательно. Для этого я и пришла.

В прихожей хлопнула дверь, и раздался звонкий девчоночий голос:

— Мамочка, я примчалась! Хотя ты у меня и здорова, но не сердись, буду лечить!

Вера Николаевна с просветленной улыбкой кивнула на дверь:

— А вот и Мариша. Доченька, у нас гости! — громко возвестила она.

В гостиную, прижимая к груди коробки с лекарствами, влетела стройная молодая женщина с восточным смуглым лицом. Далила ее узнала. Она тоже узнала Далилу и изумленно воскликнула:

— Вы?! Какая приятная неожиданность!

Самсонова поспешила прояснить цель прихода:

— Меня Елизавета прислала...

Закончить она не успела, Марина ее прервала, разочарованно сообщив:

— Да-да, отчеты готовы. Я все сделала в срок.

Вера Николаевна вставила:

— Она у меня аккуратная.

И тут же, ощутив себя лишней, вдруг заспешила:

— Ну, не буду мешать вам, Далила Максимовна, пойду вашу книжечку почитаю, дело полезное.

Марина, бросив Самсоновой «простите, сейчас я вернусь», поспешила за матерью. Из соседней комнаты тотчас послышался ее нежный голос:

— Мамочка, я купила не все. В нашей аптеке кое-чего не оказалось, но завтра утром я кого-нибудь попрошу съездить в центральную. Там, говорят, есть даже самые редкие. К следующему приему у тебя обязательно будет полный комплект лекарств.

Вскоре Марина вернулась и пояснила с виноватой улыбкой:

— Еще и мама вот приболела.

Далила поняла, что попала к очень хорошим, но беззащитным людям. Глядя на хрупкую фигурку Калоевой, на ее добрые ласковые глаза, на безвольно опущенные плечи, она решила брать быка за рога и спросила:

— Марина, кого вы боитесь?

Калоева вздрогнула, но ответила:

— Никого не боюсь. Почему вы так думаете?

— Отвечу вопросом: вы любите свою маму?

Ответ прозвучал с горячностью:

— Больше жизни люблю!

Далила заметила:

— Но, несмотря на эту любовь, вы все же вынуждены были ее к себе пригласить. Убитую горем, больную. Зачем? И почему сами к ней не поехали?

— Мне одиноко одной, — покраснела Марина. — А из Питера уезжать не хочу.

— Вы не умеете лгать, лучше скажите правду: почему вы боитесь уехать из Питера?

Калоева опустила голову и смущенно пролепетала:

— Я боюсь за Людмилу.

И, с мольбой взглянув на Далилу, попросила:

— Только не задавайте, пожалуйста, больше таких вопросов.

— Ну, уж нет! Я здесь как раз для того, чтобы задавать вам такие вопросы, — открыла карты Далила и снова подметила: — Вы даже в центральную аптеку, матери за лекарством, пойти не решились, а утверждаете, что никого не боитесь. И мама ваша боится. Когда я пришла, она встретила меня очень настороженно.

Марина, упрямо тряхнув головой, повторила:

— Вы ошибаетесь. Мы никого не боимся.

— А почему вы отпустили прислугу?

— Мне хотелось побыть одной.

— И поэтому вы вызвали маму? Нет, — возразила Далила, — прислугу вы отпустили потому, что боитесь свидетелей. Свидетелей чего, возникает вопрос.

— Пожалуйста, не спрашивайте об этом меня! — взмолилась Калоева.

Самсонова согласилась:

— Хорошо, я буду сама на вопросы свои отвечать. Маму вы в курс дела не вводили, но она умная и проницательная, догадалась сама. А вызвали вы ее, чтобы кого-то свидетелем напугать. Кого? Сасуняна. Узнав, что здесь ваша мама, он не решится прийти, вы так полагаете. А из дома вы боитесь уйти потому, что ждете известий или звонка. От кого? От Людмилы, жены Сасуняна.

— Откуда вы знаете? — отшатнулась Калоева.

Далила заверила:

— Я много знаю. Потому к вам и пришла. Я хочу вам помочь.

Марина заплакала:

— Ах, мне никто... Никто не поможет! Мне действительно страшно!

— Почему?

— Уже и Трофимыч убит!

— Трофимыч? — удивилась Самсонова. — Кто это?

— Сторож. Он дежурил в то утро на фабрике, ну, когда Миша погиб.

— Погиб? Вы абсолютно уверены, что вашего мужа убили, — не столько спросила, сколько констатировала Далила.

Марина кивнула:

— Да, конечно. Я была там у него накануне...

Глава 25

Это был шок: «Марина была накануне у мужа!»

Самсонова переспросила:

— Вы были на фабрике?

— Да, — кивнула Калоева, — мы туда вместе пришли.

«Выходит, Сасунян и здесь мне солгал», — мысленно констатировала Далила и, подавшись вперед, воскликнула:

— Расскажите, пожалуйста, как это было?

Калоева не заплакала (чего боялась Самсонова), она печально произнесла:

— Накануне вечером мы слегка покутили, возвращались поздно из клуба. Миша был весел, много шутил. Потом зазвонил мобильный...

— Вы знаете, кто ему позвонил? — поспешно поинтересовалась Далила.

— Нет, сам он не сказал, а я не спросила.

— Так нелюбопытны?

— Ему часто звонили, но почему вы об этом спрашиваете? — удивилась Марина.

Самсонова, глядя ей прямо в глаза, призналась:

— Потому, что жена Сасуняна, Людмила, моя подруга, это во-первых. Во-вторых, ваша история выгля-

дит очень странной. В-третьих, я к ней немного причастна.

Марина нахмурила лоб. Далила поспешила заверить:

— Не волнуйтесь, я не собираюсь вмешиваться в чужую жизнь. Лишь хочу разобраться, не грозит ли Людмиле опасность.

Калоева пролепетала:

— А я, похоже, уже разобралась.

— И что же? — испуганно осведомилась Далила.

— Похоже, грозит.

Самсонова с укором предположила:

— Но рассказать о своих догадках вы, конечно, не захотите.

Калоева содрогнулась:

— Нет-нет, ни в коем случае. Зачем?

— Я хочу вам помочь.

Марина вздохнула:

— Нет, не поможет. Только впутаю вас понапрасну, а это опасно. Но я хотела бы вас попросить, можно?

— Конечно, — кивнула Далила.

Калоева разрыдалась.

— Умоляю вас! — всхлипывая, запричитала она. — Разыщите Людмилу! Уговорите Люсеньку уехать из города!

— Уехать куда?

— Куда угодно, лишь бы подальше от мужа! Я за нее ужасно боюсь!

— Но почему вы сами не предупредите Людмилу? — удивилась Далила. — Я слышала, вы с ней тоже дружны.

— Были дружны, — прекращая плакать, призналась Калоева. — Незадолго до гибели Миши Людмила без всякой причины меня невзлюбила.

— Невзлюбила вас? И как это проявилось?

— Люся несколько раз мне звонила, очень громко за что-то бранила.

— За что?

— Я не поняла. Она ничего толком не объяснила, а я была в шоке. Теперь уже думаю, Сасунян ей гадостей про меня наговорил. Оказалось, что ему выгодно посеять между нами вражду.

— Но почему?

Марина смутилась:

— Простите, я сказать не могу.

— Хорошо, — горько вздохнула Далила, — расскажите хотя бы про тот страшный день. Вы ехали с вечеринки домой, вашему мужу вдруг позвонили и что? После звонка он изменился?

— Нет. Миша по-прежнему был веселый, анекдотами сыпал, а потом вдруг сказал: «А давай-ка, Мариша, заскочим на фабрику. Папку с документами по пути прихвачу». Заскочили. Я с ним в офис вошла.

— И вы вошли?! — поразились Далила. — Почему же на пленке этого не было?

Калоева удивилась:

— На какой еще пленке?

— На фабрике установлены видеокамеры...

— Ах, вы про это. Да, запись, наверно, велась. Я не знаю, не интересовалась. А что?

Далила покачала головой:

— Ничего, продолжайте.

Марина продолжила:

— Миша в сейф свой полез, какую-то папку достал, а потом вдруг мне говорит: «Поезжай-ка, Мариша, домой, а я останусь здесь, поработаю. Срочные дела появились». Я вынуждена была вернуться одна.

— На чем вы возвращались?

— Мишин водитель меня до подъезда довез.

«Значит, свидетель есть», — мысленно определила Самсонова и спросила:

— Он-то хоть жив, этот водитель?

Марина пожала плечами:

— Кажется, жив.

Раздался телефонный звонок — в кармане Далилы задрожал, запрыгал мобильный. Это была Галина.

— Далька, — рапортовала она, — Люську я уже отыскала, но у меня проблема: не с кем дочку оставить. Можно я Ангелинку подброшу твоей тетушке?

— А Мара не против?

Галина заверила:

— Мара согласна.

— Ладно, подбрось, — согласилась Далила.

Семенова возликовала:

— Спасибо! Тогда я сразу к Люське помчусь. Она сегодня добрая, охотно со мной говорила. Думаю, уболтаю ее заночевать у меня.

— А едешь-то ты куда? — поинтересовалась Далила.

— Мы с Люськой договорились встретиться на Невском, в универмаге, — сказала Галина и, собираясь повесить трубку, попрощалась: — Пока!

— Погоди! А почему в универмаге?

— Вот уж не знаю. Людмила в Пассаже была, когда я ей позвонила, видимо, там и осталась. Думаю, что-то себе покупает, — предположила Галина и опять заспешила: — Ну ладно, Далька, я побегу.

Отправив телефон в карман пиджака, Далила вернулась к разговору с Калоевой.

— А почему вас утром Трофимыч на фабрику не пускал? — спросила она.

— Кто вам это сказал? — удивилась Марина.

— Сасунян.

Калоева поразилась:

— Странно. Зачем Кара солгал? Трофимыч нас беспрекословно пустил. Он нас обоих отлично знает, он был очень приветлив.

— Ясно, — кивнула Далила. — И что было дальше?

— Когда мы с Карапетом через проходную прошли, из Мишиного окна, из его кабинета, громкий выстрел раздался. Миша с криком появился в окне и тут же скрылся. Мы испугались. Сасунян помчался к офису, я — за ним.

Далила воскликнула:

— Кто первым вбежал в кабинет? Сасунян или вы?

Марина без запинки ответила:

— Конечно же, Карапет. Он бежит гораздо быстрее. К тому же я на каблуках в то утро была.

Беседа снова прервалась: опять запрыгал мобильный в кармане Самсоновой. Извинившись перед Мариной, она раздраженно прижала трубку к уху. На этот раз звонила ее секретарша.

— Далила Максимовна, ваше поручение выполнено, — голос у Даши был заунывно-растерянный. — Я все узнала. Светлана Михайловна уже не придет никогда.

— Почему? — спросила Далила, предполагая самое страшное.

Она не ошиблась.

— Светлана Михайловна умерла, — пискнула Даша.

Сообщение потрясло Далилу, она очумело молчала. Дарья же, хлюпнув носом, пояснила причину своего расстройства.

— Ваша Светлана Михайловна мне крупную сумму должна, — посетовала она.

— Сколько? — приходя в себя, строго осведомилась Далила.

Самсонова давно знала, что благодарные изле-

ченные пациенты осыпают Дарью подарками. Знала она и то, что практичная секретарша частенько подарки те продает другим, еще недолеченным пациентам. Самсонова Дарье это прощала за трудолюбие.

— Так сколько Светлана Михайловна тебе задолжала? — повторила она.

Секретарша призналась:

— Десять долларов за духи.

Самсонова ее успокоила.

— Я отдам, — сказала она, удивленно подумав: «Странно, богатая Светлана Михайловна покупает у Даши духи. Все дорогое мне достается, Даше дарят что «подешевше». Зачем же богатой Светлане Михайловне покупать у моей секретарши всякую дешевую дрянь?»

Отправив трубку в карман, Далила вновь попросила Калоеву:

— Продолжайте, пожалуйста.

Но Марина, тревожно глядя в ее лицо, спросила:

— У вас неприятности?

— Нет, так, пустяки, — солгала Далила, хотя смерть любимой своей пациентки пустяком не считала. — Сасунян первым вошел в кабинет, вы — следом, — напоминая, подсказала она, — и что было дальше?

Калоева разрыдалась:

— Миша лежал на полу. Дальнейшее я не помню. Сознание потеряла. Очнулась в больнице. Сахар резко у меня подскочил, с детства страдаю сахарным диабетом.

— Простите, я, наверное, слишком жестока, — сникла Далила, подумав: «Диабет имеется, хоть в чем-то Сасунян не солгал».

— Вовсе вы не жестоки, — сказала Марина. —

Я и без вас постоянно тот жуткий день вспоминаю. Мне лучше выговориться. Я слишком много молчу.

— Да, вам надо выговориться, — согласилась Далила. — Тогда скажите, пожалуйста, вы знаете, куда ваш муж пропадал по пятницам? И почему именно в ту роковую пятницу он остался на фабрике? Михаил объяснил вам, почему, изменив традиции, вы отправились в клуб?

Задавая вопросы, Самсонова видела, как менялось лицо Марины, но уловить суть изменений она не могла. Исчерпавшись, Самсонова замолчала, Калоева же отвечать не спешила. Наконец, изумленно тараща глаза, Марина призналась:

— Далила Максимовна, я ничего не поняла.

— Что вы не поняли?

— Про традиции, клуб и прочее.

Сообразив, что попала впросак, Самсонова осведомилась:

— Что, традиций не было?

Калоева сообщила:

— Традиция в нашей семье была. По пятницам Миша не пропадал. Всю неделю он бывал очень занят, а по пятницам мы обедали в ресторане. Потом возвращались домой. Слушали музыку, пили вино, беседовали, обсуждали события прошедшей недели. Так было и в тот день, только обед затянулся до ужина, и домой я вернулась одна.

Удивленная Далила молчала. Калоева, заметив ее смущение, спросила:

— Интересно, почему вы решили, что Миша по пятницам пропадал? Кто вам это сказал?

— Сасунян, — призналась Далила.

Марина отшатнулась:

— Так я и знала. Но зачем? Зачем он это придумал? Вы мне не скажете?

— Понятия не имею, — солгала Самсонова.

Она не решилась делиться своими ужасными подозрениями и, поспешив сменить тему, спросила:

— Вы не знаете адреса Зины Поповой?

Марина задумалась:

— Зина Попова... А кто это? — рассеянно спросила она.

— Подруга Анфисы.

— Анфисы? — Красивые брови Калоевой изумленно взлетели. — Какой Анфисы?

— Анфисы Пекаловой.

— Я не знаю такой. Кто она?

— Анфиса Пекалова была невестой Рубена, — начала объяснять Далила, но Марина ее перебила:

— Какого Рубена?

Далила безнадежно махнула рукой:

— И этого вы не знаете. Все! Все мне наврал!

Калоева, от удивления тараща глаза, пыталась понять, что происходит. Самсонова ничего ей не объясняла. Далила сама была поражена, она задумалась: вспоминала беседы с Людмилой и с Сасуняном. В калейдоскопе мыслей мелькнула фраза подруги: «Нет, Марина сама не пошла, и Мише идти запретила». Эта фраза прозвучала в ответ на вопрос, была ли Марина на похоронах Рубена.

— Но как же Людмила? — испуганно закричала Далила. — Она-то зачем врала, что вы ненавидели Рубена, а потом и Анфису Пекалову?

Калоева встала на защиту подруги: начала сбивчиво и торопливо убеждать, что Людмила ни в чем не виновата, что это все Карапет, он заставляет всех лгать...

Далила ее не слушала.

«Нотариус еще на работе, — размышляла она. — Если поспешу, возможно, успею его застать».

Быстро распрощавшись с Мариной, она села в «Форд» и стремительно понеслась в свой офис.

Глава 26

«Удивительно, Калоева не знает Анфису, — размышляла она. — Разве возможно такое?»

А почему бы и нет? Я что, знала всех любовниц приятелей своего Матвея? Если честно, и приятелей знала не всех.

Интеллигентная Марина придерживается принципов высокой морали, так кто же станет ее посвящать в аморальные отношения?

Конечно, никто. Более того, Калоев держал ее дома, ни с кем не знакомил. Его основная жизнь проходила вне семьи. А Рубен вообще не его друг, он компаньон Сасуняна. Совершенно естественно, что Марина на похоронах у Рубена не была, о чем и говорила Людмила. Неудивительно, что Марина никогда не слышала о Рубене, как и об Анфисе. Нормальные мужья не спешат знакомить жен со своими любовницами.

Но если Марина понятия не имеет об Анфисе Пекаловой, за что она сердится на Сасуняна?

Она явно убеждена, что Сасунян убил ее мужа.

Но выстрел (видимо, не смертельный) прозвучал в кабинете, когда Калоева с Сасуняном были внизу. Они вдвоем видели Михаила, он им кричал.

Значит, был второй выстрел. Вторым выстрелом Сасунян Калоева и добил.

Но почему второго выстрела не слышал никто?

И почему на теле Калоева не нашли второй раны? Посему выходит, что Сасунян не убивал.

Но при этом Марина точно знает, что Сасунян опасен. Не зря же она просила меня разыскать Людмилу и уговорить ее уехать из города.

Неужели у Сасуняна сообщник? Как же он проник незамеченным в офис? Сговор с охраной, с Трофимычем? Не потому ли Трофимыч погиб?

Или все было по-другому. Сообщника нет. Возможно, Михаил действительно хотел застрелиться, но струсил и выстрелил в воздух. А Сасунян первым вбежал в его кабинет и другу «помог».

Эх, знать бы, что Марина скрывает. Ведь она что-то видела, что-то знает», — вздохнула Далила.

Единственное, что было ясно определено, — Людмила в опасности. Сасунян расчетливый и хладнокровный убийца. Сначала он убивает своего компаньона: в надежде завладеть его долей устраивает поджог. Потом Сасунян убивает Анфису...

Неизвестно, был ли Михаил в ту роковую ночь у Анфисы, ведь они расстались с Мариной вечером. В любом случае Марина не в курсе. Михаил вполне мог повидаться с любовницей, расставшись с женой. Точнее, повидаться ему не удалось, он наткнулся на труп и запаниковал. Не поэтому ли он хотел застрелиться? Сасунян ему тут же «помог».

Но гибель Калоева не развязала рук Сасуняну. Сасуняну не удалось обвинить Михаила в убийстве Анфисы — помешала Марина. Она встала на защиту мужа, и очень успешно. Судя по всему, покойного Калоева подозревать в убийстве Пекаловой никто не собирается.

Очень расстроился Сасунян. Когда он понял, что Марина не позволит очернить покойного мужа, он решил перевести стрелку на собственную жену.

«Вот для чего я ему понадобилась, — прозрела Далила. — Уверена, он и Галину мою обрабатывал. Не зря же она так зла на Людмилу. Позвоню-ка ей и узнаю».

Далила набрала номер подруги и торопливо спросила:

— Галка, ты где?

— У твоей тетушки Мары, — ответила та. — Трубку ей дать?

— А где она?

— В кухне, пирог нарезает.

— Ты расположилась у тетушки лопать пирог? — ужаснулась Далила и возмутилась: — Ну, Семенова! Ни в чем на тебя положиться нельзя! Я послала тебя Людмилу спасать, ты же...

— Да погоди, — перебила ее подруга. — Пирог Мара режет для Ангелинки, а я уходить собираюсь, одной ногой на пороге стою.

— Ну, так и уходи! — приказала Далила. — Людмила в опасности!

Семенова немедленно выполнила приказ. В трубке слышалось:

— Теть Мар, я пошла.

Следом хлопнула дверь, и под цоканье каблуков Галина спросила:

— Даль, ты че звонишь?

— Сасунян тебя против Людмилы настраивал? — без всяких преамбул спросила Далила.

Галина охотно ответила:

— Настраивал, еще как.

— Что говорил?

— Постоянно зудел, что Люська коварная, лживая, жадная, злая, что его ненавидит, что ради денег терпит его. Говорил, что боится ее.

— Боится? Опять привираешь?

— Еще чего. Так и сказал: «В страхе живу. Того и гляди, отравит и станет богатой вдовой». А что, Люське выгодно его отравить, — пошутила Галина. — Он же кобель ненасытный и Люськой своей недоволен. Подходящую бабу себе найдет и бросит Люську в любой момент. При таких шатких раскладах быть богатой вдовой как-то надежней.

— А с чего это Сасунян с тобой в откровенность пустился? — с подозрением осведомилась Далила. — Ты с ним, радость моя, не спала?

— Как это не спала! Конечно, спала, — обиженно подтвердила Галина и, поспешив успокоить подругу, добавила: — Не горюй, дала-то ему лишь разок, из любопытства.

— Ну и свинья ты! Может, ты и бывшенькому моему, Матвею, дала?

Семенова оскорбленно призналась:

— Матвей не просил.

— Ну, шалава! Я тебя вылечу, — пригрозила Далила и приказала: — Дуй быстро к Людмиле!

— Да дую уже, — миролюбиво отмахнулась Галина.

Распрощавшись с подругой, Самсонова вновь погрузилась в анализ. Припомнился последний разговор с Сасуняном.

Далила подумала: «Как-то неумело, назойливо убеждал он меня, что Людмила убила Анфису. Боялся, что я не поверю? Понял, что не сможет в постель меня уложить? Ну да, в постели оно как-то проще лапшу вешать на уши.

Несомненно, Сасунян чрезвычайно опасен, — заключила Далила. — Никогда себе не прощу, если Людмила погибнет. Похоже, и она подозревает, на что способен ее муженек. Раз Сасунян не может ее найти, значит, прячется Люська, что-то учуяла. Но, видимо, не понимает пока, что происходит. А как ей раскрыть

глаза? Фактов-то нет. Без фактов она не поверит. Да и как в такое поверить? Родной все же муж.

Ах, надо Люську спасать! Как долго Галина сможет продержаться ее у себя? День, два. А потом Люська домой запросится, к своему Сасуняну...

Я срочно должна факты добыть. И загадку должна разгадать: почему был всего один выстрел? Как убил Сасунян Михаила?

Начинать надо с Зинаиды Поповой, с подруги Анфисы. Нотариус ее адрес знает. Черт с ней, с этикой, все ему расскажу, Марк Борисович должен меня понять. И, между прочим, пусть объяснит свое странное поведение. Ведь он знал о смерти Анфисы. Почему же скрыл от меня? Что за тайны? Пусть объяснит».

С этой мыслью Далила ворвалась в здание, где располагался ее кабинет. В лифте столкнулась с соседом, Извергом и Педофилом, — Леонидом Александровичем Костиковым. Костиков смущенно признался:

— Дома не усидел.

— Я не к себе, — предупредила Далила. — Сегодня отменила прием. И очень спешу.

Костиков сразу взмолился:

— Я вас не задержу. Пожалуйста, уделите мне пару минут.

Самсонова с досадой поморщилась, но согласилась:

— Хорошо, говорите прямо сейчас, на ходу. Простите, но я действительно спешу, — извинилась она и предупредила: — Расскажите, сколько успеете, пока я до Марка Борисовича дойду.

Он поразился:

— Вы спешите к нотариусу?

Теперь уже поразила Далила:

— Вы его знаете?

— Не то чтобы знаю. Мы познакомились в тот неприятный вечер, когда погибла моя соседка.

— Речь идет об Анфисе Пекаловой? — остолбенела Самсонова.

Костиков подтвердил:

— Да, о ней. Бедная девочка...

Далила его перебила:

— Знаете, Леонид Александрович, я передумала. Давайте зайдем на минутку в мой кабинет.

— Давайте зайдем, — радостно согласился Костиков.

Глава 27

Едва присев на краешек кресла, Далила торопливо спросила:

— С Марком Борисовичем Анфиса вас познакомила?

Костиков потряс головой:

— Нет. Поздно вечером, перед свиданием с известной нам дамой, я вышел прогуляться на улицу, решил закурить, но выяснил, что забыл зажигалку. Остановился. В этот момент из дома ныне покойной Анфисы вышел пожилой человек. Я попросил у него огонька, он сказал, что не курит.

— Марк Борисович как раз курит, — уточнила Далила.

Костиков, пожимая плечами, воскликнул:

— Ну не знаю, мне он сказал, что не курит. Рассеянно так сказал и зачем-то обратно вернулся. Вскоре он вышел из дома Анфисы опять, уже с зажигалкой. Дал мне прикурить. Я спросил, не он ли нотариус...

Далила его перебила:

— Почему вы решили, что он нотариус?

— Еще раньше вечером я встретил Анфису и при-

гласил ее в гости. Она рассмеялась и сказала, что не может зайти, ждет нотариуса.

— Ясно. И что было дальше?

— На мой вопрос он (почему-то смущенно) представился, назвался Марком Борисовичем, сказал, что нотариус. Даже визиткой пожаловал, — усмехнулся Леонид Александрович и капризно прорычал: — Далила Максимовна, вы ей не верьте. Она ревнует и все со зла.

Далила опешила:

— Что — со зла?

— Со зла говорит, что я Анфису убил.

— Вы о ком? Ах, вы о Куськиной! — догадалась она.

Костиков рассмеялся:

— Ну да, о ком же еще.

— Так вы с этим ко мне пришли? — поразились Далила.

— Конечно.

— Но почему?

— Генриетта грозитя свидетелем против меня выступать. Я знаю, вы ведете расследование, ищите убийцу Анфисы...

— С чего вы взяли?

— Генриетта оповестила. Хочет вывести меня на чистую воду. Поэтому я лично пришел вам сказать, что Анфису не убивал. Да, я входил в ее дом, Генриетта меня застукала, но Анфиса была уже мертва.

— Зачем вы входили?

Костиков невинно взглянул на Далилу и с горькой улыбкой признался:

— За зажигалкой. Я накануне был у Анфисы и забыл свою зажигалку. Между прочим, Генриетта сама там была, но почему-то это скрывает.

— Откуда вы знаете?

— Видел своими глазами. Вскоре, после ухода нотариуса, Гет выбежала из дома...

— Из чьего дома?

— Из своего дома выбежала и, как девчонка, поскакала к Анфисе.

Бледнея, Далила спросила:

— И долго она там была?

Костиков отмахнулся:

— Я за ней не шпионил, это Генриетта шпионит за мной, все к Анфисе ревнует. Точнее, ревновала, — поправился он и добавил: — Кстати, забыл вам сказать. Нотариус от Анфисы прямо к Гет и пошел.

— Зачем?

— Вот уж не знаю. Надеюсь, с приличными целями. Во время нашей беседы Генриетта выглянула в окно и, думаю, мне назло, нотариуса в гости к себе зазвала.

— Как — зазвала? Они что, знакомы? — изумленно спросила Далила.

— Видимо, да. Она ласково кричала ему: «Марк Борисович, милый, зайдите ко мне на минутку!»

— А он?

— Он увидел ее, обрадовался и на зов поспешил.

— А вы?

— А я, убитый, потопал...

— К Анфисе?

Костиков рассердился:

— Зачем мне Анфиса? Я потопал домой. Уселся пить чай в столовой, из ее окон виден дом Генриетты. Кстати, как думаете, этот нотариус с Генриеттой не любовники?

Далила его успокоила:

— Не похоже. Во всяком случае, Кузькина ничего мне о нем не говорила.

— Дай бог, — кивнул Костиков и продолжил: —

Сию в столовой, чай пью, смотрю в окно и вскоре вижу, Гет со всех ног несется к дому Анфисы.

— Долго она там была?

— Мне показалось, что долго. Еле дождался, когда Генриетта уйдет, и сам туда поспешил.

— Зачем? — спросила Далила, хотя помнила про зажигалку.

Костиков уже про зажигалку забыл, на этот раз он правду сказал:

— Я частенько к Анфисе заглядывал. Чайку погонять, за жизнь поболтать. Забавная была девчонка. И накануне к ней в гости ходил, а карга Генриетта, видимо, подглядела. Короче, убоился я, каюсь, скандала. Сдрейфил. Генриетта, когда чем-то недовольна, шумная очень. Вот и хотел у Анфисы узнать, о чем у них шла беседа. В дом зашел, а там смертоубийство. Информации получить невозможно. Анфиса уже неживая.

Далила охнула:

— Неживая?!

Костиков спохватился:

— Только на Гет не подумайте. Гет, когда злая, любого убьет, но Анфису карга точно не убивала.

— А я на нее и не думаю, — холодно сказала Далила.

— Скорее нотариус Анфису убил. Гет нотариуса своего выгораживает и подставляет меня, — предположил Костиков и, кланяясь, распрощался.

Далила его проводила до лифта и на негнущихся ногах поплелась в другой конец коридора к Марку Борисовичу.

Она очень хотела с ним побеседовать, но кабинет был закрыт. Далила попробовала отыскать Марка Борисовича по телефону, но мобильный и домашний

не отвечали. Расстроенная, она позвонила Галине, уныло спросила:

— Людмилу нашла?

Семенова, еле дыша, доложила:

— Черт возьми, не нашла! По универмагу ношусь, вся в мыле!

— Ищи, — приказала Далила и призадумалась.

Подозреваемые множились с невероятной скоростью. Только что подозревала одного Сасуняна, и вот уже под подозрением куча народу.

Оказывается, Анфису мог убить и Марк Борисович. Если Куськина вломилась к Пекаловой следом за ним, значит, она видела труп девушки. Возможно, нотариус о трупе и сообщил Куськиной. Но почему не вызвал милицию? Он нотариус, при исполнении, ему ли бояться?

Странное поведение.

Если допустить, что Анфиса была жива и сама проводила Марка Борисовича, тогда под подозрение неизбежно попадает Куськина мать. Она стремительно вломилась к Анфисе и долго там пробыла. Если Пекалову уже убили, то возникает вопрос: что в ее доме делала Куськина? И почему она, как любая нормальная женщина, не вынеслась с визгом из дома сразу же, как вошла? И почему не сообщила в милицию? И почему так охотно отыскивала свидетеля? Кстати, бомжа.

Странное поведение.

И уж совсем легко допустить, что Изверг, то бишь Костиков, заходил к Анфисе раньше нотариуса. Не зря же он крутился около ее дома. Но даже если он к Анфисе после Генриетты зашел, возникает все тот же вопрос: почему не вызвал милицию?

Странное поведение.

«При всем при этом и Людмила из подозревае-

мых не выбывает, — подытожила горько Далила и тут же себя успокоила: — Впрочем, Куськина могла нарочно ее приплести...

Да, но приметы сходятся от цвета волос до марки машины. Выходит, Людмила действительно там была. Если не убивала, почему не сообщила в милицию? И почему соврала, что Анфису ни разу не видела?

Странное поведение.

У всех странное поведение. Кто же Анфису убил?» — растерялась Далила.

Решила «плясать» от мотива. Кому Анфиса сильнее всего мешала?

Нотариус утверждал, что составил завешание в офисе. Тогда как он оказался поздно вечером у Анфисы Пекаловой? Что его туда привело? И Костиков сказал, что Анфиса его поджидала. Значит, она сама его позвала. Допустим, он пошел составлять завешание на дом, но зачем завещательницу убил? Похоже, они и раньше друг друга знали. Иначе получается беллиберда. Итог: Анфиса и Марк Борисович были знакомы. Больше о нотариусе в связи с убийством Пекаловой сказать вроде нечего — следовательно, у него мог быть мотив. А могло и не быть.

Жизнелюб Костиков (назло Генриетте) к Анфисе захаживал, «старуху дразнил», но он Пекалову не убивал. Почему? Не видно мотива. Хотя чего в жизни не бывает...

Генриетта не в тех уже силах, чтобы молодую девицу забить. Но, с другой стороны, она вспыльчива и ревнива. Генриетта Изверга к Пекаловой ревновала — учитывая характер Куськиной матери, сильный мотив.

Людмила ревновала к Анфисе мужа. Женщины поругаться могли, подраться...

«Стоп, — остановила себя Далила, — на Людми-

ле нет синяков. И не было. Иначе Галина сразу мне доложила бы, что Карачка Люську бьет.

В таком случае остался один Сасунян. Он главный подозреваемый. У него был самый сильный мотив, много мотивов. Устала перечислять.

И Марина боится его...

Несомненно, Сасунян жестокий убийца!

Ах, скорей бы Галина Людмилу нашла. Пусть только отыщется эта Людмила, сама посажу ее под замок, своими руками!»

Накрутив себя, Далила вновь позвонила Галине:

— Ну что?

— Ищу! — зло прокричала Семенова. — Договорились в «кафешке», там ее нет. По этажам скачу, как кенгуру! Безрезультатно! Уже надоело!

— Ищи, радость моя, не сдавайся, ищи, — жалобно попросила Далила.

Не успела мобильный отправить в карман, он ожил: запрыгал, Моцарта заиграл...

В трубке раздался чужой мужской голос, строгий-престрогий:

— Самсонова Далила Максимовна?

— Да, это я, — заробела она.

— Из милиции вас беспокоят. Капитан Калмыков Валерий Сергеевич. Я могу с вами срочно поговорить?

— О чем? — испугалась Далила.

— О ком, — поправил ее капитан и немедленно огорошил: — О Сасуняне Карапете Ашотовиче.

Самсонова растерялась:

— О Сасуняне... А что он натворил?

— Натворил...

Капитан сделал паузу и сообщил:

— Да уж, он натворил. Он погиб. Выстрел в голову.

— А почему мне звоните? — удивилась Далила.

— Если верить помощнику Сасуняна, вы встречались с Карапетом Ашотовичем. Судя по всему, после вас Сасуняна не видел никто.

— А помощник-то как об этом узнал?

Задавая вопрос, Далила подумала: «Сейчас закричит: вот вы и попались!»

Но капитан не закричал, он пояснил:

— Уходя из офиса, Сасунян говорил, что увидится с вами и вернется обратно. Но не вернулся.

Глава 28

Встреча с капитаном повергла Далилу в ужас. Она коротко рассказала, что Сасунян ее пациент, что он страдал нервным расстройством, и все. В подробности вдаваться не стала, о своих подозрениях умолчала. После этого капитан спокойно ей сообщил, что Сасунян был застрелен за рулем своей машины. Видимо, во время беседы. Сопротивления не оказывал, значит, убийце он доверял. На месте происшествия на полу была найдена пуговица. Огромная. Бирюзовая.

Капитан показал эту пуговицу и спросил:

— Знаете чья?

Далила знала: пуговица с халата Людмилы.

«Прав Карапет, Люська сошла с ума! — мелькнула ужасная мысль. — Карачку своего замочила!»

Но выдавать подругу Далила не стала, нервно сглотнув, прошептала:

— Понятия не имею.

На том и расстались. Капитан отправился по своим делам, а Далила в панике позвонила Галине. Мобильный подруги не отвечал. Звонила еще и еще — результат не менялся. Позвонила тетушке Маре, Галины там не было — еле слышно пела песенки Анге-

линка. Позвонила подруге по домашнему номеру, трубку никто не снимал.

«Что делать?» — растерялась Далила.

А потребность что-нибудь делать дошла до предела: просто зашкаливало. Бездеятельность в такие злые минуты смерти подобна. Воображение Далилы уже рисовало картины, одна страшнее другой. Вот сумасшедшая Люська заманивает простодушную Галку в безлюдное место и убивает ее! Убивает! Просто так! Со зла на весь мир!

— Ой, мамочка! — взвыла Далила. — Сама послала подругу на гибель! Что делать?!

Оставалось одно: ехать в Петровский пассаж.

Помчалась.

В голове мысли роем. На передний план рвется одна: Петровский пассаж — универмаг размером с город. Как найти там Семенову?

Как Семенова там искала Людмилу, этим вопросом Далила старалась не задаваться. Ворвалась в универмаг и давай метаться по секциям. Мечась, названивала Семеновой, та снова не отвечала. Так продолжалось довольно долго. Неотвратимо наступало отчаяние. И вдруг (Далила была уже на втором этаже) в трубке обнаружилось разнообразие: вместо монотонных длинных гудков раздался сварливый голос Семеновой:

— Слушаю.

— Галка! — завопила Далила. — Как я рада, что ты нашлась! Ты где?

Семенова радости не разделила, отозвалась весьма заунывно:

— В универмаге я, мать вашу, все Люську ишу.

— Галка! Не надо ее искать! — приказала Далила, переходя на бег. — Немедленно отправляйся домой!

И тут впервые подруги поменялись ролями.

— Здравствуйте!¹ — возмутилась Галина. — С чего это я должна отправляться!

А Далила выдала несвойственный ей ответ:

— До свидания! Я потом тебе все объясню!

— А в чем, собственно, дело? — Галина загорелась желанием немедленно знать.

А Далилу переполняло другое желание. С той страстью, с которой она хотела, чтобы Галина отыскала Людмилу, теперь она возжелала, чтобы подружки не встретились.

— Хватай Ангелинку и отправляйся домой! — панически завопила Далила. — И дверь закрой! На все замки!

Семенова уточнила:

— Замок у меня один.

— Значит, его посильней и закрой.

Пока Галина решала задачу, как можно закрыть посильнее замок, когда у него всего два оборота, Далила пылко продолжила:

— На звонки не отвечай! Из дома не выходи! К телефону не подходи! И, самое главное, Люське не открывай, если она заявится!

— Во дела! — поразилась Галина, переходя со спокойного шага на рысь. — То Люську найди, то Люське не открывай! Я тебе что, девочка на побегушках? А ну, быстро рассказывай, что у тебя стряслось!

— Ты права, у нас у обеих стряслось, но разговор не телефонный! — сообщила Далила, пролетая кометой мимо витрин.

Раздираемая любопытством Семенова (тоже пролетая мимо витрин) жалобно попросила:

— Тогда хоть намекни.

¹ Воскликать «здрате!» — привычка Далилы. Галина обычно восклицает в ответ «до свидания!».

— И намекнуть не могу.

Подруги неслись по универмагу, прижимая к ушам мобильные и не подозревая, что несутся они навстречу друг другу. Столкновение произошло в отделе женских костюмов. Галина с налету наступила Далиле на ногу и громко выругалась, та механически извинилась и, морщась от боли, радостно закричала:

— Семенова! А я тебя все же нашла!

Семенова вырвала у нее телефон и, подбросив его на лодони, саркастично заметила:

— Проще было спросить, где я, а не искать. Но у вас, у умных, все по-дурному.

Самсонова удивилась:

— Ты почему злая такая?

— Лучше скажи, что с Людмилой, — окончательно рассердилась Галина. — Почему ей не открывать?

Далила шепотом сообщила:

— Люська сошла с ума.

Семенова не поверила:

— Да ну!

— Вот тебе и «да ну». Она Карачку своего пристрелила. Сегодня. Я только что с «опером» говорила. Сасуняна нет больше, все, он покойник. Убит прямо в своей машине. И там же нашли пуговицу от халата Людмилы, огромную, бирюзовую.

Рассказывая, Далила смотрела подруге в глаза, а глаза эти глядели поверх ее головы и стекленели от ужаса. Проследив за взглядом Галины, Далила обернулась и остолбенела. Расталкивая покупателей, по универмагу неслась растрепанная Людмила. Неслась прямо на них. Она что-то вопила, но главное, в руке у нее был пистолет!

Подруги так испугались, что не могли тронуться с места. Казалось, ноги вросли в пол. Людмила неслась на них, а они, не шелохнувшись, стоят.

Первой очнулась Семенова. Крикнув «сматываемся!», она схватила Далилу за руку и поволокла к лестнице, к выходу из пассажа. Бежали, подворачивая ноги и подламывая каблуки. Как вылетели на улицу, не помнили обе. Выскочили на Невский и, расталкивая прохожих, понеслись по проспекту в сторону Зимнего. Неслись, боясь оглянуться. Когда сломался каблук, Далила вскрикнула и оглянулась. Людмилы она не увидела, но зато поняла, что бежали они не в ту сторону, о чем тут же сообщила подруге.

— Почему это не в ту сторону? — зло спросила Галина, останавливаясь, переводя дух и зорко всматриваясь в толпу.

— Потому что свой «Форд» я оставила во дворе у Сибирцева.

— А кто это?

Далила вздохнула:

— Мой пациент.

— И где он живет?

— На Невском, но ближе к Литейному.

— Ни фига себе! — возмутилась Галина. — Проходить мимо пассажа? Нет, обратно я не вернусь.

— А что же нам делать?

— Поехали на метро.

— А «Форд»?

— Потом заберешь.

Далила нахмурилась, чем разозлила подругу.

— Не жлобись! — возмутилась Галина. — Из-за какого-то «Форда» жизнью моей рисковать?

Сентенция не помогла, Далила по-прежнему хмурилась.

— Ладно, — рассудила Галина, — мотанемся к тетушке Маре, заберем Ангелинку. Потом проводишь нас с дочкой домой и заберешь свой драгоценный

«Форд». А сейчас звякни Сибирцеву, пусть пока его сторожит.

— Хорошо, — согласилась Далила, — но при условии, что по пути мы заглянем к нотариусу. Марк Борисович живет в трех шагах от метро.

— Черт с тобой! — сдалась Галина.

По дороге к метро спорили, когда к нему заглянуть. Галина спешила забрать Ангелину, Далила же утверждала, что с девочкой на руках топать к нотариусу глупо и тяжело. В конце концов, это убедило Галину.

В старом подъезде Марка Борисовича было сыро и очень темно. Осторожно нащупывая ступени, подружки добрались до третьего этажа. Там тоже было темно, но из двери нотариуса узкой полоской сочился свет.

— Он дома! — воспряла Далила, вырываясь вперед.

Она утопила кнопку звонка, но Галина сказала:

— Зачем понапрасну звонить, дверь-то открыта.

И поспешно вошла, и нечеловечески завизжала. Далила устремила за ней, отпрянула и окаменела. Марк Борисович лежал на полу прямо в прихожей. Из-под его головы расплывалась огромная лужа крови.

— Недавно убит, — прошептала Далила. — Надо милицию вызывать.

Любопытная Семенова перестала кричать и деловито спросила:

— Что ты сказала?

Самсонова повторила:

— Надо милицию вызывать.

— Надо, — согласилась Галина и тоненько пропищала: — Как хорошо, что не взяли с собой Ангелину.

— Еще как хорошо, — вздохнула Далила, испуганно глядя на покойного Марка Борисовича.

Глава 29

Домой Далила вернулась ночью. Ее и Семенову придирчиво допросили и отпустили.

«К чему же я подошла?» — спросила себя Далила, падая в кресло без сил.

Итог расследования оказался плачевным. Сторож Трофимыч убит, неизвестно за что. Главный подозреваемый — Сасунян сам оказался жертвой, его застрелила жена. Выходит, он прав был, Анфису убила Людмила, а Далила ему не поверила. И вот результат.

Марка Борисовича застрелила, возможно, тоже Людмила. Почему? Неизвестно. Слишком много вопросов. Зачем он солгал? Чем он был связан с Анфисой? Что он увидел в тот вечер?

Нотариус свои тайны в могилу унес.

Единственное, что удалось раздобыть Далиле, так это адрес Зинаиды Поповой — украдкой от «опера» Далила заглянула в записную книжку покойного.

Этой ночью заснуть не удалось — столько смертей, столько событий. Ворочалась с боку на бок в постели, с болью думала о Сасуняне: не уберегла безвинного человека. Переживала за подругу Людмилу: неужели она так больна? И как теперь быть? Тяжелым камнем на сердце легла смерть Светланы Михайловны. Она-то от чего умерла?

«Бедная женщина, — страдала Далила, вспоминая ее милое, с виноватой улыбкой лицо. — Столько потратила сил, чтобы изучить, а потом и приручить своего злобного мужа. Как бесплодно старалась она из податливой, приятной и доброй стать агрессивной, властной и злой, под стать своему бессердечному мужу. И все равно оставалась хорошей. Но не сдавалась,

работала над собой, сил не жалела, и какой результат? Могила».

Захотелось узнать обстоятельства, при которых погибла Светлана Михайловна. Далила глянула на часы — шесть утра. Бонд, разумеется, спит.

И все же Самсонова не утерпела, позвонила, разбудила племянника. Не услышав обычного «Бонд! Джеймс Бонд!», она виновато зашелестела:

— Женечка, извини, что так рано, но мне нужно знать, очень-очень. У тебя уже есть информация по сотовому? Помнишь, я накануне просила.

— Я все всегда помню, и у меня все всегда есть, — отвечивал Бонд и захрапел богатырским храпом.

— Господи, — растерянно прошептала Далила, соображая, что предпринять.

Но в трубке послышался хохот племянника, и его бодрый голос дурашливо сообщил:

— Шутка!

— Что-оо?

— Типа прикол!

Самсонова рассердилась:

— Ах, собачонок, мне не до шуток.

— А что так? — с иронией удивился Бонд. — Шесть утра, самое время повалять дурачка.

— У меня столько проблем, — призналась Далила. — Люсю Зайцеву помнишь?

— Твою одноклассницу?

Бонд восхитился:

— Как ее можно забыть! Ах, эти длинные стройные ножки! Помнится, пацаном любо-вал-сяаяя, — блаженно пропел Евгений и немедленно озабочился: — Надеюсь, Люся не растолстела?

— Хуже?

— Что может быть хуже? — игриво осведомился

Бонд и дурашливо испугался: — Неужели пол изменила! Вот так прикол!

Далила трагически сообщила:

— Людмила мужа убила.

В трубке послышалось разочарование:

— Всего-то?

— Какой же ты циник! — поразилась Далила.

Но Джеймса Бонда не прошибить. Евгений громко зевнул, демонстрируя скуку, и подытожил:

— Что за волнения? Обычная городская жизнь: в переходах, в подъездах, за стенкой, на улице соседи, прохожие и друзья щемят, гасят, чморят.

— Слушай, мне не до шуток! — опять рассердилась Далила.

Бонд не унимался:

— Ясное дело, ты не умеешь шутить. Кстати, и я не шучу. Ну да ладно. Лучше скажи, зачем я тебе понадобился в такую рань? Как я понял, помогать Людмиле не надо, с мужем она сама уже справилась...

Далила взвизгнула:

— Прекрати!

Евгений немедленно покорился:

— Прекращаю.

— Ты владельца телефона узнал? — строго спросила она.

— Я вопросик «вбил», жду ответа, — кротко успокоил тетюшку Бонд.

— И сколько ты будешь ждать?

— Вот уж не знаю. Зависит не от меня. Как только, так сразу. Жди-с.

— Пожалуйста, узнай поскорей, — взмолилась Далила.

Отправив трубку на аппарат, она откинулась на подушку и вернулась мыслями к Сасуняну.

Теперь уже он не казался ей жертвой безвинной.

То, что Сасуняна убила Людмила, еще не значит, что Михаила Калоева убил не Сасунян. Сасунян не скрывал, что любит Марину и хочет на ней жениться. Калоев стоял у него на пути. Везде: в бизнесе и в любви.

А Людмила стремилась к красивой жизни, и на ее пути стоял сам Сасунян. Людмила знала: если муж переметнется к Марине, закончатся комфорт и уют, к которым она так привыкла. Вот когда Людмила начала помышлять об убийстве. Но робко еще помышляла.

Когда же Сасунян разделался с Михаилом...

«Стоп! — остановила себя Далила. — А кто же Анфису убил? Сасунян или Людмила?»

Подумав, она решила, что, возможно, этот вопрос прояснится после беседы с Зинаидой Поповой.

«Пью кофе и отправляюсь к Поповой, — скомандовала себе Далила. — Если пошевелюсь, есть шанс не опоздать на работу».

За кофе Далила мысленно вернулась к подруге. Наверно, Люська как-то узнала о преступлении мужа. Она одновременно возненавидела его и запаниковала: теперь точно к Маринке уйдет. А тут еще Сасунян стал злым и раздражительным, аппетита лишился, сна.

«Страдает из-за Маринки Калоевой! — догадалась Людмила. — Всегда к ней подъезжал, а теперь точно к Маринке уйдет. Маринка осталась одна, бабы не могут одни, одиночество им хуже смерти, а тут мой Карачка, целый мужчина, красавец. Возможно, Маринка подозревает, что Карачка ее Мишу пришил, но не станет же она будущего мужа топить. Точно, учапает Карачка к мерзавке Марине!»

Видимо, с такой мыслью и решила Людмила мужа убить. Вот почему она охотно назначила встречу Галине. Вот почему выбрала огромный универмаг.

Отличное алиби. По бутикам ходила, с подругой встречалась, одежду себе покупала, в чеках не только дата, но и точное время указано. Чеков этих можно сколько угодно набрать. Потом на сумму чека вещицу-другую купить, свои чеки выбросить, а вместо них предъявить чужие с тем временем, когда был застрелен Карапет Сасунян. А возможно, и Марк Борисович. Несомненно, Людмила очень опасна.

Наспех проглотив остатки кофе, Далила поспешила к Поповой. Звонила, стучала — дверь никто не открыл. Расстроенная, собралась уходить, но услышала оклик:

— Вы к Зиночке?

Оглянулась — по лестнице, медленно, тяжело держась за перила, взбирается полная женщина.

«Из тех, которые любят поговорить», — мысленно определила Далила.

И не ошиблась. Женщина с ходу охотнейше сообщила, что Зинка раненько укатила на иномарке с двумя чемоданами. Сказала, что не скоро вернется, месяца через два. У соседки возникли вопросы: с чего вдруг? Куда? На расспросы Зинка не отвечала, очень спешила.

Далила с соседкой обменялись номерами телефонов, пламенно пообещали друг другу звонить и расстались. Озадаченная Далила отправилась на работу. Соседка — домой.

Теперь возникали новые подозрения. Нотариус погиб. Зинаида, наследница и подруга Анфисы, срочно уехала. Надолго.

По дороге Далилу вдруг осенило: «Сасунян за Марину переживал! О чем он меня умолял? Уговорить Марину уехать из Питера. Он был уверен, что Людмила хочет и Марину убить. Коли так, тогда и Анфису убила она. В любом случае надо Марину спасать!»

Резко развернув автомобиль, Далила помчалась к Марине Калоевой. Сожалела, что не помнит ее телефонного номера — тот, что дал Сасунян, оставила дома. Возникло желание немедленно Калоевой позвонить, услышать голос, узнать, что жива она, невредима. Хотела потревожить Елизавету Бойцову, да передумала. Нервы предельно взвинтились, Далила себя успокаивала: «Марина там не одна. С ней мама».

Мамы с Мариной не было. Распахнув дверь и увидев Самсонову, Калоева удивилась:

— Вы? А я думала, мама вернулась.

— Вернулась откуда? — настороженно спросила Далила.

— Из деревни. Она же в деревне живет, на даче. Как только ушли вы, кто-то ей позвонил.

— Кто?

Марина пожала плечами:

— Не знаю. Я в это время спала. Мама снотворным меня накормила. О том, что мама уехала, я узнала лишь вечером, когда проснулась. Мама записку оставила.

— Что в записке? — поинтересовалась Далила.

— Мама написала, что уезжает в деревню, что появилось срочное дело, что ее вызывают. Я сразу же в деревню ей позвонила. Она как-то растерянно ответила, что тревога ложная, что все в порядке.

— Вы спросили, кто ей звонил?

— Спросила, она не знает. Даже вроде бы в деревне сказали, что никто ей не звонил.

— Выходит, Вера Николаевна не нашла того, кто ей звонил? — уточнила Далила.

Марина снова пожала плечами:

— Я так поняла, что не нашла. Кто ее вызвал? Зачем? Ума не приложу.

Далила нахмурилась:

— Я думаю, что ложный звонок сделала наша Людмила.

— Для чего? — поразились Калоева.

— Разве не ясно? Людмила хотела, чтобы вы остались одна, — сообщила Далила.

— Хотела, чтобы я осталась одна? — отшатнулась Марина. — Зачем?

«Она не знает еще о гибели Сасуняна, — догадалась Самсонова. — Как это ни прискорбно, придется ей сообщить».

Глава 30

Узнав о гибели Сасуняна, Калоева не испугалась и не заплакала. Она схватилась за голову:

— Ничего не пойму! Карапет же сам...

Марина осеклась.

Далила спросила:

— Вы хотели сказать, он сам убийца?

Калоева испуганно потрясла головой:

— Нет. Я не могу так сказать.

Самсонова принялась увещевать:

— Сасунян погиб, его уже нет, чего вы боитесь? Теперь уже можно открыться, теперь он вам не навредит.

Марина задумалась и прошептала:

— Нет, не могу. Я не хотела бы говорить об этом. Не надо, пожалуйста, я вас очень прошу.

По щекам ее покатились крупные слезы.

— Конечно, — смутилась Далила. — Я на вас не давлю. Захотите, сами расскажете.

— Зачем вы пришли? — вдруг спросила Марина.

Самсонова сделала паузу и сообщила:

— Я хочу вас спасти.

— От кого? — удивилась Калоева.

— От Людмилы.

— От Людмилы?! Что за вздор? Людмила не преступница, зачем от нее спасаться? Она порядочная, милая, добрая, она мне подруга.

— Все так. Она и моя подруга, — вздохнула Далила. — Я тоже ее люблю, но поймите, Людмила убила мужа. Она больна, она не в себе.

Калоева остолбенела:

— Мужа убила?

— Да.

— Она что, призналась?

— Нет.

— Тогда как вам в голову пришло ее обвинять? Никогда не поверю, что Людмила убийца!

— И все же, я подозреваю ее.

Калоева изумилась:

— Вы же умная женщина.

— Я психиатр, а потому допускаю...

Осекшись, Далила поправилась:

— «Допускаю» — неверное слово. Я знаю, что Людмила вчера застрелила мужа. Все против нее. Сасунян был застрелен из своего пистолета. Не думаю, что он разбрасывал свое оружие где ни попадя. Людмила жена, у нее был доступ к сейфу. А ее состояние? Вы видели, как она выглядела в последние дни?

Марина нахмурилась:

— Я давно с ней не виделась.

— Неведение (увы!) зачастую укрепляет уверенность. Вы напрасно сердитесь на меня. Я знаю, что говорю. Мало, что она психически неуравновешенна, у Людмилы к тому же был сильный мотив.

— Какой же мотив?

— Людмила боялась, что муж ее бросит и уйдет к вам. Она боялась остаться без денег и застрелила Карапета Ашотовича.

Калоева на миг растерялась и следом возмутилась, даже в ярость пришла.

— Мужа убила, говорите? — злорадно закричала она. — Ну и что мне делать теперь из-за этого зверя? Может, я плакать должна?

— Во всяком случае, не злорадствовать, — уколола ее Далила.

— А почему бы мне не позлорадствовать? Сасунян сам всех убивал...

— Всех?

Опасаясь, что Марина замкнется, Далила все же спросила:

— Кого же убил Сасунян?

— Мишу моего и своего компаньона.

— Рубена?

Калоева пожала плечами:

— Имени я не знаю. Имени Миша не называл. Он лишь сказал месяца за два до смерти: «Сасунян компаньона своего и убил. Он опасен, слышишь, Мариша». Тогда я не слишком ему поверила...

— Почему?

Марина потупилась:

— Сасунян меня опекал, оказывал знаки внимания, часто нас с Мишей мирил. Если Миша меня обижал, Сасунян вставал на мою защиту. Короче, мы с Сасуняном дружили. Я ему доверяла. Так доверяла! — пылко воскликнула Марина и мигом сникла. — Вот я и подумала, что Миша стал ревновать и нарочно наговаривает на Сасуняна, хочет меня от него отратить. А потом уже, позже...

— Что же случилось позже? — осторожно спросила Далила.

Калоева вскинулась и с ненавистью произнесла:

— Сасунян был мерзавцем! Людмила мне все про него рассказала.

— Что все?

— То, что раньше скрывала, счастливой казаться хотела. Я думала, он порядочный человек, а он сволочь. Он жизни Людмилу лишил. Удивляюсь, как она его вообще терпела? Он постоянно ее унижал. Своей жестокостью он сам довел ее до отчаяния. Говорите, убила? Значит, не выдержала. Но я-то почему должна Люсю бояться?

Самсонова повторила:

— Людмила сошла с ума. Она странная, нервная, дергает себя за нос, кричит, по ночам даже воет.

— Откуда вы знаете, что Люся делает по ночам?

— Об этом Сасунян говорил. Я не слишком ему поверила, а теперь жалею об этом. Прояви я внимание, возможно, Сасунян был бы жив.

— Пусть так, а я тут при чем? — удивилась Марина. — Я не верю, что Люся сошла с ума.

— Не верите? — поразились Далила. — Но подумайте сами, разве нормальная женщина сможет мужа убить?

— Он жестоко ее обижал.

— Многим женщинам живется несладко, но на убийство идут единицы. Те, которых покинул разум. И Сасунян за вас переживал. Он опасался, что Людмила и вас может убить...

— Что значит «и вас»? Неужели этот наглец утверждал, что Людмила кого-то убила?

Вспомнив, что Марина не слышала про Пекалову, Далила воскликнула:

— Я неправильно выразилась. Сасунян думал, что Людмила вас хочет убить. Он умолял уговорить вас уехать из города.

— Но зачем Люсе убивать?

— Думаю, что из ревности.

— Но зачем ей теперь ревновать? Сасунян-то погиб?

— Ревность слишком живуча. Людмила почему-то считает, что вы причина всех ее бед. Она давно вам не подруга, — сообщила Далила и с чувством заверила: — Я точно знаю, что Людмила вас ненавидит.

Калоева растерялась:

— Меня?

— И только вас.

— Ах, вот как...

— Да, именно так. Поэтому я пришла предложить вам переехать ко мне.

Заметив в лице Марины протест, Далила поспешно добавила:

— На время.

— Зачем?

— Чтобы вам не оставаться одной.

— Но я не буду одна. Мама обещала сегодня к обеду приехать.

Далила запротестовала:

— А вот мамин приезд советую отменить.

Глаза Калоевой изумленно расширились:

— Считаете, и маме опасность грозит?

— Я не уверена, что Людмила нормальна, — в который раз повторила Далила. — Психически больной человек способен на все. Только представьте: она придет убивать вас и наткнется на вашу маму, как думаете, что она...

— Не продолжайте, — испуганно закричала Марина. — Я все поняла. Мама должна остаться в деревне, а мне надо спрятаться.

— Именно спрятаться. Это будет не очень удобно, но зато абсолютно разумно. Я предлагаю вам на время переехать ко мне.

Марина смутилась:

— За заботу спасибо, но я не могу.

— Почему?

— Мы почти незнакомы. Мне неловко обременять вас. У меня есть подруги. Елизавета, к примеру. У нее и поживу.

— Нет, так нельзя, — возразила Далила. — Людмила знает всех ваших подруг, особенно Елизавету. У меня же она точно не будет искать вас. Она даже не знает, что мы знакомы.

— Да, это так.

Самсонова попросила:

— Решайтесь.

Подумав, Калоева согласилась:

— Хорошо, я немедленно еду к вам. Маме вот только позвоню, попрошу ее, чтобы не приезжала.

— Да-да, обязательно, — подтвердила Далила.

Калоева быстро собрала вещи первой необходимости, и они уехали.

Оставив Марину на попечение сына, Далила отправилась на работу. Упорно лечила своих пациентов, старательно отгоняя мысли о подруге Людмиле. В конце концов не выдержала и, сделав перерыв, ей позвонила.

— Люся, можно я сегодня к тебе приеду? — спросила она.

— Не надо, — зло возразила Людмила.

— Почему? — удивилась Далила.

— Сасуняна моего вчера пристрелили, — сообщила Людмила и тоненько пропищала: — И-иии, сволочь, допрыгался, гад.

— Я знаю, что твоего мужа убили, — не стала хитрить Далила. — Поэтому и приехать хочу.

— Как тебе будет угодно, — отмахнулась Людмила и повесила трубку.

Самсонова глянула на часы, схватила сумочку и вылетела из кабинета.

— Дашенька, я обедать, — на ходу сказала она секретарше и помчалась домой.

Марина и Дмитрий пили кофе на кухне.

— Ваш сын просто чудо. Он такой юморист, старательно меня развлекает, — с милой улыбкой сообщила Калоева, увидев на пороге хозяйку квартиры.

— Я не старательно, я просто веселый. Веселый всегда, — обиженно бросил Дмитрий и радостно подскочил навстречу Далиле: — Ма, ты на обед! Молоток! Сейчас я тебя накормлю!

— Я на минутку, — сказала Далила и спросила Марину: — Можно с вами поговорить?

— Да, конечно, — кивнула Калоева.

— Тогда нам лучше пройти в кабинет.

В кабинете обе долго молчали. Марина просто ждала, Далила решалась.

— Почему вы невзлюбили Карапета Ашотовича? — наконец спросила она.

— Потому что уверена, он моего Мишу убил, — зло процедила Калоева.

— Это понятно, но вы его невзлюбили значительно раньше, ведь так?

— Правильно. Я же сказала уже. Невзлюбила, слишком доброе слово, я его просто возненавидела.

— Из-за Людмилы?

— Да, он подло с ней поступал. И вообще, он мерзавец. А потом он убил моего Михаила.

— Но как ему удалось? — поразилась Далила. — Вы были с ним рядом, внизу, когда наверху, в кабинете, прогрехотал тот ужасный выстрел. Кто-то же там стрелял.

Марина расплакалась:

— Да, я с этим зверем рядом была. Он очень хит-

рый. Никто внимания не обратил на одну деталь. Место преступления осмотрели наспех, недобросовестно, а я вернулась потом на фабрику, через несколько дней, зашла в кабинет и тщательно все обследовала. И нашла, и поняла, как он это сделал.

— Как?

Марина, по-прежнему всхлипывая, с гордостью сообщила:

— Когда заглянула под крышку стола, увидела следы от шурупов.

— От шурупов? — удивилась Далила. — И что это значит?

— Это значит, что Сасунян «пугача» туда прикрутил. Представляете, к дорогому столу. Миша был аккуратным, он не стал бы так зверски портить свой стол.

Глава 31

Сообщение о пугаче Самсонову поразило.

— А что такое пугач? — осведомилась она.

— Игрушка, — хлюпая носом, сообщила Калоева. — Работает как мышеловка, только безопасная и громко стучит, словно стреляет. По звуку совсем как пистолет. Сасунян пугач прикрутил, а потом, когда все закончилось, открутил и унес.

— Ничего не пойму, — растерялась Далила. — А второй выстрел? Почему его не услышал никто?

Марина вытерла слезы.

— А что тут понимать, — прекратив плакать, вздохнула она. — Сасунян все хорошенько продумал, подлец. И время выбрал удачное. Грузовик приезжает всегда в семь часов, каждый день минута в минуту. У водителя плотный график. Это использовал Сасу-

нян. Под грохот того грузовика он Мишу моего и убил.

— Значит, первого выстрела не было.

— Да, первым стрелял детский пугач.

— Он что же, радиоуправляемый? Действует на расстоянии? — удивилась Далила.

— Выходит, что да, — зло сказала Марина. — Еще когда мы были внизу, у проходной, мне показалось странным, что Сасунян как-то слишком долго с Трофимычем разговаривал. Я к Мише спешила, он тоже вроде спешил, а потом как-то вдруг расслабился, с Трофимычем заболтался.

— Тянул и выжидал, — догадалась Далила.

— Да, ждал, когда грузовик подъедет. Как только грузовик к воротам фабрики подкатил, Сасунян из пугача и пальнул. Миша наверняка в это время сидел за столом, а пугач был прикручен снизу к крышке стола.

Перебив Калоеву, Далила продолжила:

— Михаил испугался, вскрикнул и рефлекторно метнулся к окну. Тогда-то вы с Сасуняном к офису и понеслись. Сасунян знал, что вы на каблуках, он рассчитывал, что вы его не догоните.

— Да, Сасунян легко меня обогнал и первым влетел в кабинет, — кивнула Марина. — А грузовик ждать не мог, у водителя график, он поехал и грохотал невероятно. Тогда-то и выстрелил Сасунян. Его выстрела никто не услышал. Только я.

— Вы слышали выстрел? — поразились Далила. — Так вот на чем держалась ваша уверенность. Но вам никто не поверил, когда вы сказали про грузовик.

— Ничего я не говорила, просто сама поняла, зачем Сасунян выбрал именно это время.

Далила задумалась. Сложив информацию, полу-

ченную от Калоевой и Сасуняна, она пришла к выводу, что различий в событиях того трагического дня не много, но все они кардинальные.

— Выходит, в то утро Сасунян вам позвонил, а не вы Сасуняну? А Людмила мне солгала.

Марина потрясла головой:

— Не мне он позвонил, а Михаилу и сказал, что срочно хочет с ним поговорить. Михаил сказал: «Приезжай». И вот тогда-то Сасунян его огорошил, он сказал, что их разговор состоится лишь в моем присутствии.

— Ах, вот как оно было! — изумилась Самсонова. — Поэтому вы позвонили Карапету Ашотовичу?

— Да, Миша утром меня разбудил и попросил срочно приехать на фабрику. Я удивилась, спросила «зачем?». Он сослался на Сасуняна. Понимаете, Сасунян меня туда заманил. Возможно, накануне и Мишу.

— Зачем?

— Мишу понятно зачем, из-за грузовика. На фабрике проще выдать убийство за самоубийство. А меня заманил как свидетеля. Он не хотел один входить в кабинет. Боялся попасть под подозрение.

Далила грустно спросила:

— И что было дальше в тот день? Вы остановились на том, как Сасунян вас обогнал, — подсказала она.

— Когда я влетела, Миша лежал на полу. В руке у него был пистолет. Кстати, его пистолет. Он его в кабинете хранил. Сасунян, видимо, выкрал оружие. Обогнав меня, он влетел в кабинет, выстрелил в Мишу и пистолет в его руку вложил.

Самсонова подытожила:

— Все выглядело так, словно Миша действительно застрелился. Выстрел один, рана одна, пистолет в руке самоубийцы.

— Но я помнила про грузовик, — зло прошептала

Марина и закричала: — Так подгадать! Так все подстроить! Какой он подлец! Ненавижу!

Далила поспешила ее отвлечь.

— И что было дальше? — спросила она.

— Дальше? Я что-то кричала, а потом... Я не помню. Кажется, я лишилась чувств. Очнулась в больнице. Уже позже, найдя следы от шурупов, я укрепилась в уверенности, что Мишу застрелил Сасунян.

— Но как Сасунян пронес тот пугач на фабрику? — изумилась Далила. — С видеокамер слежения велась запись, на фабрике его не было. Если верить видеозаписям, накануне в офис он не входил.

— Вот именно, если верить. Ах, он там не был! А я там была? — скептически спросила Марина. — Уж я-то точно в офис входила. Однако если верить той записи, накануне вечером в офис входил один Михаил. Но ведь это неправда. Мы входили вдвоем.

— Вы хотите сказать, сторож замешан, он заодно с Сасуняном?

— Я так не думаю. Скорей всего Сасунян подпоил Трофимыча, забрал у него ключи от архива и записи перекроил: кое-что переставил, что не нужно, стер. Он умелец во всем.

— Зачем же Сасунян убил старика?

— Трофимыча он убил потому, что тот обнаружил несоответствие видеоматериала и собственных записей.

— Собственных записей?

— Да, — кивнула Марина. — Трофимыч педантом был, вносил всех входящих в журнал, хоть Миша этого и не просил. Когда Трофимыч обнаружил, что по журналу мы с Мишей в офис входили, он вспомнил, что в видеоматериале Миша входил один, а Сасуняна и вовсе не было. Впрочем, если Трофимыч

был пьян, Сасунян мог тайком от него проникнуть на фабрику, а потом эту запись стереть.

Далила подумала: «Выходит, Сасунян был на фабрике в тот день, когда погибла Анфиса. Анфису убил и на фабрику поспешил, ставить пугач. Значит, точно знал, что ночевать Миша будет на фабрике. А возможно, и сам к этому Мишу склонил».

Калоева продолжала:

— Разве не странно, что вечером накануне убийства (согласитесь, вот совпадение) к Мише на фабрику Сасунян приходил? Но до Михаила он не дошел, а застрял в домике сторожа. Думаю, Трофимыч тоже кое-что сообразил и с Сасуняна спросил. И сразу жизнью своей поплатился.

Самсонова подытожила:

— Значит, и Трофимыча убил Сасунян.

— Я абсолютно в этом уверена.

— Но почему вы молчали? — поразилась Далила. — Почему милиции не сообщили? Почему не сказали о своих подозрениях, о грузовике, пугаче?

Марина снова заплакала:

— Я боялась.

— Сасунян вас запугал, — догадалась Самсонова.

— Да. В связи с гибелью Миши меня допрашивали, чуть ли не каждый день. Сасуняна тоже. Он понял, что его подозревают. Начал мне угрожать, говорил, что, если я только пикну, он Людмилу убьет, а потом отправится сам в милицию, мол, ему наплевать.

— А Людмилу за что? — отшатнулась Далила.

Калоева потрясла головой:

— Я не знаю, не знаю. Если она его и убила, то правильно сделала. Она защищалась. Он много раз ее пистолетом пугал. Как тут нервной не стать? Сасунян все равно убил бы ее.

Далила не стала второй раз интересоваться за чем — ясно и без того. Сасунян не терял надежд приручить Марину, а Людмила знала, что он Анфису убил. Не зря же она его покрывала и делала вид, что с Анфисой совсем не знакома. Боялась лишних расспросов.

А Сасунян понимал: как только он бросит жену, она молчать перестанет. А он действительно надеялся расположить к себе гордячку Марину. Он Марину любил.

Самсонова глянула на часы — прошло время обеда, в офис возвращаться пора. В кабинет заглянул Дмитрий и с гордостью доложил:

— Кушать подано!

Далила горестно сообщила:

— Димочка, я не могу. Времени осталось лишь до работы доехать.

Он расстроился:

— Ну, ма, ты даешь! Какое там время? Все в тарелках уже, срубить пять минут.

— Пообедаете с Мариночкой, а я с работы вернусь и с вами поужинаю, — сказала Далила, устремляясь в прихожую.

Не могла же она сказать заботливому сыну, что утратила аппетит.

Уже подъезжая к зданию офиса, Далила почувствовала в кармане дрожание сотового и услышала рондо Моцарта. Едва поднесла трубку к уху, раздалось приветствие Женьки:

— Бонд! Джеймс Бонд!

— Жека! — обрадовалась Далила. — Как ты во время!

Племянник отвечал:

— Иначе и не бывает.

— От скромности не умрешь.

— Но что я могу поделаться, если все и всегда мне рады. К примеру, вот как теперь.

— Кстати, о радости. Ну что? — нетерпеливо поинтересовалась Далила. — Узнал, за кем числится сотовый Светланы Михайловны?

— Записывай, телефон зарегистрирован на Анфису Пекаловой. Адрес...

— Адрес я знаю, — остановила Бонда Далила. — Сестрорецк...

Евгений тетушку перебил:

— А вот и нет. Псковская она, прописана в поселке Зариновка.

Глава 32

Племянник Далилу ошеломил. Никак не ожидала она, что Светлана Михайловна — ее кроткая и благо- нравная Светлана Михайловна! — знакома с Анфисой Пекаловой, девушкой сомнительного поведения.

«И не просто знакома, — изумленно рассуждала Далила, — а, возможно, они дружили. Вряд ли стала бы Анфиса кому попало давать свой мобильный».

Удивительно было и то, что Пекалова не прописана в Санкт-Петербурге. Почему она не прописалась в курортном районе?

С одной стороны, зачем содержанке прописка? На работу Пекалова не ходила.

Но с другой стороны, зачем оставаться прописанной в поселке Зариновка, когда у тебя есть огромный дом в Сестрорецке?

Согласитесь, законный вопрос.

Он мучил Далилу.

Припомнив тот день, когда Пекалова рвалась на прием, а Дарья ее не пускала, Далила и вовсе расстроилась. Из кабинета Самсонова вышла со Светла-

ной Михайловной (до лифта ее всегда провожала), но та и бровью не повела, увидев Анфису.

Как такое возможно? Они что, сговорились?

Зачем?

Ладно, Анфиса виду не подала, что они знакомы, но как же Светлана Михайловна так себя повела? Кажется, она даже нападала на Анфису Пекалову, во всяком случае, осуждала ее за наглость. Осуждала, делая вид, что они не знакомы.

Поразительно!

Та Светлана Михайловна, которую знала психоаналитик Самсонова, так вести себя не могла.

«Выходит, плохой я специалист, — мысленно облилась слезами Далила. — Лечила ее, тестировала, а она меня, как девчонку, обвела вокруг пальца. Выходит, по ее наводке Анфиса ко мне забрела. И, возможно, нотариус был заодно с ними.

Что за интригу задумала эта троица?

Но погибли-то все!

Почему? В результате этой интриги?»

По коже Далилы прошелся мороз: «Ой, что-то мне страшновато становится».

Ей стало страшно настолько, что, закончив прием, она не решилась отправиться с визитом к Людмиле. Позвонила Семеновой и взмолилась:

— Галь, пойдем к Люське сходим.

Галина зашла от ужаса:

— Ты к злодейке идти собралась?!

— Обязательно надо сходить, — просительно проныла Далила.

— Зачем?

— Пойдешь, расскажу.

— Тогда и знать не хочу, — заявила Семенова и пригрозила: — Отстань, а то рассержусь.

Но Далила не отставала.

— Галь, пожалуйста, — умоляла она, — очень надо, а одна не могу.

— Еще чего! — взревела Галина. — Не проси! У меня до сих пор перед глазами стоит жуткая та картина: полоумная Люська несется на нас с пистолетом. Нет, я с ума не сошла. У меня Ангелина, ремонт, пустой холодильник. Голос опять же пропал. Мало мне бед?

— Хватает, — согласилась Далила, отказываясь от затеи взять Галину с собой.

Отправилась к Людмиле одна.

Та встретила Самсонову зло и раздраженно. Не приветливо спросила:

— Зачем ты пришла?

— Ну, как же, горе такое, — пролепетала Далила, всматриваясь подруге в глаза.

В них не было горя: злоба и пустота.

— Жил как скотина и сдох как собака, — подтверждая ее наблюдения, процедила сквозь зубы Людмила и, ухмыльнувшись, заметила: — Очень вовремя сдох, чертов кобель. Теперь я вдова. Еще вполне молодая.

— Люсь, не надо, — попросила Далила. — Потом будешь жалеть.

— Молчи, — приказала Людмила. — Не о чем мне жалеть. Он жил в свое удовольствие, а я — как придется. Плевал он на мои интересы.

— Ты же его хвалила, говорила, что щедрый.

— Когда хвалила, врала, а то, что щедрый, так это с какой стороны посмотреть. Деньгами он от меня откупался, зараза, но с чужими бабами был гораздо щедрей. Нет, все, натерпелась! Замуж, шиш им, кобелям, не пойду! Буду как та президентша, подруга Маринки, эта, как ее...

— Елизавета Бойцова, — подсказала Далила.

— Да, буду, как Лизка мальчиков себе покупать. Пусть исполняют все мои прихоти. А почему бы и нет? Я вдова! Молодая и очень богатая!

Далила смущенно вздохнула. Заметив это, Людмила яростно повторила:

— Да, я вдова! Молодая и очень богатая! Сейчас я тебе расскажу, как пойдет моя жизнь...

Самсонова попыталась подругу остановить.

— Люсь, не надо, — пролепетала она.

— Что, не надо? — взревела Людмила. — Знала бы ты, что откалывал мой муженек! Пусть земля ему будет тверже гранита! Ирод он! Гад!

— Нет, слушать такое я не могу! Что ты болтаешь! Он же покойник! — рассердилась Далила.

— Не болтаю, а говорю. Покойник он. Это я покойницей, живой покойницей, при нем, подонке, была! Заживо в хозяйстве себя хоронила. Как дура, на дачке родителей в деревне горбатилась. Шесть сраных соток! Домик окошками в землю врос! Сколько раз просила его, козла, дом хотя бы построй! Я природе люблю! Фиг мне!

Людмила зло дернула себя за нос и скрутила живописную дулю. Глаза ее горели сумасшедшим огнем. Далила поежилась и вновь попросила:

— Люсь, не надо, не рви себе сердце.

— Как могу я сердце не рвать, когда он творил непотребство такое?

— Какое?

— Я на грядах родителей, как идиотка, горбатилась! Горбатилась и не знала, что у меня в Сестрорецке!..

Людмила задохнулась от возмущения и с ненавистью повторила:

— У меня в Сестрорецке! В самом элитном районе! Огромный роскошный дом! И он там с Анфи-

ской-шалавой за нас двоих отвисался! А теперь наследница всего этого я! Пусть сволочь сто раз перевернется в гробу!

Вспомнив, что Сасунян еще не в гробу, она бодро поправилась:

— Перевернется, когда ляжет в гроб.

После этой сентенции Людмила, игриво толкая подругу в бок, с улыбкой спросила:

— Представляешь? Домина, огромный, красивый, в трех шагах от залива! Теперь у меня! Финляндию видно из окон! Красота, твою мать!

Далила снова поежилась, а Людмила раскинула руки, вдохнула всей грудью и со счастливой улыбкой воскликнула:

— Эх, Самсонова, теперь заживу!

И прозаично добавила:

— А он свое получил.

— И не он один, — уточнила Далила.

— Да, оба они получили. Теперь пусть на пару с Анфиской в могиле гниют.

Наткнувшись на испуганный взгляд подруги, Людмила спросила:

— Что, наговаривал тебе на меня?

Далила, содрогаясь, подумала: «У Люськи точно крыша поехала. Что болтает она? Что несет? Словно вмиг лишилась всей своей совести. А ведь совесть у Люськи была, точно была».

— Че молчишь? — прогремела Людмила. — Наговаривал на меня?

Не в силах солгать, Далила кивнула:

— Кое-что говорил.

— И что говорил?

— Всякое...

Людмила рявкнула:

— А ну не финти! Говорил, что я Анфиску прикончила? Так?

— Да.

— И ты поверила?

Далила пожала плечами:

— Не знаю.

— Ну, сволочь! — яростно потрясла кулаками Людмила. — Чтоб он сдох, подлый гад!

Вспомнив, что это уже случилось, она запечалилась, загоревала:

— Эх, жаль, гад действительно сдох! Каждый день его бы душила своими руками! А ты? Ты же подруга моя! Ты хоть подумала, зачем мне шалаву его убивать?

— Ради домика и красотищи, — робко подсказала Далила.

— Ради домика и красотищи Сасуняна надо было давно убивать, а я, что же, по-твоему, медлила? Выжидала, когда он к Маринке уйдет?

Далила молча пожала плечами. Людмила с напором продолжила:

— Он, хитрый козел, все бабки держал при себе. А у Анфисы я в тот вечер была. Это правда. Здесь этот гад не соврал. Была я там, но почему?

— Почему?

— Потому к ней и побежала, что Сасунян мне про усадьбу и домик сказал. Своим признанием он фактически послал меня к сучке Анфиске. Во хитрец!

Заметив в глазах подруги сомнение, Людмила с угрозой спросила:

— Что, не веришь?

Под ее сумасшедшим взглядом Далила снова не в силах была солгать. Она отрицательно потрясла головой и испуганно прошептала:

— Не верю.

— Почему?

— Зачем ему к Пекаловой тебя посылать?

— Ради интриги. Чтобы потом все спихнуть на меня, — заявила Людмила. — Он задумал уже Анфиску убить, а она учуяла, видно, да на него завещание взяла и составила. И ему позвонила, мол, на-кася, выкуси! Вот и решил он убийство свернуть на меня!

— Выходит, Карапет Ашотович тебе признался про дом после разговора с Анфисой. Как только узнал, что она составила завещание?

— Еще бы, конечно, — согласилась Людмила. — Трубку на телефон положил и про Анфиску с домиком мне все и вывалил. Знал же, что с места в карьер понесусь отношения выяснять. Я, как дура, и понеслась.

— В чем была? — уточнила Далила.

— Да, в фартуке и халате. И с порога в рожу наглую ее и вцепилась. Уж я била ее...

— Чем?

— А всем, что под руку подворачивалось! Скалка — так скалкой! Доска — так доской! Все в ход пошло!

— И насмерть забила, — наполняясь ужасом, прошептала Далила.

Людмила подпрыгнула:

— Да ты что! Она живая была, когда я уходила!

— А почему на тебе не было синяков? Пекалова что же, не сопротивлялась?

— Не сопротивлялась она.

— Почему?

— А не знаю, — прошептала Людмила и растерянно уставилась на Далилу. — Честно не знаю.

— Ты скалкой била ее, доской, а она живая была, но не сопротивлялась. Разве такое бывает?

— Выходит, бывает.

— А что ты кричала, когда ее била?

— Кричала, что пусть только попробует сопротивление мне оказать.

— Так ты ей угрожала, — прозрела Далила.

Людмила яростно подтвердила:

— Ну да! Я сказала, что все наши знакомые теперь будут знать, какая Анфиска шалава! Как уводит она из семьи чужих мужиков! Думаю, сразу после меня к ней пришел мой Сасунян. Он Анфиску увидел побитую и добил.

Далила подалась вперед:

— Как добил?

— Череп топориком кухонным проломил.

— Про топорик я от него не слышала. Ни от Куськиной не слышала, ни от... Ни от кого...

Самсонова призадумалась. Рассказ подруги запутал ее окончательно.

— А зачем Сасуняну Пекалову убивать? — спросила она. — Какой ему в ее смерти резон?

— Ну, уж не знаю, — пожала плечами Людмила и задумчиво предположила: — Бизнес, что ли, не поделили или из ревности. Анфиска другого нашла.

Дернув себя за нос, она снова спросила:

— Значит, наговаривал на меня, сволочь? И что говорил?

Далила, ненавидя себя, изложила:

— Что ты чудишь, ревнуешь, закатываешь скандалы, что кровь Анфисы на фартуке твоём была.

— Ах, он гад! Я же котлеты жарила! Ему!

Людмила вскочила и бросилась к шкафу. Яростно извлекая с полок вещи покойного мужа, она бросала их на пол и сладострастно топтала, приговаривая:

— Вот тебе, гад! Вот тебе! Вот тебе! Все сожгу!

И памяти о тебе на земле не оставлю! И могилку сровняю с землей! Будь ты проклят, слышишь, ты, Сасунян! — завопила она, закатив глаза к потолку и прижимая к груди очередную охапку вещей.

Самсонова содрогнулась и пожалела уже, что пришла. А Людмила, зло сплюнув, швырнула охапку на пол. Из вороха свитеров и рубашек что-то вылетело и глухо стукнуло о паркет.

— Что это? — удивилась Людмила, поднимая незнакомый предмет, похожий на мышеловку, опутанную резинками и проводами.

«Это пугач, — догадалась Далила. — Марина была абсолютно права, Михаила убил Сасунян. Но кто же убил Анфису? После того, что я про дом в Сестрорецке узнала, глупо Сасуняна в убийстве Пекаловой подозревать.

Тогда кто же ее убил?

Нотариус?

Изверг?

Кузькина мать?

Зинаида Попова? Чем объяснить ее внезапный отъезд? И как раз в тот день, когда погибли нотариус и Сасунян. Чем объясняется ее спешка?

Или Анфису убила Людмила? Все же Людмила?

Глаза у нее сумасшедшие. Сейчас бесполезно с ней говорить».

Далила поспешила вернуться домой.

Впрочем, «поспешила» слово неверное. Людмила почти ее вытолкала, забившись в истерику и заpretив в ближайшие дни приходить.

— Хоронить Сасуняна не буду, — на прощание пригрозила она.

Грустная, Далила вела «Форд» по городу, грустная вошла в свой подъезд, открыла почтовый ящик. Среди газет и рекламных листов оказалось письмо

без имени отправителя и обратного адреса. Далила поспешно его распечатала, вытащила листок и прочитала: «Пекалову убил любовник, Михаил Калоев».

— Потрясающе! — прошептала она, рассеянно сминая листок и засовывая его в карман.

Глава 33

Растерянная Далила бесшумно вошла в квартиру. Калоева, поджав под себя ноги, уютно устроилась на диване в гостиной. Она увлеченно читала какую-то книгу. Далила выросла перед ней неожиданно. Калоева вздрогнула, увидев ее, и вскрикнула:

— Ах, извините, вы так незаметно вошли!

— Это вы меня извините, — возразила Далила. — Я вас напугала. Что вы читаете? — чтобы разрядить обстановку, спросила она.

— Вашу книгу, — смущенно призналась Калоева и вновь принялась извиняться: — Простите, я тут без спросу взяла. Ваш Дмитрий на тренировку ушел, мне стало скучно, по квартире слонялась и в кабинет забрела. Еще когда мы с вами там разговаривали, я увидела ваши книги и подумала: «Вот бы их все прочитать». Простите, не устояла. Без спросу взяла, — повторила она и пояснила: — Их так трудно купить.

Самсонова ради приличия осведомилась:

— Интересно?

— Ужасно!

— Я рада, что вам понравилось.

Приблизившись к Калоевой, Далила наклонила голову и, заглянув в обложку, воскликнула:

— Снова трактат о лжи! Возможно, мне не дает покоя моя нездоровая совесть. Увы, — пошутила она, — как ни странно, но у психоаналитиков непо-

ладки с совестью тоже имеются, есть у них и подсознание.

Калоева не отвечала. Далила, вскинув вверх подбородок, с пафосом произнесла:

— Ложь! В нашем мире царствует ложь! Вам не кажется, что я слишком много внимания уделяю этой непопулярной теме? — уже дурашливо спросила она.

Калоева на игривость не отозвалась, она отнеслась к вопросу серьезно:

— Нет, не кажется. Вы попали в самое яблочко. В этом мире действительно все зло от лжи. Вот я, к примеру, росла на стыке двух противоположных культур. Значит, росла на лжи. Папа мой армянин, мама русская. Мне с детства твердили, что армянский брак основан на уважении: муж уважает жену, жена уважает мужа, дети — родителей. И я верила, потому что глупой была.

— Но разве это не так? — не очень искренне удивилась Далила.

Марина отрезала:

— Это не так. Когда я выросла, то поняла: армянский брак основан на лжи.

— Все браки на этом держатся. Психологи такую ложь называют терпимостью, толерантностью.

— Значит, терпимость — мать лжи.

— Тогда отец лжи — дипломатия, — усмехнулась Далила.

Калоева с досадой потрясла головой:

— Может быть, но я не о том. Армянский брак, это игра. Муж делает вид, что имеет право на подлость, которую он называет мужественностью. Но как предательство ни называй, оно подлостью и останется. Жена унижена бесправием, она угнетаема.

Самсонова с изумлением осведомилась:

— Не слишком ли вы строги?

— А разве порядочно угнетать человека? И разве запрет — не угнетение? — яростно спросила Марина. — Муж решает, что должна делать жена, словно жена не личность, не человек.

— Но если жена личность, пускай не позволяет так обращаться с собой, — обронила Далила.

— Легко говорить, а куда было матери деться? Без приличной работы, с ребенком на шее. В нашем обществе женщины подбирают крохи после мужчин. Везде: в карьере, в общественных местах и, уж конечно, в семье. Моему отцу все было можно: дома не ночевать, часами топтаться с друзьями без дела на площади, любовниц иметь, самому решать, сколько денег выделить рабыне-жене. И при этом он слыл уважаемым человеком. Можете представить, какими эпитетами наградит общественное мнение женщину, позовь она себе подобное поведение?

— Могу, — кивнула Далила.

— А отец мой был уважаемым. И я обожала его. Он бог! Он мужчина! Захочет, посадит маму за стол при гостях, не захочет, прогонит...

Марина осеклась и вздохнула:

— Ах, что о том говорить! Вы сами все знаете. Муж и ложь — синонимы.

— С мужем все ясно, а жена в чем же лжет? — уже с интересом спросила Далила.

— Жена лжет во всем. Ее вынуждают лгать. Она делает вид, что любит, но как любить того, кто тебя унижает? Притворяется, что уважает мужа, но как его уважать? Разве можно уважать подлеца?

Самсонова возразила:

— Ну, так уж и подлеца.

— А разве не подло лишать жену и родного ребенка самого важного: любви и внимания? — с обидой прокричала Марина.

Далила завершила:

— Я знаю мужчин, он вас любил.

— Любил? Но дома почти не бывал. Он в важных делах, а мы, выходит, неважное. Мама всю жизнь проходила в суконном пальтишке, а он покупал дорогие шубы любовницам? На любовниц время он находил. Видите ли, он имеет право на развлечение, он сам платит за свое развлечение. А как же его обязанности? А как же жена? В чем ее развлечение? Готовить, чистить, стирать? Он каждый день рубашки менял. Стирай она меньше, может, заработала бы больше. Ни для кого не секрет, что восточные женщины работают гораздо больше мужчин.

— И не только восточные, — подчеркнула Далила. — Есть даже статистика, в какой стране и на сколько женщины работают больше мужчин.

Калоева изумилась:

— Так чем же кичатся мужчины? Неизрасходованной силой? За что нам, женщинам, их уважать?

— Много за что, — сказала Далила, намереваясь перечислять: — За снисходительность, за благородство...

Марина ее оборвала:

— Они угнетатели и лжецы! Они завели отвратительные правила, по которым выгодно жить лишь им самим, а нам, женщинам, нет в современном обществе счастья. В этом мире только болтают о равноправии.

Самсонова изумилась:

— Чую веяния Елизаветы Бойцовой.

— А что, не так? — рассердилась Марина. — Общество прогнило от лжи. Вы правильно пишете в своей книге. Общественные правила срочно надо менять. И начинать надо с мужчин. Хотя бы ради того, чтобы уберечь их от преждевременной смерти. Нечистая со-

весть мстит человеку болезнями. Ведь не зря мужчины живут меньше нас, женщин. Слишком они изолгались, слишком совесть их нечиста, вот и откладывается их ложь, как вы пишете, на соматику. И начинаются инфаркты, инсульты, простатиты и прочее.

Действительно, в своей книге, исследуя ложь, Далила сравнивала жизнь человека с автомобильной магистралью. Машина человеческих отношений не сется по этой жизненной магистрали стремительно — не всегда есть время подумать, как правильно себя повести.

Далила вывела правила и на страницах своей книги советовала их выполнять. Да, все люди разные, одним проще выполнять автодорожные правила, другим — сложнее, третьи вообще с трудом автомобиль свой ведут, но правила всех уравнивают. Учитывай дорожные знаки, и не будет аварии. На дороге порядок.

Так по правилам, выведенным Далилой, должен наступить порядок и в общественной, и в семейной жизни. Если им следовать, жизнь будет легче, приятней, ровней. Маленькая ложь рождает огромное недоверие, следовательно, по мелочам не лги. Ложь не проходит бесследно. Она подрывает не только человеческие отношения, но и здоровье, утверждала в своей книге психоаналитик Самсонова.

Калоева, взглянув на Далилу, потрясла этой книгой и с чувством воскликнула:

— Вы умная, честная, благородная женщина, составили отличный кодекс морали, так почему же никто по нему не живет?

— А почему мало кто верит в бога? А почему наступают на грабли дважды, трижды, четырежды — даже всю жизнь? Не так все просто, как кажется. Человек слаб, он раб своих мимолетных желаний. За-

частую: желания эти вредят, не нравятся близким. Мы каждодневно (хоть и невольно) наезжаем на чужую территорию. Во лжи человек находит спасение от наказания, ссор и обид. Ложь — отличный пятновыводитель запачканных биографий, ложь — защитник, советчик и друг. Раз солжешь, два и не заметишь, как угодил в компанию лжи.

Разговор их прервал телефонный звонок. Звонила Галина Семенова:

— Далька, ну как?

— Что как, дезертирка? — лягнулась Далила.

— У Люськи была?

— Была.

— Рассказывай!

— Сейчас не могу.

Калоева мигом потупилась и пролепетала:

— Мне выйти?

Самсонова отмахнулась:

— Дело не в вас. Оставайтесь.

Но она все же вышла.

А Галина вдруг разрыдалась — так разрыдалась, что Самсоновой показалось: трубка в руке подпрыгнула и ходуном заходила.

— Почему ты реवेशь? — испугалась и рассердилась Далила.

— Я газеты листала, работу искала, — сквозь слезы пропищала Галина, — и там я нашла...

Самсонова сухо спросила:

— Что нашла, мое объявление?

Узнав, что подруга не пошла на свидание с Голосом и после этого он пропал, Далила решила взяться за дело сама. В тот же вечер она, пользуясь связями, дала объявление в ряд популярных газет.

Содержание было следующим: «Разыскивается

мужчина, принявший в своей машине роды у незнакомки. Я, подруга той женщины, обращаюсь к вам: «Вы нужны Ангелинке. Умоляю, зайдите ко мне в кабинет. Мы с вами виделись и разговаривали».

И адрес кабинета.

— Зачем ты дала объявление? — рыдая, спросила Галина.

— Да, я дала объявление, чтобы ты не сходила с ума.

— Бесполезно! Он не откликнется!

— Посмотрим.

Сквозь всхлипывания Семенова с надеждой спросила:

— Ты правда с ним виделась?

— А разве я тебе не говорила? — удивилась Далила.

— Какой он? Какой? — бросив рыдать, затрещала Галина. — Он правда красивый?

Слегка покривив душой, Далила заверила:

— Он супермен.

Семенова разволновалась:

— А если он не придет?

— Еще чего! Никуда он не денется.

— Ага, а если денется? — снова захлюпала носом Галина. — А если газету твою не прочтет?

— Таким объявлением я зарядила массу газет. Какую-нибудь да и прочтет.

— Ой, Далька, что-то худо у меня на душе. Приезжай! — взмолилась Галина.

В гостиную заглянула Калоева и спросила:

— Можно я пока ужин вам приготовлю?

— Спасибо, не надо, — поблагодарила Самсонова и, озабоченно взглянув на Марину, виновато промямлила в трубку: — У меня гости, Галь, я сейчас не могу.

С Семеновой мгновенно приключилась истерика.

— Какие гости еще?! — завопила она. — Тебе все дороже меня! К сумасшедшей Людке ты можешь носиться, ради Людки жизнью рискуешь, а как я попрошу, в ответ «не могу»! Спасибо тебе, подруженька! Я тут извелась! Никому не нужна! Мать одна ночка! Я, может, руки на себя наложу от тоски! Я, может...

«Надо ехать», — решила Далила и прикрикнула на подругу:

— Тише ты! Не галди! Минут через сорок приеду! Возникал вопрос: куда деть Калоеву?

Дмитрий вернется поздно. Галина тоже, похоже, надолго расположится на теплом плече Далилы: слез скопилось немерено.

Марина не уходила, словно все поняла, стояла в дверях и ждала. Ждала без тревоги. Понимала, что не бросят ее одну. Мелькнувшую мысль взять Марину к Галине Далила убила в зародыше.

Как быть?

Ах, ну ясно же как!

— Тетушка Мара! — радостно возвестила Далила. — Я вынуждена отлучиться, а вас к ней отвезу. Если, конечно, вы не возражаете.

— А кто она, тетушка Мара? — настороженно поинтересовалась Марина, не испытывая желания ходить по гостям.

— Моя тетушка Мара, как сама она про себя говорит, «закоренелый холостяк и психиатр — неизвестно, что хуже». Вот с кем интересно поговорить. На лжи и на совести тетушка Мара собаку слопала, и не одну.

Глаза Калоевой загорелись:

— Правда? Буду рада с ней познакомиться.

— Прямо сейчас и поедem, — постановила Далила.

Оставив Марину у тетушки Мары, Самсонова понеслась к Галине.

Вот когда время помчалось как угорелое. Семенова трещала без умолку. Сначала она расспросила про Людмилу, потом подробно поведала про свое душевное «состояние», затем перешла на Голос...

Далила глянула на часы и ужаснулась:

— Галка, все, мне пора.

— Как — пора? Я только начала, и половины еще не сказала, — изумилась Семенова.

— Но тетя Мара позже одиннадцати не ложится, а сейчас двенадцатый час. Еще, чего доброго, она прямо при гостье заснет.

— При какой еще гостье? — рассердилась Семенова.

— Потом расскажу, — отмахнулась Далила и, наспех расцеловав подругу, сбежала.

Когда Самсонова ступила на порог квартиры тетушки Мары, старушка и в самом деле спала на ходу. У Марины вид тоже был утомленный. Да и сама Далила хорошей формой похвастаться никак не могла. Этим вечером побеседовать с Мариной Калоевой ей не удалось.

Утром, спешно собираясь на работу, Далила спросила у сына:

— Димка, ты не мог бы ради разнообразия дома сегодня побыть?

Дмитрий обрадовался:

— Запросто! Справку достанешь?

— Какую справку? Ты абсолютно здоров!

— В том-то и дело. И что я по этому поводу в университете скажу? Подбиваешь меня на прогул?

Далила поморщилась:

— Не подбиваю, но Марину одну оставлять не

хочу. Ладно, — решила она, — справку достану. Это будет ложь во спасение.

Ложь в результате свершилась, но спасения не принесла. Когда Далила вернулась с работы, Калоевой дома она не нашла.

Глава 34

Дмитрий встретил мать виноватым взглядом.

— Ма, кажется, я сваял дурака, — уныло признался он, втянув голову в плечи.

— Что случилось? — испугалась Далила, бросая на пол пакет с продуктами. — Где Марина? — озираясь по сторонам, спросила она.

Дмитрий промямлил:

— Марину увезли на «Скорой».

— Что с ней?

— Кажется, отравление.

— Отравление?! — запаниковала Далила. — Чем ты ее накормил?

Дмитрий пожал плечами:

— Не я.

— Кто же?

— К нам приходила твоя подруга.

— Подруга?! О боже, какая подруга?

— Людмила.

Далила осела в кресле.

— Это ужасно! — закричала она. — Так я и знала! Тебе ничего доверить нельзя!

— Ма, это ты зря, — обиделся Дмитрий и упрямо напомнил: — Я человек надежный.

— Слушай, человек надежный, как мог ты впустить в наш дом Людмилу? — набросилась на сына

Далила. — Я же тебе наказала, никого! Понимаешь, никого не впускать!

Дмитрий выразил недоумение:

— Она же подруга твоя.

— Откуда ты знаешь? Ты видел ее впервые!

— Она вошла и спросила: «Ну что, карапуз, забыл, как я таскала тебя на руках?» Я спросил: «Кто вы?» Она ответила: «Ты Дима, а я Люся Зайцева, подруга твоей мамы. Мы с ней одноклассницы».

— О боже! — взвыла Далила и затараторила: — Зачем ты ее впустил? Я же приказала никого не пускать! Никого, понимаешь?

Дмитрий виновато кивнул:

— Ма, сколько можно? Заладила. Понимаю, но она уверенно так вошла, потрепала меня по волосам, сказала, что я сильно вырос. Историю с ходу сплела, вроде я новое платье ее когда-то описал и губную помаду съел. Дорогую. У спекулянтов она покупала. Это было так неожиданно. Я растерялся.

— А Марина?

— Тетя Марина вышла навстречу, сказала, что это ее подруга. Я впустил.

— Какой же ты недотепа! — рассердилась Далила.

— Ну, мама, что я мог сделать? Вытолкать взрослую тетку? Да еще подругу твою.

— Да, прости, кажется, я погорячилась. Ты ничего не мог сделать. Но как же Марина? Она как могла Людмилу впустить? Впрочем, — Далила махнула рукой, — Марина не верит мне. И что было дальше?

Она воззрилась на сына. Дмитрий пожал плечами и недовольно прорычал:

— Я точно не знаю. Они на кухню пошли. О чем-то там долго шептались.

— О чем?

— Ма, прости, я не подслушивал.

— Хорошо, что было дальше? — поторопила сына Далила.

— Дальше эта Людмила ушла, а Марина слегла.

— Как слегла?

— Ей стало плохо.

— Как плохо? На что она жаловалась? Ой, Димка, какой же ты увалень! Говори!

Под окриком матери Дмитрий выдал скороговоркой:

— Тетя Марина чуть в обморок не упала. Легла на диван. «Плохо, не вижу, — кричит, — во рту сухо. Неужели твоя мама права? Она меня отравила! Отравила, — кричит, — отравила!»

Далила нетерпеливо прервала сына:

— Ладно, это я уже поняла. Дальше что?

Дмитрий продолжил:

— Тетя Марина приказала мне Бойцовой звонить. Тетя Лиза меня отругала (до сих пор не понял, за что), потом я вызвал «Скорую». Тетю Марину быстро забрали. Затем тетя Лиза примчалась, я сказал ей, что тетю Марину уже увезли. Тетя Лиза еще раз меня отругала (до сих пор не понял, за что) и сказала, что разыщет Калоеву и без помощи не оставит. Сказала: «Всем! Всем заплачу!»

Далила вскочила с кресла, нервно пробежалась по комнате и рухнула на диван. Обхватив ладонями голову, она призадумалась. Дмитрий с убитым видом стоял рядом, не уходил, словно это он (своими руками) отравил тетю Марину и не знает теперь, как оправдаться перед матерью.

— Чем Людмила кормила Марину? — грозно спросила Далила.

Дмитрий попятился:

— Да вроде ничем. Они только кофе пили на кухне.

Далила продолжила за него, горестно и безысходно:

— А кофе варила Людмила.

Сын подтвердил:

— Да.

Самсонова поразилась:

— Откуда ты знаешь, если ты не подслушивал?

— Я подсматривал, — съязвил Дмитрий, но тут же одумался и пояснил: — Эта Людмила шустрая, на кухне возню подняла, турку искала. И спрашивала, где у нас сахар.

— Сахар?! — ужаснулась Далила. — Какой сахар, у Калоевой сахарный диабет! А где же она сама в это время была?

— Тетя Марина у стола на табуретке сидела. Она к стене привалилась. Похоже, была в полном откате.

«Люська что-то ей сообщила, ввела в шок и под шумок накормила сахаром! — пронеслось в голове у Далилы. — А Калоева диабетик. Выходит, убийца Людмила! Убийца она!»

* * *

Несколько дней Калоева металась между жизнью и смертью. Врачи опасались комы. Елизавета Бойцова, забросив дела, дежурила у постели подруги. Далила, сбегая с работы, каждый день навещала Калоеву. Из больницы мчалась к тетушке Маре рыдать на ее плече.

— Что делать? — горестно вопрошала она. — Что делать с Людмилой?

Тетушка неизменно отвечала племяннице:

— Ничего. Людмила не виновата.

— Но почему она не хочет видеть меня?

Тетушка хмурилась:

— Если это доказательство ее множественных злодейств, тогда я пас. Тебе на почве дефицита доказательств отказала логика.

Далила вздыхала:

— Правильно, нет у меня доказательств, но есть чутье. Я почему-то уверена, начинать надо с подружки Анфисы, с Зинаиды Поповой. Каждый день ее соседке звоню.

— А девушка не возвращается, — заключала тетушка Мара. — Но это еще не значит, что убийца Анфисы она.

— А кто? Кто убийца?

В который раз уходили в анализ кто убийца Анфисы — почему-то думалось, что разгадка именно в ней, в любовнице всех мужчин. Остальные погибшие: Михаил Калоев, нотариус, Трофимыч и сам Сасунян — звенья все той же цепи.

Кандидатуры предлагала Далила:

— Куськина мать!

Тетушка морщила нос:

— Не-ет. Та скорее яду подсыпет в пирожное.

— Нотариус!

Мара сердито фыркала:

— Марк Борисович был умным мужчиной. Уравновешенным, мудрым. Имей он желание покончить с Анфисой, его не увидел бы этот...

— Изверг, — подсказала Далила.

— Я предпочитаю говорить Костиков или сосед, — с достоинством сообщала тетушка Мара. — К тому же Марк Борисович, я-то уж знаю, был очень трусливым.

— Тогда, может, Костиков Анфису Пекалову и убил? Может, у него есть тайный мотив?

— А как он связан с Мариной? Или с Людмилой? Или с Зинаидой Поповой? Людмила вообще о существовании дома в день убийства Анфисы узнала, как же она могла знать соседа?

Далила сникала:

— Понятия не имею. Похоже, никак. Тогда, может, действительно Сасунян?

— Ему-то зачем? Дача его, завешание на него. Он первый подозреваемый. Соберись он убить Анфису, для начала уговорил бы ее изменить завешание.

— Зинаида Попова могла убить и Анфису, и Сасуняна и скрыться...

Тетушка прерывала отчаянный поток мыслей племянницы:

— Детка, остынь. Как выяснилось, Зинаиде Поповой по завещанию достается не дом в курортном районе, а развалюха в деревне. И личные вещи Пекаловой. Больше, кажется, у нее не было ничего.

— Автомобиль.

— Стала бы ты из-за автомобиля подругу свою убивать?

— Я? — отшатнулась Далила. — Тетя, что ты говоришь? Ты полагаешь...

Тетушка Мара ее перебила:

— Деточка, извини, я гипотетически. Ты же знаешь, гипотетически мы все на убийство способны. И еще, коли на то пошло, скажи, зачем Зинаида Попова убила Трофимыча? Он-то чем ей мешал? Нет, детка, то, что Попова срочно уехала, скорее всего совпадение. Или кто-то об этом ее попросил.

Споры были часты и длинны, но ничего полезного не приносили. Далила на тетушку с вопросами

наступала, тетушка легко отражала ее наступление. Результатов по-прежнему не было.

И вот однажды, в один из таких вот споров, Далилу вдруг осенило:

— А Светлана Михайловна не могла Анфису убить? Почему она скрыла свой адрес?

Тетушка Мара, покачав головой, сердобольно заметила:

— Крошка, не нравятся мне круги под твоими глазами. Неделью назад ты была гораздо свежей. А Светлана Михайловна твоя пациентка. Тебе ли ее не знать. Думай сама, способна была покойная на убийство или нет.

— Ах, я уже не знаю, что и думать! — схватившись за голову, сообщила Далила. — Просто схожу с ума! Если ты всех отвергаешь, значит, Анфису убил Калоев?

— Михаил? — усмехнулась тетушка. — Нет, кто угодно, только не он.

— Ты так уверена? Почему?

— Я с Мариной о нем говорила. Михаил абсолютно безволен. Он мог только потихоньку травить. Марина милая, славная девочка. Она ангел, кроткий и чистый. И к тому же очень умна. Просто удивительно, что такая достойная девушка вышла замуж за слабого подлого человека. Мне ее очень жалко. Надеюсь, она окончательно пойдет на поправку, и ты сможешь узнать, о чем она говорила с Людмилой. Не думаю, что после этого многое прояснится, но все же.

— Все равно я пока ничего узнать не могу. Людмила скрывается от меня, а с Мариной врачи вообще говорить запрещают. Похоже, мы всех уже перебрали.

Тетушка подтвердила:

— Похоже, что да.

Далила положила руки на стол и, тщательно расправляя скатерть, упрямо сказала:

— Ну, все, остается одна Людмила. Анфису и Сасуняна убила она. Она же пыталась убить Марину. Больше некому. Остальных подозреваемых ты отвергла.

— Людмила не подозреваемая, — твердо сказала тетушка Мара.

— А кто она? — взывала Далила.

— Людмила жертва. И все. Давай на этом поставим точку. Людмилу я в обиду не дам.

Самсонова вспомнила: «Вот я дура! Наша Мара Зайцеву Люсю всегда нежно любила. Мара не может быть объективной. В этом деле она мне не помощник».

Бессмысленный уже разговор был прерван телефонным звонком. Звонила Лиза Бойцова.

— Далька! Мариша моя умирает! — не своим голосом завопила она.

— Что случилось? — запаниковала Далила.

— Сахар снова резко поднялся. Врачи собьют, он опять поднимается. Тут собрался сумасшедший консилиум. Одни светила. И ничего не могут поделать. Боятся, что Мариша в кому впадет.

Самсонова поразилась:

— Но как же так? Ведь динамика была положительной. Марина уже шла на поправку.

Бойцова заплакала:

— Никто ничего не поймет, говорят, чудеса, никакие лекарства не помогают. А я точно знаю: кто-то травит Маришу. Я на всякий случай охрану поставила у палаты.

Положив трубку в карман, Далила строго взглянула на тетушку и сообщила:

— Немедленно еду в милицию и рассказываю все про Людмилу.

Тетя Мара устало прикрыла ладонью глаза и прошептала:

— Детка, ты вольна делать все, что угодно, но милиционеры Калоевой не помогут. Только Люсеньку Зайцеву запачкаешь зря.

Глава 35

Калоеву на этот раз удалось спасти. Елизавета Бойцова не поскупилась: поставила перед дверью палаты подруги двух дородных парней, а в самой палате посадила сиделку.

После принятых мер Марина снова быстро пошла на поправку. Теперь в палату к ней никого не пускали, кроме Самсоновой и Елизаветы. Врачей и медсестер, разумеется, тоже пускали, но неохотно. Сиделка же на людей в белых халатах смотрела как гад на лягушку. И все лекарства исследовала придирчиво, со смиренным презрением. Докторам становилось не по себе, и они старались в палате Калоевой без нужды не задерживаться.

Наконец наступил момент, когда врачи разрешили поговорить с Калоевой. Бойцова осторожно попыталась выяснить, кто посещал Марину в тот день, когда у нее резко поднялся сахар. На все вопросы Марина молчала. Когда же Бойцова заплакала от бессилия, Марина грустно ее попросила:

— Не надо, Лиза, не могу я сказать. Она ни в чем не виновата, а вы ее сразу же обвините.

Бойцова не успокоилась. Несколько дней она подбивала Далилу пойти к Калоевой на разведку.

— Ты же психоаналитик, — шипела она, — зна-

ешь все подходы к душе. Расспросила бы Марину, должны же мы знать, кто ее смерти желает.

Самсонова отмахнулась:

— Отстань от нее. По-другому надо нам действовать.

— Как по-другому? — не унималась Елизавета.

— Все преступления надо раскрыть, тогда Марина опять будет в безопасности.

— Ничего себе! — ужаснулась Бойцова. — Раскрыть все преступления! А на Луну слетать нам не нужно?

Этим вечером Далила расположилась в своем кабинете. На лист бумаги нанесла всех подозреваемых. И так и эдак пыталась их совместить, пересечь их интересы, но подозреваемые не совмещались и интересы их плохо пересекались. Особенно не совмещалась покойная Светлана Михайловна с покойной Анфисой. А Далила спешила, чуяла, что от ее расторопности зависит жизнь Марины Калоевой.

И на этот раз Самсонову не подвело чутье. Ночью ее разбудил звонок. Звонила Бойцова и так истошно кричала, что Далила уж было подумала, что Марина скончалась.

Оказалось, что (слава богу!) Марина жива, но сахар резко поднялся опять, снова сбивают, а он поднимается — в общем, история старая.

— Спасают? — спросила Далила.

— Спасли, — выпалила Бойцова. — Но я теперь места себе не нахожу. Что же происходит? Мои ребята клянутся, что в палату никто не входил. В том же клянется сиделка. Как думаешь, их не подкупили?

— Все возможно, — вздохнула Далила.

Повесив трубку, она глянула на часы и подумала:

«Эх, нельзя Мару будить, слишком рано, на весь день разболеется. Но что же делать? Надо спешить! Надо анализировать. Мне нужна ее логика. А Мара, ну как назло, сопротивляется. Вредничает, ведь не такие задачки решала. Что же она молчит? Неужели не понимает? Заладила: Людмила не виновата. Ох, не уберезем мы Марину, никогда себе не прощу!»

С трудом дождавшись утра, Далила отправилась к тетушке Маре. Машинально жевала песочный пирог. Травяные чаи гоняла. И тасовала, тасовала туда-сюда фигуры подозреваемых. Нотариус с Анфисой был в сговоре, потому она к нему и пришла...

Тетушка версию разбивала:

— Всем известно, как честны наши нотариусы. С кем они только не в сговоре? Что ж, всех клиентов подряд убивать? И ты забыла, его самого убили, Марка Борисовича. Он, кстати, был порядочный человек. Насколько это, конечно, возможно в нашей продажной стране.

— Ах, тетя, не вздумай заговорить о политике, — испугалась Далила.

— Еще чего! Выдвигай свою версию.

— Миша Калоев Анфису убил...

— Почему?

— Я не знаю, — со слезами призналась Далила.

Тетушка посоветовала:

— Вот что, деточка, сдастся мне, что Светлану Михайловну надо искать. Оттуда ниточка и потянется.

— Да где же я буду ее искать? Паспортов мне пациенты не предъявляют, настоящих имен их не спрашиваю. Может, она и не Светлана Михайловна, а...

Далила застыла.

— Что, деточка? — испугалась тетушка Мара.

— А что, если Светлана Михайловна и есть Зинка Попова, подруга Пекаловой?

Старушка напомнила:

— Но Светлана Михайловна умерла раньше, чем Зинаида уехала.

— А может, она солгала.

— Зачем?

— Чтобы меня запутать.

Тетушка Мара, пряча улыбку, принялась резать пирог.

— Ах, почему ты мне не помогаешь? — рассердилась Далила. — Надо спешить!

— Куда?

— Нужно Марину спасать!

— Детка, ты увлеклась. Свои силы переоценила. Сама посуди, у тебя шесть трупов: Анфиса, Калоев, Светлана Михайловна, Сасунян, нотариус и Трофимыч.

Далила добавила:

— Семь, ты забыла Рубена.

Тетушка почему-то обрадовалась:

— Именно! Я забыла Рубена! Видишь, как сложно. И что же ты хочешь при этом?

— Марину спасти.

— Детка, прими от меня совет. Ты не следователь. Ты психолог и психиатр, отличнейший психоаналитик. Я так всем и говорю: моя племянница ас. Вот и займись своим делом. Вернись к своим книгам, копай, там ищи, там, в науке разгадка.

— Ты все знаешь! — прозрела Далила. — Предательница! Ты все знаешь! Видишь, как я страдаю, и все же молчишь! Жестокая!

Тетушка племянницу осадила:

— Полегче, родная, полегче, я не господь, я не

знаю. Не буду отказываться, версии есть, но все они неутешительны. Расстраивать тебя не хочу. У тебя и без того круги под глазами.

— Но как ты не поймешь! — закричала Далила. — Марину кто-то хочет убить! Марину надо спасать!

Тетушка Мара поднесла палец к губам и прошептала:

— Тише, ребенок. Надо Марину спасти, но, повторяю, я не бог. Ты умница, попробуй, спаси.

— Я тоже не бог.

— Ты молодая, а я слишком старая. У тебя есть жажда, в тебе есть огонь, ты хочешь знать, а я уже пепел. Лопаю песочные пироги и жирею. Попробуй-ка хоть раз обойтись без меня.

Был брошен упрек.

Серьезный упрек!

Впервые!!!

Далила не ожидала.

— Попробую! — упрямо процедила она.

Тетушку Далила покидала обиженная, но не сломленная.

Уходя, твердила: «А вот и попробую спасти Марину Калоеву! Попробую и спасу!»

И не спасла.

Елизавета Бойцова никому уже не доверяла: охрану сменила, сиделку, но новый приступ Марину добил. Сахар снова вдруг подскочил, Калоева впала в кому.

Долго лежала безжизненная Марина. Далила каждый день приходила на нее посмотреть, осторожно рядом садилась, нежно руку брала и уговаривала, просила жить, не сдаваться. Но однажды не выдержала Далила и горько расплакалась. Всхлипывая, повторяла:

— Мариша, прости! Мариша, это я во всем виновата! Не уберегла!

В палату ворвались врачи. «Нельзя! Нельзя!» Потасили Далилу к выходу. Оглянувшись, она содрогнулась: по щеке Марины катилась слеза.

На следующий день Калоева умерла.

Глава 36

Смерть Калоевой Далила восприняла как личное поражение. И боль того поражения с каждым днем становилась сильнее. Далила стала рассеянной, задумчивой, отрешенной. Дошло до того, что она уже начала себя спрашивать: «А могу ли я практиковать? Имею ли право? В той ли я форме, чтобы чужие души лечить? В каком состоянии моя собственная душа?»

Душа Далилы ох как болела. Нарушалась первая заповедь психоаналитика, гласившая: не берись решать чужие проблемы, не решив проблемы свои.

Возникал вопрос: можно ли решить проблему Далилы. Ведь Калоеву не вернешь, а Далила на себя возложила вину за гибель Марины. Получился замкнутый круг..

И все же Далила знала, как разорвать этот круг: надо найти убийцу Анфисы. Она и искала. Вечером, приходя с работы, садилась в кабинете за стол и думала, думала, думала. И однажды наконец набросала штрихами конструкцию.

Первый штрих: Сасунян убил Михаила Калоева. Зачем? Ради Марины? Допустим.

Второй штрих: Сасунян убил Трофимыча, сторожа фабрики.

Зачем? Он лишний свидетель.

Третий штрих: Сасунян убил Анфису Пекалову.

Зачем? Надоела, хотел бросить, она его шанта-

жировала, пугала, что Марине расскажет об их отношениях. Марина дорога Сасуняну, поэтому он Анфису убил. Но подстроил все так, чтобы стрелку перевести на Михаила Калоева — не получилось. Тогда он с помощью Далилы попытался перевести стрелку на Людмилу. Очень удобно: одним разом и от шантажистки избавиться, и от неугодной жены. Людмилу сажают, Сасунян уламывает богатую вдову Марину, они женятся.

Четвертый штрих: Сасунян убил нотариуса, Марка Борисовича. Перед собственной смертью как-то успел.

Почему? Анфиса призналась, что составила завешание на него, на Сасуняна. Бог знает что она наговорила нотариусу перед смертью, эта Анфиса, ведь Сасунян же ее травил. Он лгал, что Миша Калоев любовник Анфисы. На самом деле любовником был он, Сасунян. Он и травил. Вдруг нотариус, узнав, что девушка умерла, в милицию побежит? А так, придет другой нотариус, и делу конец. Сасунян получит по завещанию долю своей компаньонки Пекаловой без всяких проблем и вопросов.

Пятый штрих: Кто убил самого Сасуняна?

Людмила. Опасалась, что он ее под статью подведет. А он здорово взялся за родную жену, даже Далилу привлек: «фартук в крови, капот «Опеля» теплый». Было чего опасаться.

Шестой штрих: Кто убил Марину Калоеву?

Тоже Людмила.

Зачем? Из ненависти. Слишком много Марина ей бед принесла, невольно, одним своим существованием.

Седьмой штрих: Кто прислал письмо, указывающее, что убийца Анфисы Миша Калоев? Кому эта версия выгодна?

Только Людмиле. За Самсоновой укрепились хорошая слава, она расследует преступления, недоступные профессионалам. Ясное дело, что Людмила боялась Далилу больше, чем следователей прокуратуры. Поэтому она хотела убедить подругу, что Сасунян никого не убивал. Почему? Боялась, что его осудят и конфискуют имущество. Она больна и плохо соображает. Психическое расстройство делает взрослого человека ребенком.

И последний, восьмой штрих: кто убил Светлану Михайловну?

Не окажись у нее телефона Анфисы, можно было бы предположить, что Светлана Михайловна сама умерла. Но телефон был, значит, Светлану Михайловну убил Сасунян. Почему? Она что-то знала, порочащее Сасуняна. Скорей всего то, что Миша Калоев к Анфисе отношения не имеет. Светлана Михайловна знала: любовник Пекаловой — Сасунян.

«Да, Светлану Михайловну убил Сасунян, — заключила Далила, разминая руками затекшую шею. — Устала, на воздухе мало бываю, — мысленно поругала она себя. — Надо бы выйти на улицу, прогуляться да перед сном подышать. Заодно и поразмышляю, все ли правильно собрала».

Хотела пойти в Таврический сад, но передумала и не спеша побрела по Кирочной.

В голове одна мысль: «Что же делать с Людмилой?» Тетушка Мара твердит:

— Людмилу не трогай.

— Я же не «милиционэрам» сдать Людмилу хочу, — сердясь и передразнивая старушку, возражала Далила. — Людмилу нужно лечить.

Тетушка незамедлительно отвечала:

— Вот ты ее и лечи.

— Я? Ей нужен опытный психиатр, а я специализируюсь на психоанализе.

— Ерунда, не нужен ей психиатр. У Людмилы обычный невроз после стресса.

— Хорошо, — соглашалась Далила, — пусть невроз, но как я буду ее лечить, когда она видеть меня не желает? Прячется, трубку бросает. Кстати, ты не знаешь, почему Людмила так зла на меня?

— Возможно, из-за Марины. Узнала, что ты подружилась с Мариной, вот и посчитала вашу дружбу твоим предательством.

Такой ответ поразил Далилу:

— Она же Марину убила, она же и сердится на меня! Потрясающе!

— Никого Людмила не убивала. На убийство она не способна.

— Кому знать, как не тебе: на убийство способны все. Даже я. Даже ты.

Такой разговор между тетушкой и племянницей проходил всякий раз, как они встречались. А встречались они в последнее время часто. Никогда в жизни столько не спорили, не ругались и все равно виделись чуть ли не каждый день. Их тянуло друг к другу, словно магнитом. Вот и сейчас, размышляя об этом, Далила шагает по Кирочной. Ноги сами несут ее к старинному дому тетушки.

— Ну, нет! — рассердилась Далила и повернула обратно. — Я туда не пойду! Снова ругаться? Зачем? Видите ли, Людмила у нее не убийца! Еще не известно, что произошло со Светланой Михайловной. Может, и Светлану Михайловну убила она! И мотив был у Людмилы. Убивая Светлану Михайловну, Людмила выгораживала своего Сасуняна. И, разумеется, ради наследства.

И едва так Далила подумала, как в трех шагах от

нее затормозила машина. Высокий симпатичный мужчина вышел из-за руля, обошел автомобиль, галантно распахнул переднюю дверцу и подал спутнице руку. На тротуар выпорхнула невысокая стройная женщина.

Далила глазам своим не поверила.

— Светлана Михайловна! — закричала она.

Глава 37

Светлана Михайловна оглянулась на оклик Самсоновой, но не испугалась. Даже не удивилась.

— Дорогая моя! — радостно закричала она, бросая своего спутника и устремляясь к оторопевшей Далиле. — Как я вам рада! Какая встреча!

Еле слышно Далила проямлила:

— Да уж, встреча у нас еще та. Прямо приехали из преисподней.

А Светлана Михайловна к ней подлетела, чмокнула в щеку, обняла и вдохновенно зашебетала:

— Я знала, что вас встречу сегодня. Я же думала сегодня о вас. Вы мне снились. Да-да, у меня был сон, как видите, в руку.

— Так вы вернулись уже, — язвительно перебила ее Далила.

— О да, мы вернулись!

Самсонова ухмыльнулась и, кивая на небеса, спросила:

— И как оно там?

— Вы о чем? — опешила Светлана Михайловна. Самсонова не унималась:

— Это был ад или рай?

Светлана Михайловна просветлела:

— Ах, вот вы о чем! Это был рай! Я так благодарна подруге! Мы отдохнули по высшему классу, как

никогда. Испания прекраснейшая страна! Чтобы это понять, надо там жить. А вернулись мы три дня назад.

— Что же мне не позвонили? — ядовито поинтересовалась Далила.

— У меня проблема была. Впрочем, проблема осталась.

Светлана Михайловна оглянулась и позвала своего спутника:

— Анатолий, не стой там, иди сюда. Это муж мой, — сообщила она Далиле. — Мы домой, мы здесь рядом живем, за Таврическим садом.

Самсонова вставила:

— Значит, соседи.

— Тем более, — восторженно воскликнула Светлана Михайловна. — Вы немедленно в гости к нам! Прямо сейчас! У нас в холодильнике торт и шампанское! И никаких возражений!

Подошел Анатолий, смущенно представился, галантно приложился к руке поцелуем. Далила тоже соблюла ритуал, сказала «очень приятно», после чего удивленно осведомилась:

— Что ж вы здесь остановились, если вам за Таврический сад?

Анатолий махнул рукой в сторону дома Далилы и сообщил:

— Наш гараж за музеем Суворова.

Самсонова ахнула:

— Прямо в моем дворе! Как же мы ни разу не встретились?

— Почему, я вас частенько видел, — с улыбкой сказал Анатолий и, разом отбросив смущение, пошутил: — Правда, не знал, что вы подруга жены. Знал бы, не глазел бы на вас откровенно.

Далила кокетливо осведомилась:

— Ах, так вы еще и глазели?

— Вы уж простите, на такую эффектную даму, как вы, нельзя не взглянуть.

Светлана Михайловна сморщила носик, итрово шлепнула мужа по руке и, рассмеявшись, сказала:

— Спасибо, негодник, хоть признаешься при мне. Терпеть не могу, когда лгут.

Анатолий хотел ей ответить, и скорей всего тоже нечто шутливое, но Светлана Михайловна ему не позволила.

— Все, ловелас, иди, ставь машину в гараж, — приказала она. — А мы с Далилой Максимовной легким прогулочным шагом домой. Здесь рядом совсем, — пояснила она Самсоновой.

Пока они шли, Далила задавалась вопросом: «Неужели этот Анатолий, добрый веселый сангвиник, Светлану Михайловну капризами изводил? Не похож он на женоненавистника, не похож».

Далила подумала: «Анатолий — обладатель здоровых мужских инстинктов, любитель женщин, весел, игрив. Он не способен никого изводить недовольством, капризами. Его трудно вывести из себя. Он из тех сильных мужчин, которые с радостью потрафляют капризам женщин.

Неужели Светлана Михайловна развелась со своим Пусиком, угрюмым сатрапом?

Не этим ли объясняется «утка» о ее преждевременной смерти? Возможно, она вынуждена скрываться от старого мужа».

— У вас отличный муж, — сказала Самсонова. — Я рада, что вы решились.

— Решилась на что? — удивилась Светлана Михайловна.

— Бросить Пусика.

— Вы его только что видели. Пусика я обожаю.

Никогда его не брошу, потому что он хороший, — пропела Светлана Михайловна детский стишок.

Самсонова поразилась:

— Но, простите, тогда я ничего не пойму. Зачем вы в мой кабинет ходили?

Светлана Михайловна мигом обрела вид нашкодившего ребенка.

— Я... Я... Я ходила, — залепетала она, не находя объяснения своему же поведению.

Спас ее Пусик — муж Анатолий. Он их догнал и воскликнул:

— А вот и я, мои прекрасные дамы! Вовремя я вас настиг!

И повел прямо в дом, в тесную, бедно обставленную квартирку, в которой царили уют, покой, совет да любовь. Пусик скорее ангел, чем черт. Самсоновой это было уже очевидно, но Анатолий не останавливался на достигнутом. Невольно он продолжал ее убеждать, что во всем согласен с женой, любит жену, восхищается ее словечками, взглядами, жестами.

Действительно, Пусику в Светлане Михайловне нравилось все, от оборок на юбке, до привычки собирать губы в гузку. Об этом он сообщал миру каждым своим движением: и когда резал торт, и когда разливал по бокалам шампанское и даже когда заигрывал с гостьей.

Далиле было абсолютно понятно: в этом доме живут два кумира. Анатолий живет для Светланы Михайловны, Светлана Михайловна — для Анатолия. Как она и предполагала, такие женщины не бывают несчастными. Слишком они хороши. Никакого прощета. Все по науке. Перед Самсоновой сидела та же женщина, но немного другая. Она не болтала без умолку, но и молчаливой она не была. Нынешняя Светла-

на Михайловна была счастливая, преисполненная достоинства. Она гордилась своим умным мужем так же, как он гордился женой.

Чем больше Далила наблюдала идиллию, тем сильнее задавалась вопросом: «К чему был тот маскарад? Зачем Светлана Михайловна прикидывалась несчастной овечкой и ходила в мой кабинет?»

Вот уж когда стало ясно, почему Светлана Михайловна на сеансах была такой разговорчивой — она пыталась зашебетать свой обман. Для таких честных и чистых натур обман невозможен, а потому мучителен, невыносим. Для кого же она старалась? Кто же ее подослал? Неужели Анфиса? Зачем?

Наконец, улучив минуту, когда Пусик вышел из комнаты, Далила шепнула:

— Зачем вы меня обманули?

Светлана Михайловна вздрогнула и покраснела. Она поняла, о чем идет речь, и с жаром ответила:

— У нас действительно все было плохо, но благодаря вашим рекомендациям все наладилось. Теперь Пусик и я живем душа в душу.

— Вы и раньше так жили, — возразила Самсонова. — Но в любом случае, почему вы мне не позвонили? Почему не поблагодарили меня?

Светлана Михайловна так растерялась, что не нашла что ответить, а Далила добавила:

— А я вот звонила вам.

— И что же?

— Мне сказали, что вас нет в живых.

— Вам сказали, что я умерла? — поразилась Светлана Михайловна. — Кто же мог вам это сказать? Ах да, я только что вспомнила. Перед отъездом в Испанию я потеряла свой телефон.

— Действительно ваш телефон? — уточнила Далила.

— Конечно же, мой.

— В таком случае почему он зарегистрирован на Анфису Пекалову?

— Правда? А кто она?

— Это та девушка, которая ко мне на прием рвалась, а Даша ее не пускала. Вы ее еще отругали, помните?

На Светлану Михайловну было жалко смотреть.

— Да, что-то припоминаю, — лепетала она. — А при чем здесь Анфиса Пекалова?

— Вот и я хотела бы знать, — строго произнесла Далила и, наполняя глаза ужасом, сообщила: — В тот же день, точнее вечером после того случая, Анфиса Пекалова погибла. Ее жестоко убили.

— Что вы говорите?! — отшатнулась Светлана Михайловна. — Но как же ко мне попал ее телефон?

— А вы не знаете?

— Нет!

— Разве такое бывает? — поразилась Далила.

Светлана Михайловна опять покраснела и робко призналась:

— Телефон мне дала подруга. Очень хорошая женщина.

Самсонова догадалась:

— Она вас и просила ко мне в кабинет приходить? А потом она отблагодарила вас длительным пребыванием в Испании? Подруга богата, не так ли?

— Да.

— Имя! Немедленно скажите имя вашей подруги! — грозно приказала Далила.

Светлана Михайловна вздрогнула и, понурившись, прошептала:

— Марина Калоева.

— Не может быть! — ужаснулась Самсонова.

Глава 38

Сердце Далилы облилось кровью. В одно мгновение она поняла, насколько Марина была несчастна. Оказывается, это ее (а не Светлану Михайловну) донимал придирками и упреками муж, это ее он избивал и тут же плакался на ее плече, искал защиты от жестокого мира. (Какая садистская изощренность!) Это у Калоевых по любому мелкому поводу вспыхивал спор. Это Марина искала выход из тупика и готова была исправлять себя бесконечно под претензии мужа, которые все возрастали. Это Михаил лгал, изменял, а Калоева всеми силами цеплялась за ад, за свою неудавшуюся семью.

— Почему Марина вас ко мне подослала? Почему сама не пришла? — удивилась Далила.

Светлана Михайловна смущенно призналась:

— Я долго от нее отбивалась, не хотела идти на обман. Я обманывать не люблю и не умею, но мне так жалко Марину. Она слишком добрая и порядочная, чтобы противостоять жестокому Мише.

Самсонова повторила вопрос:

— Но вы не ответили. Почему Марина сама ко мне не пришла?

— Точно не знаю, но думаю, что из гордости. Вы с ней одноклубницы. Она скрывала свое горе, делала вид, что счастлива, сплетен боялась.

— Так поступают тысячи, миллионы несчастных женщин, но я психоаналитик, я бы ей помогла. Что же вы обе наделали? — в отчаянии спросила Далила. — Разве можно найти причину страданий заочно? Я вас тестировала, а тестировать нужно было ее. Вы слишком мало похожи. Рассказывайте! — приказала Далила. — Как это происходило? Как вы вели с ней работу?

В комнату вернулся Анатолий. Светлана Михайловна подала ему знак — муж немедленно удалился.

«Какое взаимопонимание, — поразились Далила. — И эта женщина пыталась изобразить разбитое сердце? Да она понятия не имеет, что такое боль одиночества. Боль от того, что ты все делаешь правильно, что ты хороша и душой и телом, а он, самый близкий, самый родной, этого не замечает. Он неблагодарный. Похоже, не хочет ничего замечать. Зачем ему? Слишком не выгодно. Обвинить, ярлыков навешать: «Ты всегда вот такая! Это все ты! Ты житья мне не даешь! Скандалистка! Зануда!»

Зачем ему это?

Потому что сам он мерзавец!

Но и мерзавец имеет Родителя — совесть, которая жизнь хоть и не сильно, но омрачает. Вот и приходится себя обелять, исходя из логики «раз ты в дерьме, значит, я в белом фраке». У мужа-мерзавца жена ангел все равно плохая. Потому, что плохой легче лгать, с плохой легче подличать. Мелкая душа не ищет в других понимания, она ищет хорошие стороны и использует их для обмана.

Вот что такое Калоев. Был.

И вот как жилось Марине.

— Рассказывайте, — повторила Далила. — Как это происходило? После каждой беседы со мной вы встречались, она слушала, вы рекомендации передавали. Так это было? Почему вы молчите? Рассказывайте.

Светлана Михайловна разрыдалась:

— Простите, я не могу. Это тайна Марины. Вижу, вы с ней знакомы, вот у нее и спросите. А я с Мариночкой связь потеряла. Дозвониться до нее не могу. Три дня звоню, к телефону никто не подходит.

Самсонова поразились:

— Вы не знаете, что Марина Калоева умерла?

— Умерла?!

Светлане Михайловне сделалось дурно. Она схватилась за сердце и позвала:

— Толя! Толечка! Мариночка умерла!

Прибежал Анатолий — в руках корвалол. Жена корвалол решительно отклонила:

— Не надо!

Далила подумала: «Правильно, с такими крепкими нервами крепкое и здоровье, а вот Марина ранимой была и, похоже, сломалась».

Действительно, Светлана Михайловна быстро оправилась. Она подала мужу знак и, когда Анатолий вышел из комнаты, прошептала:

— Далила Максимовна, вы простите меня. Я виновата в смерти Марины?

— Вряд ли.

— Как умерла Марина?

— Диабетическая кома, — сообщила Далила. — Спасти не смогли. Расскажите, пожалуйста, все, что знаете, — попросила она и добавила: — Мне очень надо.

— Хорошо, — кивнула Светлана Михайловна, — раз Мариночки уже нет, расскажу. Плохо она с Мишей жила. Он ее то ненавидел и обижал, даже бил, то стоял на коленях, умолял не бросать. Она дважды от него уходила, но Миша ее возвращал.

— Зачем же Марина к нему возвращалась? — удивилась Далила.

— Он был ей как сын.

— Какой сын? Он ее бил!

Светлана Михайловна подтвердила:

— Да, он груб был с Мариной, но, как только случалась какая беда, Михаил искал у нее защиты. Становился ласковым, прощения просил и, конечно,

молил о помощи. Марина была умна, он нуждался в ее советах. Она была доброй, прощала и всегда его выручала хорошим советом.

Далила осторожно сказала:

— Я знаю, что у Марины был друг.

— А-а, — расплылась в улыбке Светлана Михайловна, — был парень. Они с юности друг друга любили, но отец настоял, почти заставил Марину выйти замуж за Мишу Калоева.

— Как это, заставил? — возмутилась Далила. — На дворе двадцать первый век, и Марина живет в Петербурге, а не на Кавказе.

— Все так, — согласилась Светлана Михайловна, — но Марина обожала отца. Она верила, что отец ей желает добра. Он занимался пошивом одежды, а отец Михаила был его компаньоном.

— Ясно, решили породниться ради общего дела. Но разве Марина не понимала, какие цели преследовал ее отец? Отец в первую очередь думал не о чувствах дочери, а о деньгах.

— Отец убеждал Марину, что в браке главное деньги, то есть достаток. Он говорил ей: «На голом месте любая любовь умирает». А тут еще Миша Калоев влюбился в Марину. Он так галантно за ней ухаживал...

Далила мысль углубила:

— А Марина не понимала, что ухаживает за ней не Миша Калоев, а их жаждущие породниться семьи. Бывалые отцы и матери с обеих сторон давали Михаилу советы, как покорить сердце Марины.

Светлана Михайловна изумленно воскликнула:

— Откуда вы знаете? Так все и было.

— Я психолог, мне ли не знать. В конце концов Марина увидела в Михаиле прекрасного принца; старая любовь отошла в тень.

— Но не забылась. После первой же ссоры с Ми-

хаилом Марина поняла, что ошиблась, что она не любит мужа.

Далила продолжила:

— И Марину потянуло к старой любви.

Светлана Михайловна замахала руками:

— Ну что вы! Нет-нет! Марину не потянуло. Она тайно любила. Между ними не было ничего, я поклясться могу. Марина частенько рыдала на моем плече, говорила, что видит его по ночам, что любит безумно, но никогда даже не помышляла отношения с ним завести. И он уже был женат. И кажется, счастлив.

— А зачем же она вас послала ко мне? — наконец спросила Далила.

— Хотела окончательно удостовериться, можно ли сохранить несчастливый брак. Понимаете, Марина честной была и очень ответственной. В последнее время Марина особенно хотела с Мишей расстаться.

— Но почему?

Светлана Михайловна пожала плечами:

— Я точно не знаю, но подозреваю, что Михаил ей изменил...

— Изменил? — поразилась Далила. — Но ведь это было не раз.

— Да, но в связи с этой изменой Марина что-то узнала, безобразное что-то. От отвращения ее даже рвало.

— Вы хотите сказать, муж ей в чем-то признался?

Светлана Михайловна ответила нехотя:

— Да. Марина плакала у меня и называла мужа убийцей. Понимаете, у них в последнее время установились дружественные отношения. Так вот она об этом уже жалела. Говорила: «Зачем я вывела этого зверя на откровенность! Теперь я сойду с ума!»

Далила попыталась подвести итог:

— Значит, если я правильно поняла, Марина после того отвратительного признания мужа решила уйти к другому, но совесть ее не отпускала. Поэтому Марина ко мне вас и послала?

— Нет, Марина не говорила, что уходит к другому. Она просто хотела уйти.

— Почему же не уходила?

— Да он же просил Марину о помощи, кричал: «Я в беде! Рассчитываю лишь на твою поддержку!» Она боялась, что, бросив мужа в беде, потом себе не простит.

— Другими словами, Марина считала, что развод — это подлость? — уточнила Далила.

— В создавшихся обстоятельствах, да, — подтвердила Светлана Михайловна.

Самсонова торжествующе заявила:

— Ну, так и не говорите мне, что Марина не собиралась уйти к другому. Можно с мужем расстаться и ему по-прежнему помогать, а уйти к другому — это уже не просто измена, предательство. Ведь уходить она собралась как раз тогда, когда Калоев рассчитывал на нее. Кстати, почему она так резко отозвала вас от психоаналитика, могу я узнать?

— Кажется, у нее произошел разрыв с тем, кого она с детства любила. Марина разочаровалась во всем и сказала мне: «Хватит, Света, мне уже все равно».

— Как же звали ее возлюбленного? — наконец поинтересовалась Далила.

Светлана Михайловна просветлела:

— Карачка Сасунян. Очень милый мужчина. Если честно, я Марину не поняла. Как можно отказаться от такого красавца и добряка? Правда, я видела его всего несколько раз, но он очень... Очень мне понравился!

Глава 39

Утром Далила занималась тем же, чем и всю ночь: вспоминала разговор со Светланой Михайловной, изрядно ее оглушивший.

Больше всего мучил вопрос: как попал к Марине Калоевой мобильный Анфисы? Выходит, Марина лгала?

Невыспавшаяся, Далила вяло жевала Димкин фирменный бутерброд с мясом, салатом и кислой капустой — сын заверял, что чрезвычайно полезный. Вот тут-то ее и осенило: «Марина мне не лгала. Калоева действительно не была знакома с Анфисой!»

Совершенно очевидно, что Калоева доверяла Светлане Михайловне больше, чем Елизавете Бойцовой.

Почему?

Ответ прост: Светлана Михайловна не имеет привычки вмешиваться в чужую жизнь и зверски настаивать на своем, чем хронически страдает Елизавета Бойцова. Но Светлана Михайловна и слыхом не слыхивала о Пекаловой, следовательно, и Марина не знала ее.

«А телефон, — заключила Далила, — попал к Марине случайно. Она свободно могла перепутать его с телефоном мужа, а тот, в свою очередь, с мобильным Анфисы. Разумеется, при условии, что внешне мобильные были похожи. Марина, думая, что отдает Светлане Михайловне свой телефон, отдала телефон Анфисы, который случайно забрал у той Михаил».

Сжевав бутерброд и одним глотком выпив кофе, Далила отправилась на работу. Сидя в своем кабинете в ожидании пациента, она уже не была так уверена в версии с телефонами.

«Конструкция уж больно тяжелая получается, —

страдала она. — Что-то я намудрила. Эх, как же добраться до Зины Поповой? Вот кто про Анфису все знает. Если Пекалова считала, что Зина глуна, значит, не слишком ее стеснялась и ничего от нее не скрывала».

Как психолог и как опытная женщина, Далила знала, что чаще всего именно так и бывает: люди охотней доверяются глупым, хотя надо бы наоборот, надо опасаться глупых людей. Глупость болтлива — тем и опасна.

«Наверное, хватит соседке Поповой звонить, — решила Далила. — Отправлюсь-ка я к ней сегодня и потолкую с соседями».

Из приемной послышалась возня и Дашин негодующий вопль:

— Куда вы, мужчина?

В ответ раздалось упрямое:

— Я туда!

«Видимо, в мой кабинет», — догадалась Далила.

— Но туда вам нельзя! Вы не записаны! — грозно вещала Дарья.

— Не записан, но вызван. Я — особое дело, — уверенно пояснял ей в ответ мужчина.

И секретарша задумалась (это стало ясно по тишине). Наконец она возвестила:

— Но все равно без моего доклада вы не зайдете. У нас так принято.

Мужчина не возражал:

— Пожалуйста.

— Что «пожалуйста», как о вас доложить?

— Скажите, пришел по объявлению.

Далила от изумления чуть из кресла не выпала: «Вот это да! Явился наш Голос!»

Дарья же лютовала:

— Что вы мямлите! По какому еще объявлению?

Далила возмущенно подумала: «Вот грубиянка! Уволю! Немедленно!»

Вспомнив добросовестность и трудолюбие Даши, тут же передумала: «Пожалуй, уволю ее через месяц. Или через полгода. Правильно, пусть поработает год».

Дарья тем временем продолжала допрос:

— Кто вы? Говорите, как вас представить?

Мужчина (уже робко) ответил:

— Скажите, я Голос.

«Голос! — ужаснулась Далила. — Он свою кличку назвал? Но как он узнал, что мы с Галкой так его называем? Неужели Семенова, дурочка, проболталась? Вот сумасшедшая! Я ей задам!»

— Что за голос? — рявкнула Даша. — Фамилия как? И желательно имя и отчество!

В ответ раздалось:

— Скажите, пришел Денис Сергеевич Голос.

— Надо же, — изумленно пискнула Даша.

Она протиснулась в дверь кабинета и растерянно доложила:

— Извините, Далила Максимовна, но там к вам Голос какой-то рвется. По объявлению.

Из-за ее subtilной спины вырос спаситель Галины и с поклоном представился:

— Голос Денис Сергеевич.

«И в самом деле он Голос! Галка моя словно в небо глядела! Вот так совпадение! Мама моя дорогая!» — мысленно поразилась Далила.

Но виду не подавала, что изумлена беспредельно.

— Очень рада, — сказала, давая знаком Даше понять, что та свободна. — Присаживайтесь, Денис Сергеевич, поговорим. У меня к вам важное дело.

Упрямая Даша знак Далилы проигнорировала, сердито спросив:

— А что делать с вашим Сибирцевым? Он явится в любую минуту.

Денис Сергеевич неожиданно подал голос. Он оглянулся на Дарью и возвестил:

— Попросите, пусть подождет. Неужели не ясно? Здесь серьезное дело.

— В этом кабинете легкомысленных дел не бывает, — лягнулась в ответ секретарша.

Давая понять, что всякие голоса ей не начальники, она уставилась на Далилу:

— Так что Сибирцеву говорить?

Самсонова повторила:

— Попроси, пусть подождет. Скажи, здесь серьезное дело.

Дарья с фырканьем удалилась. Она так расстроилась, что даже забыла повилять своим тощим задом.

А Далила воззрилась на Дениса Сергеевича и душевно сказала:

— Огромное вам спасибо, что откликнулись, что пришли.

Он смущенно признался:

— Это вам спасибо, что позвали. Правда, я и сам уже собирался вас разыскать.

— Да-а? — удивилась она. — Почему же?

— Мы как-то странно расстались с Галиной. Я так не могу. Она ничего не объяснила.

— Но как она могла объяснить, если вы пропали? Вы же больше ей не звоните. Кстати, Денис Сергеевич, а почему вы звонили?

Голос бросил:

— Можно просто Денис.

И Самсонова разрешила:

— Меня тоже зовите просто Далила. Так почему вы звонили Галине? — повторила она вопрос.

Он смутился:

— Это психологически сложно.

Далила напомнила:

— Я психолог.

— И длинно, — добавил он.

Она кивнула:

— Я не спешу.

Было видно, ему совсем не хочется говорить о своих чувствах, но, с другой стороны, он понимает, что надо о них говорить. Самсоновой было видно и это. Он так мучительно хмурил лоб, что она решила ему помочь.

— Мы с Галиной вам так благодарны, — сказала Далила. — Даже страшно подумать, что было бы с Ангелинкой, если бы вы тогда не проявили находчивость и редкое мужество.

С легкой усмешкой Денис отмахнулся:

— Да какое там мужество? Я от страха, простите, чуть не наделал в штаны. Ноги тряслись, руки тряслись. Ехал на свадьбу друга, а тут! Попал так попал! В моей машине чужая баба рождает!

Смущенно крикнув, он извинился:

— Простите, я хотел сказать «женщина».

— Я поняла, — улыбнулась Далила. — Но как бы там ни было, повели вы себя героически. Легкая, видно, у вас рука. Роды приняли как бывалая повитуха. Галина уже не девочка. Тридцать два года, не тот возраст, когда рожать легко и безопасно, а тут еще и в условиях экстремальных. Но благодаря вам и мама осталась жива, и Ангелинка здорова. Она очень веселая. У нее отличный нрав, — сказала Далила, стараясь не вспоминать тех часов, когда Галина оставляла крестную дочь и крестную маму наедине.

Денис нахмурился:

— Вот из-за Ангелинки я больше всего и страдаю. Вы же сами сказали, ей нужен отец.

— Простите, а вы не женаты? — осведомилась Далила.

Он без заминки ответил:

— Тогда еще был, а сейчас уже нет.

— Можно полюбопытствовать, из-за чего развелись?

Денис оживился:

— А вы знаете, это даже отлично, что так получилось. Я про роды и Ангелинку. Поначалу, когда все это случилось, ну, вы видели сами, как я тогда смотрелся.

— Да уж, губы и руки тряслись.

Он продолжил:

— Ребенка вам передал, за руль и по газам. Мысль одна: подальше от этого ужаса. Да и жена меня заждалась. Приехал домой, костюм весь в крови, она в крик, какая там свадьба. Короче, мы с женой поругались. Она дураком меня назвала и на свадьбу отправилась, а я к телефону, разыскивать свою роженицу. Поначалу любопытство меня заело: кого я на свет произвел. По запарке же не взглянул.

— Я помню, — усмехнулась Далила.

— А потом чем дальше, тем больше стало меня волновать: здорова ли? Как растет, развивается? Кстати, как узнал, что девчонка, обрадовался. Заметил, что папаша роженицу не навещает. У нас с женой детей и не намечалось совсем, а тут я вроде бы как отец. Крестный или какой там? Не знаете?

Далила заверила:

— По-любому вы Ангелиночке не чужой. Так это вы апельсины Галине носили?

— Я носил. А жена меня поедом ела. Короче, из-за этой истории выяснил, какая черствая у меня же-

на. Разлады у нас пошли. Плохо мне было, я Галине звонил.

— Но почему вы молчали?

— Не решался разговор завести. Да и не знал, о чем говорить. А потом как-то вышло само. Галина про жизнь свою все рассказывала, а жизнь у нее непростая, мне ее жалко стало, поддержал. Ну, вы, наверное, знаете, как оно у нас шло.

— Знаю, — не покривила душой Далила. — Скажите, пожалуйста, только честно.

Денис подался вперед:

— Все честно скажу.

— Вы ее любите?

Он кивнул:

— Да, я Галину люблю. Теперь уже точно знаю. И она вроде тянулась ко мне... Но почему она не пришла на свидание? Струсил? Испугалась увидеть меня?

Далила вздохнула:

— Да, примерно так.

Он вдруг попросил:

— А расскажите мне про нее.

И Самсонову понесло! О, как она расписала Семенову, о чем только не говорила: о таланте, уме, красоте, об исключительности и ответственности Галины, хозяйственности, рачительности, бережливости, верности...

«Кошмар! — ужасалась Далила себе. — Что я мелю? Что я мелю? Какая там верность!»

Это слово ее и остановило.

— Знаете что, — сказала она, — Галина без вас тоскует, вы созданы друг для друга...

Он восторженно ее перебил:

— Я это знал! Идеальная у нас будет семья!

— Да-да, — согласилась Далила, — только не надо спешить. Положитесь, прошу, на меня. Я все устрою. Действовать нужно деликатно и тонко.

Денис готов был действовать грубо и прямо сейчас: бежать, падать к ногам Галины, за что-нибудь прощение просить, целовать Ангелину.

«Настрадался мужик, — сообразила Далила. — Будет непросто разговор завершить».

Спасла Самсонову Даша. Заглянув в кабинет, она сердито пронила:

— Ну, Далила Максимовна, Сибирцев сейчас обидится и уйдет. Будут потом у нас неприятности.

— Мы закругляемся, — обрадовалась Далила и Дениса заверила: — Я берусь создать вам семью.

— Идеальную?

— Идеальнее не бывает. Но позже. Давайте ваши координаты, буду держать с вами связь.

По-доброму взглянув на Дениса, Самсонова крикнула секретарше:

— Дашенька, Анатолий Маркович может уже заходить!

Голос душевно ее поблагодарил и, едва не сбив Сибирцева с ног, вылетел из кабинета.

Далила, рассматривая со спины его дорогой костюм, предвкушала с восторгом: «То-то Семеновой будет сегодня сюрприз!»

Одумавшись, она твердо решила: «Буду ее лечить от неверности, а сюрприз подождет. Сначала Галина должна стать достойной своего Голоса».

Следующая мысль Далилы была: «Ладно, сюрприз все же я ей устрою».

Однако этот сюрприз Семеновой пришлось долго ждать. В тот день Далила к ней не попала. После работы она отправилась к Зинаиде Поповой. На этот

раз ей повезло: с радостным изумлением Самсонова обнаружила, что девушка дома. Вышла заспанная, в пестром коротком халатике. Томной змеей обвивая дверной косяк, Зинаида вместо «здрасьте» спросила:

— Самсонова, что ли?

— Как вы узнали? — поразилась Далила.

— Соседка все уши про вас прожужжала. Чего вы пристали ко мне? Хотите чего?

— Я убийцу ищу.

— Какую убийцу?

— Убийцу вашей подруги, Анфисы Пекаловой.

Мне нужна ваша помощь.

Зинаида «сошла» с косяка, а руки ее грозно уперлись в бока:

— А ну чеши, тетка, отсюда! Че вылупилась! Или глухая? Чеши!

— Полегче, сударыня, — осадил ее Далила. — И радуйся, пока по-хорошему с тобой разговаривают. Когда начнут по-плохому, будет поздно.

Попова слегка растерялась, но не отступила, Далила же, окатив ее с ног до головы презрительным взглядом, решительно бросила:

— А ну, прочь с дороги! Дай в квартиру пройти! Не привыкла я на пороге стоять!

— Проходите, — посторонилась Попова, перейдя на «вы», и спросила: — Только интересно, с чего я должна вам помогать?

И Самсонова перешла на «вы»:

— С того, что я хорошо вам заплачу. Меня интересуется всего лишь один вопрос, — сказала она, присаживаясь на облезлый диван. — С кем дружила Анфиса?

— Со мной, — промычала Попова.

Далила подумала: «И в самом деле глупа».

— Нет, мне нужна петербурженка, самая близкая подруга Анфисы, та, на которую Анфиса равнялась, которой верила и подражала. Ведь девушки из провинции всегда кому-нибудь подражают. Скажите, такая подруга у Анфисы была?

— Была, — проговорила Попова, — я их и познакомила.

— Кого «их»? — торопливо спросила Далила.

Ответ прозвучал сенсационно:

— Анфису и Марину Калоеву.

Глава 40

— Я маникюршей в салоне работала, а Марина клиенткой моей постоянной была. Анфиска частенько в салон ко мне забежала. Там они и познакомились.

— Пекалова где-то работала? — спросила Далила.

Попова заржала:

— Анфиска-то?! Ну, нет, она не такую была. Не любила она горбатиться, все искала себе богатого жениха.

— А на какие средства жила?

— Кормили ее дружки, но плохо кормили. Всегда в обиде на них Анфиска была. А однажды вообще забежала ко мне, вся в слезах и соплях. Я Калоеву как раз обрабатывала. Так Анфиска, дура, не глядя на то, что у меня клиентка, давай плакаться, втюхивать нам обеим за жизнь. Я ей: «Пошла ты отсюда, пока меня не уволили». А Калоева: «Детка, не уходи. Расскажи, что с тобой приключилось. Я тебе помогу». И Анфиска давай разводить ей базары про то, как полгода какой-то поганый «дрючок» ее зверски «дрючил», а потом вышвырнул вон и даже бабок не дал.

— И Калоева это слушала? — поразились Далила.

Зинаида заверила:

— Слушала, и еще как, прямо открывши рот. А когда Анфиска заскулила, что у нее ни работы нет, ни прописки, Калоева тут же подписалась ей работу найти.

— И нашла?

— Не тут-то было, нарвалась Калоева как раз не на ту. Анфиска такую сказочку ей с ходу сплела, такую понесла чепуху... «Ах, — говорит, — я так воспитана, что не женское это дело работать. Женщина должна дома сидеть, заниматься хозяйством и рожать мужу детей». Ну, намекает, типа, работа мне не нужна, мне бы хорошего мужа.

— Интересная была девочка, — подивилась Далила.

Попова презрительно хмыкнула:

— Таких интересных пол-Питера и пол-Москвы. Короче, Калоева Анфиску в тот день с собой увела, и дружба наша расстроилась.

Далила не очень поверила.

— Анфиса мне говорила, что вы ее близкая подруга, — сказала она.

Польщенная Зинаида, расплывшись в улыбке, спросила:

— Что, прям так и говорила, что близкая?

— Именно так.

— Дружили, конечно, — вздохнув, продолжила Зинаида, — но уже как-то не так. Не до меня было Анфиске. Изредка похвастать ко мне прибегала да про жизнь свою рассказать и сразу уматывала. Никогда не звала в ночной клуб с ней сходить или еще там куда.

— И что же она вам рассказывала про себя? — спросила Далила.

Попова зевнула:

— Да всякое, всего и не упомнишь. Спрашивайте, что вам интересно?

— Мне интересно, как изменилась жизнь Анфисы Пекаловой. Куда Калоева ее повела?

Зинаида шмыгнула носом и заявила:

— Я закурю!

— Курите, — согласилась Далила, — вы же дома.

Закурив, Попова сказала:

— Калоева к себе ее повела, но вечером муж с работы пришлепал и поднял скандал. Кричал, что Анфиска шваль и что нечего гадость в дом свой таскать. Короче, Мишка Анфиску вытолкал, а на дворе уже темень.

— И где же она ночевала?

— Где-где, у меня. Плакала до утра и клялась отомстить мужу Марины. Ох, как она на него разозлилась! Кричит: «Какой-то гад унизил меня!»

Далила спросила:

— Всю ночь проплакала, а к утру у Анфисы вызрел план?

— Откуда вы знаете? — поразилась Попова. — Анфиска вам говорила?

— Нет, я просто немного знаю людей и жизнь. Хочешь, рассказ твой продолжу?

Зинаида с интересом согласилась:

— Валяйте.

— Анфиса очаровала Михаила Калоева, — начала Далила «валять», — и с Мариной дружить продолжала. Конечно, тайком.

— Точно! Все так и было! О дружбе Анфиски с Калоевой только одна я и знала. Ох, и пряталась эта дура Маринка от мужа. Встречались с Анфисой всегда тайком. Калоева все опасалась, что муж узнает и будет скандал. А Анфиска, натрескавшись с Марин-

кой пирожных в «кафешке», хвост «задрамши», неслась под Мишку Калоева.

Самсонова подытожила:

— Смешанные половые отношения.

Зинаида не согласилась:

— Ну, нет! У Анфиски все было расписано, кто ее и когда. Она всегда свое дело знала. Калоев таскал ее по клубам ночным, по мальчишникам, вот там-то Анфиска и приделала Мишке рога, схлестнулась с Рубеном.

— С Рубеном Анфиса встречалась тайком от всех, даже от Сасуняна?

— А Сасунян здесь при чем? Сасуняна она тогда вообще не знала. А Рубен на Анфиску запал. Рубен молодой, холостой. Анфиска своего Михаила и кидала. Долго болталась с ним, а он ни туда ни сюда. Я так думаю, что он с ней развлекался, а Анфиска в голову вбила себе, что он должен на ней жениться.

Далила осведомилась:

— А Калоев что делал тем временем?

— Калоев переживал, — сочувственно морща лицо, сообщила Попова, — ох как Калоев страдал. Ходил вокруг Анфиски побитой собакой, все пытался ее вернуть. Думаю, он сам ту девицу Рубенчику и подогнал.

— Какую девицу?

— Да Оля какая-то у Рубенчика завелась. Стал он прятаться от Анфисы. То дверь не открывает, то трубку, гад, не берет. Короче, Анфиска занервничала, заметалась да и застучала Рубенчика с Олькой. Анфиса устроила Рубенчику страшный скандал, в результате чего он реально не Ольгу выгнал, а Анфиску. А через неделю сгорел.

— А Марина Калоева по-прежнему дружила с Анфисой?

— Да, как Рубеша сгорел, еще крепче они заружили. Калоева же не в курсе всех передрыг с той Олей была. Жалела Анфиску Калоева, дарила ей дорогие подарки. Ну, как же, хорошего жениха потеряла подруга. А Анфиска снова к мужу Марины перебралась.

— Чем же Михаил ее заманил?

— Машиной и домом. Он дом ей купил в Сестрорецке. Анфиска тот дом мне завещала, — с гордостью сообщила Попова.

Далила не стала ее просвещать, что Зинаида получит дом, но не в Сестрорецке, а в Зариновке.

— Кстати, что там с завещанием Рубена? — спросила Далила. — Если Рубен не любил Анфису, почему он тогда свою долю ей завещал?

Зинаида лишь развела руками:

— Сама не пойму. Знаю только, что у Анфиски был знакомый нотариус. Может, он ей с наследством помог нахимичить?

— Не Марком ли Борисовичем того нотариуса зовут? — поинтересовалась Далила.

— Правильно, Марком Борисовичем его и зовут.

— Почему же она искала его?

— Он со старого места переехал, так Анфиска, когда сама собралась завещание написать, меня попросила того нотариуса разыскать. У нее же всегда дела, — обиженно хмыкнула Зинаида и продолжила: — А завещание она собралась писать потому, что Мишка ее травил.

— Зачем же он это делал? — поразились Далила.

— Анфиска его шантажировала.

— Грозилась рассказать об их связи жене?

Попова презрительно махнула рукой:

— Жене к тому времени Мишка сам все рассказал, нет, она чем-то другим его шантажировала, чем-то пострашней.

— Значит, вы мне прислали письмо? — спросила Далила.

— Да, я уверена, что Михаил Анфису убил.

В этот миг Далиле стало понятно, от чьих рук погибла Анфиса и почему. И не только это: ей стало понятно все. Все-все. Уходя от Поповой, она лишь спросила:

— Это Калоева вам денег и машину дала? Это она просила срочно уехать из Петербурга?

Зинаида кивнула:

— Она.

Глава 41

Этим же вечером (почти уже ночью) Далила ввалилась к Елизавете Бойцовой. Лиза, увидев подругу, ахнула:

— Бог мой! Что случилось?

Самсонова пожала плечами:

— С чего ты взяла?

— На тебе же лица нет. Рассказывай.

Далила потрясла головой:

— Нет, спать ужасно хочу. Предыдущую ночь не спала. Рассказывай по-быстрому ты, да я пойду.

— Что я должна рассказывать? — поразилась Елизавета. — Если что случается, я сразу тебе говорю. Нового вроде и нет ничего.

— Рассказывай, что говорила тебе Марина перед тем, как в кому впасть. Ведь ты с нею рядом тогда была?

— Да, я.

Елизавета надолго задумалась. Далила терпеливо ждала.

— А ничего Марина не говорила, — наконец сказала Бойцова. — Про расплату какую-то все плела, про то, что она виновата. Я ей не поверила.

— Почему?

— Какая расплата? Если ангелы на землю с небес и спускаются, тогда Марина ангел и есть.

«И этот ангел скопытился», — подумала зло Далила, но промолчала.

А Бойцова, от ярости сжав кулаки, процедила:

— Эх, знать бы, кто Марину убил, своими руками подонка задушила бы!

— Я знаю, — сказала Далила.

Елизавета ахнула:

— Кто?!

— Сама она себя и убила. Точнее, совесть ее. Не за свое дело Марина взялась, силы свои переоценила, а потом муками совести источила себя.

— И поэтому сахар безудержно поднимался? — спросила Елизавета.

«После каждого звонка Людмилы», — подумала Далила, но вслух догадки не произнесла, лишь сказала:

— Лиза, я же тебе говорю: все болезни от совести.

Бойцова зловредно напомнила:

— Ты говорила, что все болезни от нервов.

— Правильно, а нервы от совести. От больной, от нечистой совести. Не жалея денежек, Лизочка, жертвуй, Лизочка, жертвуй.

Елизавета, испуганно взглянув на подругу, сказала:

— Ладно.

— Список нуждающихся я завтра тебе занесу, — пообещала Далила и вдруг спросила: — Скажи, а Калоева правда любила высокие каблукки?

— Да ты что! — удивилась Бойцова. — Высоких каблуков Марина никогда не носила. Она с Мишкой одного роста была.

— Ну ладно, я пошла домой отсыпаться.

* * *

В субботу, как всегда с новостями, подарками и тортом (со взбитыми сливками), Далила навещала крестницу Ангелину, а заодно и подругу Галину.

Начали с новостей.

— Я узнала, кто убил Марину Калоеву, Михаила, Анфису, Сасуняна, Рубена, нотариуса и Трофимыча, — с гордостью сообщила Далила.

Галина нетерпеливо воскликнула:

— Кто?

— Слушай, это длинный рассказ, как говорит мой Бонд, про обычную городскую жизнь. Марина Калоева росла на стыке культур. Отец армянин — домостроитель, русская мать — прогрессивная женщина. Можно представить, как легко жилось этой разнонациональной семье.

— Ад крошечный! — содрогнулась Галина и пояснила: — Для матери. Мужикам везде рай.

— И между тем, — усмехнулась Далила, — Марина росла счастливым ребенком. Отец и мать ее обожали. Отец баловал, мать стойчески оберегала от мерзостей их семейных дрызг. Трагедия произошла тогда, когда Марина вышла замуж за Михаила.

Пострадавшая от брака Семенова компетентно заметила:

— Вот когда слетели с нее розовые очки.

— Да, Марина тогда поняла, чего натерпелась ее добрая честная мать. Брак Марины тоже не удался,

но был огонек, который грел ее душу, помогая переносить издевательства Михаила.

— Что за огонек? — деловито осведомилась Галина.

— Муж нашей Людмилы.

— Карачка?

— Да, Карапет Ашотович Сасунян. Оказывается, они с Мариной любили друг друга с детства. Сасунян боготворил Марину, Марина его. Но отец выдал дочь по расчету. Поскольку отец Марине прививал лживую мораль, что мужчина бог, а потому он всегда прав, Марина не могла так вот запросто возненавидеть мужчин. Униженная разгульным Михаилом, она свою любовь к долгожданному принцу целиком взвалила на Сасуняна. Сасунян не возражал, но любовь, разумеется, была тайной.

Галина напомнила:

— Ты ж говорила, что у них с Сасуняном того...

— Ложная информация. Совсем не того. У них были светлые отношения. Марина душевно дружила с Людмилой. Она даже мысли допустить не могла завести роман с мужем подруги. Но однажды Людмила ей рассказала, что Карачку своего разлюбила, и более того, Людмила хочет уйти к другому.

— Откуда ты это узнала? — поразились Семенова. — Чертова Людка мне про это не говорила! Оказывается, у нее и любовник был!

Далила горько вздохнула:

— Представь себе, тетушка мне рассказала. Когда Марина была у Мары в гостях, они за песочным пирогом подружились и разоткровенничались. В результате тетушка быстро разобралась в этой запутанной и страшной истории. То, к чему я пришла после рассказа Зинаиды Поповой, тетушка знала уже тогда.

Она знала, кто убийца Анфисы, потому и заверяла меня, что Людмила невиновна. Более того, тетушка знала и то, что Марина обречена. Она даже знала, кто Марину убьет.

— Ну, старуха дает! Опять она тебя сделала! — возликовала Галина.

Далила, осуждающе покачав головой, отметила:

— Иногда ты бываешь потрясаяще деликатна.

— Да ладно, — смутилась Семенова, — я же радуюсь за старушку. Ну, в смысле, что в ее возрасте мозги все еще работают, что склероза нет.

— Ах, вот оно что, оказывается, ты о здоровье ее печешься, — прозрела Далила. — Тогда я тебя прощаю.

Покончив с «реверансами», Семенова немедленно задалась вопросом:

— А почему Мара от тебя скрыла свою догадку? Она видела, как ты страдаешь. Ох, и вредная все же Мара старуха!

Самсонова заступилась за родственницу:

— Вовсе не вредная. Она мне шанс давала. Думаешь, Мара рада, что в нашем негласном соревновании всегда она победитель? Мара хотела, чтобы я сама разгадала эту загадку убийства Пекаловой. Мара стала болеть, боится, вдруг умрет, а я так ни разу ее и не победила. И ничего уже исправить нельзя. Короче, она хочет, чтобы я победила в нашем соревновании.

— Это мне ясно, — отмахнулась Галина.

Тема соревнований тетушки и племянницы ее совсем не интересовала. От карьерных побед она была далека.

— Лучше скажи мне, — попросила Галина, — что там с Сасуняном и Калоевой приключилось. Людка хахаля завела, и Марина сразу под Карапета легла?

— Ты не можешь без пошлостей! — возмутилась Далила.

Семенова с серьезным видом заверила:

— Это не пошлость! В этом вся наша жизнь!

— Без комментариев. Лучше я возвращусь к Марине. Она узнала, что Сасуняна бросают. К ее любви добавилась жалость. Вот когда у Марины появилась надежда на лучшую жизнь.

— И что же они не сошлись, раз оба любили? — поразилась Галина.

— Совесть не позволяла Марине оставить своего Михаила. Совесть! Ты знаешь, что это такое?

Семенова фыркнула:

— Слышала когда-то давно, не помню уж от кого, но ни разу не видела.

— А Марина по этой, невиданной тобой совести всю свою жизнь прожила. Во всех семейных разногласиях совестливая Марина винила только себя. Но жизнь становилась невыносимой. В конце концов она решила выяснить, есть ли шанс, можно ли их брак сохранить.

— Ну, дура! — загоревала Галина. — Что там выяснять? Он ее даже бил!

Далила пожала плечами:

— Тебе, Семенова, таких тонких материй, прости, не понять.

— Хочешь сказать, что я наглая?

— Хочу сказать, что ты шустрая. По жизни ты носишься, некогда тебе тонкости замечать. Так вот, Марина послала ко мне Светлану Михайловну.

Семенова поразилась:

— Выходит, у болтушки Светланы Михайловны была цель: выяснить, можно ли сохранить брак Марины?

— Именно, — подтвердила Далила. — Чтобы Свет-

лана Михайловна оставалась для меня анонимом, но могла со мной держать связь, Марина дала ей телефон подружки Анфисы. На тот момент риска разоблачения Марина не видела. Ее дружба с Анфисой скрывалась. Марина полагала, что, когда в советах Самсоновой надобность отпадет, Светлана Михайловна сможет спокойно сойти со сцены. Даже если бы я и узнала, чей это телефон, Анфиса Марину не выдала бы. Тогда они еще были подругами. Марина и предположить не могла, что судьба Анфису ко мне занесет.

— Выходит, это Марина сказала, что Светлана Михайловна умерла? — догадалась Галина. — Зачем?

— После гибели мужа Марина узнает вдруг от Сасуняна, что Самсонова подруга Людмилы. Марина запаниковала, забрала телефон у Светланы Михайловны и отправила ее отдыхать в Испанию. А я не унимаюсь, хочу знать, куда моя пациентка пропала. Вот Марина и вынуждена была сказать, что Светлана Михайловна умерла.

— Ничего не пойму, — призналась Галина. — Хотя ты столько мне уже рассказала. Так кто же мужа Марины убил и эту, Анфису Пекалову?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное, — пообещала Далила. — Светлана Михайловна с помощью заочного психоанализа добилась только того, что Михаил стал с женой откровенничать еще больше. Марина добилась с мужем доверительных отношений. И что?

— Что? — спросила Семенова, задумчиво ковыряя в носу.

— Марина неожиданно узнает от мужа, что он в трех шагах от гибели. И это действительно так. Анфиса требует, чтобы Миша бросил Марину, Анфиса его шантажирует. Кричит: «Или женишься на мне, или я тебя выдаю».

— А что он натворил?

— Дело в том, что Анфиса и с Мариной дружила, и с Михаилом спала. Потом она переметнулась к Рубену, компаньону Карачки. Рубен поигрался с ней, как с игрушкой, и бросил: другую нашел. Мстительная Анфиса решила ему отомстить. А Михаил, видимо, подсказал, как это сделать. Анфиса выкрала паспорт Рубена. Кстати, — поинтересовалась Далила, — ты Рубена не видела?

— Живого или мертвого? — бестолково осведомилась Галина.

— Ой, да любого. Похож он был на Михаила?

Семенова гордо призналась:

— Я и Михаила не видела.

— Зато я знаю, что нотариус, Марк Борисович, был подслеповатый, — сообщила Далила. — Когда Михаил Калоев под именем Рубена явился к нотариусу с паспортом Рубена, Марк Борисович не заметил обмана и составил завешание в пользу Анфисы Пекаловой. Таким образом, в случае смерти Рубена Анфиса должна была получить его долю в бизнесе, общем с Карачкой Сасуняном. Что вскоре и произошло. Анфиса стала компаньоншей Карапета Ашотовича, а заодно и его любовницей. Без этого она не могла. Он тоже не мог.

Галина потрясла головой:

— Я что-то не поняла, это Анфиса, выходит, Рубена убила?

— Конечно, — подтвердила Далила. — Видимо, Анфиса Рубенчика подпоила снотворным и устроила в его квартире пожар. Но Михаил попал к ней в сообщники. Он же под видом Рубена ей долю покойного отписал. Теперь мне понятно, почему Анфиса эту долю Сасуняну вернула. «Слишком грешна, может,

на том свете зачтется», — сказала она. Вот вам и грех: убийство Рубена.

— И это все Михаил рассказал своей жене? — ужаснулась Галина. — Зачем?

— Чтобы она ему помогла. К тому времени он начал Анфису потихоньку травить, а та заметила и шум подняла, Сасуняну пожаловалась. Сасунян Михаилу слова ее передал. Михаил понял, что до Марины все это точно дойдет, и решил сам все рассказать. Михаил испугался. Анфиса шантажировала его, он, как ни странно, Марину любил и не хотел с ней разводиться. И тем более он не хотел на Анфисе жениться.

— Еще бы, на злодейке такой!

Далила вздохнула и после паузы продолжила свой рассказ.

— Представь, как восприняла все Марина, — горестно сказала она. — Муж предал ее, подруга тоже, оба злодеи. Убили Рубена. Еще она узнает, что Михаил купил Анфисе дом в Сестрорецке. Михаил понимал, что труднее всего будет скрыть от жены, где Анфиса живет. Еще Марина с ужасом узнает, что Михаил Анфису уже убивает: потихонечку травит.

Семенова охнула:

— Ну и дела!

— Как говорит мой Бонд, — усмехнулась Далила, — обычная городская жизнь: в переходах, в подъездах, за стеной, на улице соседи, прохожие и друзья щемят, гасят, чмортят.

— И что было дальше? — нервно пропищала Галина, подумывая уже о деревенской жизни.

— Естественно, Марина попыталась отговорить Михаила от расправы с Анфисой. Тот ни в какую.

Семенова деловито вставила:

— Еще бы, эта дура посадит его.

— От горя, безгливости, ненависти Марина, ду-

маю, обезумела. Рядом с ней живет враг, а она не может связать свою жизнь с любимым.

— С Людкиным Сасуняном! — с пафосом изрекла Галина. — Во дела!

Далила, осуждающе покачав головой, продолжила:

— Марина поняла, что это будет длиться долго и закончится плохо. Она задумала разрубить этот гордиев узел сама: решила убить Анфису, но так, словно это сделал ее муж, Михаил.

— И как же это ей удалось?

— Все произошло внезапно. Дело в том, что Михаил, купив в Сестрорецке дом, оформлять его на Анфису поостерегся — эта стерва еще отберет. На себя оформить он тоже не мог, вдруг Марина узнает. Короче, оформил на Сасуняна, взяв с него нотариально заверенную расписку на сумму дома. Когда Анфиса подняла шум, что ее кто-то травит, Сасунян понес грибы и мороженое на анализ и обнаружил там яд. После этого он запаниковал и потребовал у Михаила срочно вернуть расписку в обмен на дом. Вдруг Анфиса умрет, и его обвинят. Друзья поссорились. Калоев боялся, что в ходе всех финансово-бумажных заморочек Анфиса узнает, что дом оформлен не на нее. Кстати, Марина думала, что дом оформлен на Михаила. А вот Людмила как-то пронюхала истину.

— Выследила, — догадалась Галина. — Сасунян, видимо, частенько к Анфиске нырял.

— Ну, не знаю, вам, дамам бывалым, видней, — с усмешкой развела руками Далила. — В любом случае, Людмила Сасуняна к стенке прижала. Тот вынужден был расколоться... Да! — вспомнила вдруг Далила. — Ему же Анфиса в тот день как раз позвонила и сообщила, что завешание составила на него. Сасунян струхнул окончательно и по запарке ляпнул об

этом Людмиле. Она понеслась к Анфисе отношения выяснять.

Семенова поразилась:

— И это все происходило в тот день, когда Анфиса в твой кабинет забрела?

— Именно! — пламенно подтвердила Далила. — А Анфиса, оказывается, пребывала в уверенности, что купчая оформлена на нее. Она в бумагах совсем не разбиралась, поэтому Михаил, как хотел, так ее и убедил.

— Ха-ха! — рассмеялась Галина. — И вдруг с приходом Людмилы Анфиса нечаянно узнает, что дача, которую она завещала Карачке Сасуняну, ему и принадлежит, а вовсе не ей.

— Именно. Анфиса пытается доказать грозной Людмиле, что она любовница Калоева, а не Сасуняна. Но как тут докажешь, когда у Людмилы в руках кулинарная скалка? Людмила в своих правах, а в гневе она страшна.

Семенова подтвердила:

— О! Это я знаю!

Далила продолжила:

— К тому же Людмила вполне правдоподобно пообещала Анфисе прикончить ее на месте. Пекалова спасовала, что позволило Людмиле показать ей кузькину мать. После праведного суда Людмила с достоинством удалилась домой жарить котлеты, Анфиса же загоревала. Ей нанесли оскорбление. В отчаянии она просит защиты у Марины Калоевой, не подозревая, что Калоева ей уже не подруга, а злейший враг. Калоева приходит к Пекаловой, между ними разгорается ссора. Пекалова, видимо, унижает Марину, доводит ее до бешенства и получает кулинарным топориком по голове.

— Вот это да! — ужаснулась Галина. — А кто же Мишу убил?

— Калоева и убила, — безмятежно сообщила Далила.

— Но как же она это провернула?

— На территорию фабрики в одно и то же время въезжает грузовик, груженный железяками, которые страшно гремят. Марина, опираясь на это, и затеяла убийство. Убив Анфису, она спокойно отправилась на фабрику и в кабинете мужа прикрутила к столу детский пугач. Напоив Трофимыча, она уничтожила видеозаписи, уличающие ее в том, что она вечером приходила на фабрику. После этого она сообщила мужу, что Анфиса мертва. Он запаниковал. Она посоветовала ему на время скрыться, скажем, отправиться за границу. Она знала, что Михаил понесется на фабрику. Там, в его сейфе, хранились деньги. Потом она ему позвонила и посоветовала оставаться на фабрике, мол, там его не будут искать. Он на фабрике и ночевал.

— Но зачем он утром звонил Сасуняну?

Далила пожала плечами:

— Этого уже никто не узнает. Думаю, по наущению все той же Марины. Потом она сама позвонила Карапету Ашотовичу. Они вместе пошли на фабрику. Марина дождалась грузовика и нажала на кнопку «дистанционки». Дальше ты знаешь. Прозвучал выстрел: сработал детский пугач. Михаил сидел за столом и, разумеется, испуганно, с воплями отскочил к окну. Сасунян и Трофимыч все это видели, чего и добивалась Марина. Она с Сасуняном побежала в офис, а Трофимыч остался пропускать грузовик. На лестнице Марина обогнала Сасуняна, первой влетела в кабинет и под грохот грузовика застрелила Калоева.

Оставалось вложить пистолет в его руку, и вот оно, самоубийство.

— Но как ты об этом узнала? — удивилась Галина.

— По многим признакам, но, главное, Марина мне солгала. Она никогда не носила туфель на высоких каблуках. Они с Калоевым были одного роста.

— А Трофимыча кто убил?

— Трофимыча тоже убила она. Во-первых, просматривая видеозаписи, Марина обнаружила, что Калоев водил в офис девочек, а Трофимыч ему потворствовал. Во-вторых, Трофимыч начал что-то подозревать, ведь в его журнале было одно, а на видеоленте другое.

— Неужели и нотариуса убила она?

— Увы, — вздохнула Далила. — Думаю, что Марк Борисович застал Калоеву в доме Анфисы. Она стояла над трупом, не успела уйти.

— Почему же он никому не рассказал? Почему не вызвал милицию? — поразилась Галина.

— Видимо, Марина ему пригрозила, а Марк Борисович был трусоват. Он метался, но так и не решился сказать. Мести боялся.

— Но кто же убил Сасуняна? Сасуняна Марина любила.

— Сасунян был самым ужасным разочарованием Марины, — возвестила Далила. — Я припомнила разговор с Людмилой, та с обидой ругала Марину: «Та, овца, то и дело Карачке моему звонила: «Ой, Миша домой не пришел. Ой, пойдем со мной к нему на работу». И сама Марина сказала, что накануне на работе у мужа была. А Сасунян говорил, что Марина в день гибели Миши Калоева впервые на территории фабрики появилась. Как думаешь, зачем он это сказал?

— Зачем?

— Сасунян много врал и заставлял лгать Людми-

лу. Он любимую женщину выгораживал. Он своими руками снял со стола пугач, поэтому был уверен, что это Марина убила Мишу. Но даже тогда он ее не разлюбил, а вот Марина его возненавидела.

— После чего?

— После разговора с Людмилой. Сасунян сподличал: желая заполучить Марину, он решил обвинить в убийстве Анфисы жену. Он думал, что Марина охладела к нему из-за Людмилы, что она не хочет разбивать семью. На самом деле Марина к нему не охладела. Она просто ждала. Если все увидят, что у нее роман с Сасуняном, возникнут нежелательные подозрения, считала она.

Семенова восхитилась:

— Ну и умная баба была!

— Да, — согласилась Далила, — Марина была умна. Пока она сторонилась Карапета Ашотовича, тот сходил с ума и плел сети вокруг Людмилы. В конце концов Людмила не выдержала и выложила все Марине. Все рассказала: как он всю жизнь «кобелировал», как теперь родную жену подставляет ради любовницы и кто он вообще такой. Кстати, Сасунян и мне все врал. В тот роковой день он не был у Анфисы и ничего не видел. Он просто знал, что Людмила туда поехала. Она и не скрывала.

— А что сделала Марина, когда услышала Люськин рассказ?

— Марина ей не поверила. Тогда Людмила поведала, что Сасунян спал с Анфисой. В качестве доказательства она показала купчую на дом, в котором Анфиса жила. Вот, мол, смотри, тебя да меня любил, а дом в Сестрорецке Анфиске купил. Тут-то Марина и возненавидела Сасуняна. А когда он сказал ей, что я за это дело взялась, она поняла, что становится горячо. Она решила перевести стрелку на него. Желая вывес-

ти Людмилу из-под удара, она назначила ей встречу в универмаге, а сама убила нотариуса и Сасуняна. Когда я впервые с ней разговаривала, она ходила не за лекарствами, а убивать. А потом Марина мне лгала, намекала, что Сасунян злодей и ей угрожает. Я на хитрость ее повелась.

— Но кто же убил Марину? — удивилась Галина.

— Марину убила она сама. Узнав, что она в больнице, Людмила изредка ей звонила, справлялась о здоровье, жаловалась на то, как ей плохо. Это ужасно на Марину влияло. Ее мучила совесть, подсказывал сахар. Марина поняла, что в отчаянии она искала справедливости, а по сути лишь мстила. И всем сделала плохо, не сделав себе хорошо.

— И когда же она это поняла?

— В тот день, когда Людмила к нам в гости пришла. Марина ее и вызвала. Как бы там ни было, но Людмила любила своего Сасуняна, а ругала его со зла. Когда волна ненависти спала, пришла боль. Боль пришла и к Марине. Марина в это время жила у меня и мои книги читала. Зачем она позвала Людмилу, понятия не имею, но Людмила ей слезно призналась, что любит она покойного Сасуняна и плохо ей без него. Тут у Марины в первый раз сахар и подскочил.

Галина зашлась от ужаса:

— Вот что делает с человеком совесть! А я, признаться, тебе не верила!

— Да, совесть человека может убить, — констатировала Далила и, взглянув на подругу, спросила: — Семенова, что с тобой? Ты побелела.

— Та отмахнулась:

— Да так.

— А ну, не юли. Хочешь сгореть в муках совести?

— Ой, — завертелась Семенова, — видимо, при-

дется признаться. То платье, ну помнишь, сиреневое, что Граблин мне подарил?

— Ну, не тяни.

— Оно не от Диора, на барахолке купили.

Далила ее успокоила:

— Я сразу так и подумала.

Галина каялась дальше:

— А то розовое, с черным пушком на воротнике, ну помнишь, что я месяц назад купила?

— Помню, — подтвердила Далила.

— Так вот, розовое не с барахолки и оно не за тридцать долларов, а за триста.

— Ага, оно-то как раз от Диора! — прозрела Самсонова. — И купила его ты на деньги, подаренные тетушкой Марой твоей Ангелинке!

Галина, в позе кающейся Магдалины, горестно подтвердила:

— О да! Не устояла!

— Ладно, подруга, — сказала Далила, — тогда я тоже тебе признаюсь.

Семенова ожила:

— Давай поскорей!

— Мы с Матвеем не просто встречаемся. Мы с ним решили через месяц сходиться.

— А почему не сейчас?

— Сейчас скандалы с бывшей женой ему ни к чему.

Галина немедленно подытожила:

— Ага, Ирина у вас уже бывшая.

— Ну, примерно так, — виновато улыбнулась Далила.

— А как же Козырев? Неужели Сашку совсем забыла? Неужели не любишь уже?

— Я его никогда не любила, — отмахнулась Далила и со вкусом продолжила: — Мы решили, что Матвей должен быть в форме, у него много работы

перед командировкой в Германию. Мы даже почти не встречаемся из-за этого. А вот когда он вернется из командировки, то вернется ко мне, а не к Ирине. Так-то вот, поняла?

— Поняла! — радостно улыбнулась Галина. — Ну, раз мы совесть свою облегчили, айда лопать торт?

— Айда! — согласилась Далила.

Сели за стол. Ангелину усадили в ее любимое вышоченное кресло, Далила с крестницей рядом пристроилась, Галина, вооружившись ножом, начала резать торт. В этот возвышенный, священный момент заиграл мобильный звонок.

— Моцарт, это не мой, — прислушавшись, бросила Галина подружке, прицеливаясь откромсать от торта новый кусок.

Далила торопливо припечатала трубку к уху и радостно завопила:

— Козырев?! Это ты? Встретиться? Конечно, могу! Когда? А почему не сегодня? Почему не сейчас? Я абсолютно свободна!

— Черт возьми! — возмутилась Галина. — Разве не видит она, режу торт! Разве Козырев не подождет? «Почему не сейчас? Я абсолютно свободна!» — передразнила она подружку, зверски врезаясь ножом в бисквит.

Далила потрясла телефоном, чмокнула Ангелинку и уже на бегу прокричала Семеновой:

— Извини, я ухожу!

Когда хлопнула дверь, Галина растерянно спросила у торта:

— И кого из нас надо лечить? С мужем она сходится! Козырева не любит она!

В этот миг раздался телефонный звонок — это Далила, выбивая каблучками из ступеней чечетку (лифт

не работал), звонила подруге, хотела очистить совесть.

— Галка! — отчаянно прокричала в трубку она. — Прости! Я же главное забыла сказать!

— Что? — подскочила Галина.

— Твой Голос ко мне приходил!

— И что?

— Он любит вас с Ангелинкой! Он мечтает создать идеальнейшую семью!

Семенова остоленела:

— С нами?

— С вами! Но сначала я буду тебя лечить, — предупредила Далила и пояснила: — Ты должна быть предельно верной. Целую! Пока! Остальное потом расскажу!

— Ну и дела, — поперхнулась Семенова и, откашлявшись, пожаловалась Ангелине: — Меня она от неверности будет лечить, а сама к Козыреву понеслась. А как же Матвей?

Литературно-художественное издание

Милевская Людмила Ивановна
ДАМСКИЙ НЕГОДНИК

Ответственный редактор *О. Рубис*
Редактор *Т. Другова*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Художник *А. Яцкевич*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *В. Викулкина*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.12.2004.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 12,2.
Тираж 7000 экз. Заказ № 4502051.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

Семейный совет

О родителях и ДЛЯ родителей

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 31912

Мы ответим
на все ваши
"детские" вопросы

- ✓ где учить,
- ✓ как лечить,
- ✓ с кем играть,
- ✓ что читать...

**И еще многое другое,
интересное для взрослых и детей**

Издательский дом
«Виктор Шварц и К°».

Наши газеты читают по всей России и в странах СНГ.
Вы также можете стать их читателями,
купив в ближайшем киоске.

**ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ**

Освещает вопросы личного характера,
здоровья и гармонии в семейной
и сексуальной жизни.

Интереснейшие материалы о том, как прожить
в нынешние трудные времена, как научиться
зарабатывать деньги, как воспитывать детей.
На страницах издания - встречи и интервью
с мировыми знаменитостями, звездами
русского и зарубежного театра и кино,
психологические и криминальные очерки.

Выходит 2 раза в месяц.

По вопросам реализации обращаться:
103820 ГСП, Москва-51, Цветной б-р, д. 30,
Издательский дом «Виктор Шварц и К°»,
тел./факс: 923-88-54.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОН Леонтьев

АВАНТЮРНЫЕ РОМАНЫ

Романы Антона Леонтьева – великолепные авантурные истории о необычных женских судьбах. Увлекательный интригующий сюжет, атмосфера роскоши и великолепия, легкий авторский стиль, загадка личности самого писателя – все это определило успех книг Антона Леонтьева среди сотен тысяч поклонников.

www.eksmo.ru

Новые книги серии:
«Восьмой смертный грех»,
«Шпионка, пришедшая с севера»,
«Закат созвездия Близнецов»,
«Крапленая карта мира».

